

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР  
КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



*Российская Академия Наук*

# ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

1/2020 (11)

ГУМАНИТАРНЫЕ  
ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 18

Апатиты  
2020

0+

---

*Российская Академия Наук*

0+

1/2020(11)

издается с декабря 2010 г.

# ТРУДЫ

УДК 316.7 (985)  
ISSN 2307-5252

Кольского научного центра

## ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 18

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18

Научно-информационный журнал

Основан в 2010 году

Выходит 11 раз в год

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-58457 от 25.06.2014

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Главный редактор, председатель Редакционного совета

С. В. Кривовичев, чл.-корр. РАН, д. г.-м. н., проф.

Заместитель главного редактора

В. К. Жиров, чл.-корр.

Редакционный совет:

академик Г. Г. Матишов,

чл.-корр. А. И. Николаев,

д. э. н. Ф. Д. Ларичкин

д. т. н. В. А. Путилов,

д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,

к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии

«Гуманитарные исследования»:

д. и. н. И. А. Разумова (отв. редактор);

д. и. н. И. Ю. Винокурова;

д. филол. н. Н. В. Дранникова;

к. филос. н. Н. Н. Измоленова;

д. г.-м. н. В. П. Петров;

к. и. н. Е. А. Пивнева;

д. э. н. Т. П. Скуфьина;

д. и. н. Ю. П. Шабаев;

к. и. н. О. В. Шабалина

Научный редактор выпуска:

д. и. н. И. А. Разумова

Ответственный за выпуск:

д. и. н. И. А. Разумова

Научное издание

Редактор С. А. Шарам

Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано в печать 14.02.2020.

Дата выхода в свет 19.10.2020.

Формат бумаги 70×108 1/16.

Усл. печ. л. 18.2. Заказ № 22. Тираж 300 экз.

Свободная цена

Адрес учредителя, издателя и типографии:

Федеральное государственное бюджетное

учреждение науки

Федеральный исследовательский центр

«Кольский научный центр РАН»

184209, г. Апатиты, Мурманская обл.,

ул. Ферсмана, 14

Тел.: (81555) 7-53-50; 79-5-95, факс: (81555) 76425

E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru, naukaprint.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Кузнецова Л. А., Разумова И. А.	Образовательный и культурно-просветительский компонент саамских этнических интернет-сообществ..... 5
Дубровская Е. Ю.	Социально-экономическое пространство сооружения Мурманской железной дороги: строители магистрали и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны..... 24
Логинов К. К.	Поморские карбасы (Карельский, Поморский и Летний берега)..... 43
Елизарков Н. А.	Выговские староверы, традиционное судоходство и судостроение Беломорско-Онежского бассейна..... 55
Ямаева Е. Е.	Пазырыкская культура Горного Алтая: к проблеме происхождения культа оленя и существования таежного оленеводства (интерпретация по материалам устной истории и наскальных рисунков)..... 76
Лихачев В. А.	Новые находки скоплений петроглифов на Канозере (период 2017–2019)..... 85
Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н.	Организация университетского пространства и быта его обитателей: деятельность С. С. Уварова в отношении Санкт-Петербургского университета и его предшественников в 1811–1821 годах..... 109
Ашихмин А. В.	Немецкая этноконфессиональная группа в профессорской корпорации Санкт-Петербургского университета в первой трети XIX века..... 126
Шех А. В.	Отражение событий августа 1991 года в Мурманской области..... 140
Тертышная К. А.	Проблемы этнографических и историко-краеведческих музеев: взгляд исследователей..... 149
<b>К Году памяти и славы</b>	
Саморукова А. Г.	«В те блокадные годы»: воспоминания Т. А. Козупеевой..... 162
Бусырева Е. В.	Воспоминания потомков российских немцев о годах войны (по материалам этнографического исследования)..... 173
<b>Аспирантские тетради</b>	
Сушко Е. О.	Хибины и Имандра в годы Гражданской войны и союзнической интервенции: страницы истории..... 186
Стрельников В. В.	Мурманская область в предвоенный период (на примере города Кировска)..... 195
<b>Научная жизнь</b>	
Сулейманова О. А.	О Первом образовательном семинаре по сценарному прогнозированию «Будущее народа саами в условиях глобальных изменений»..... 205

*Russian Academy of Sciences*

0+

**1/2020**(11)  
Published since 2010

TRANSACTIONS

UDC 316.7 (985)  
ISSN 2307-5252

**Kola Science Centre**

Editor-in-Chief: S. V. Krivovichev,  
Corr. Member of the RAS, Prof.

Deputy Editor-in-Chief:  
V. K. Zhirov, Cor. Member of RAS

Editorial Council:

G. G. Matishov, Acad. of RAS,  
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS,  
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),  
V. A. Putilov, Dr. Sc. (Engineering),  
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc.  
(Physics and Mathematics),  
A. S. Karpov PhD (Engineering) –  
Executive Secretary

Editorial Council  
of "Humanitarian studies" Series:

Prof. I. A. Razumova (Editor-in-Chief),  
Prof. I. Ju. Vinokurova,  
Prof. N. V. Drannikova,  
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,  
Prof. V. P. Petrov,  
PhD (History) E.A. Pivneva,  
Prof. T. P. Skufina,  
Prof. Ju. L. Shabaev,  
PhD (History) O. V. Shabalina,  
PhD (History) K.S. Kazakova  
Prof. I. A. Razumova  
(Executive Editor)

## HUMANITARIAN STUDIES

Series 18

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia  
Tel.: (81555) 79380. Fax: (81555) 76425  
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru, naukaprint.ru

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2020  
© Federal Research Centre "Kola Science Centre  
of the Russian Academy of Sciences", 2020

CONTENTS

	Page
Kuznetsova L. A., Razumova I. A. Educational and Enlightenment component of Sami ethnic online communities.....	5
Dubrovskaya E. Yu. Social and economical space of the Murmansk railway construction: railway builders and the population of the adjoin territories during the World War I.....	24
Loginov K. K. Pomeranian carbases (Karelian, Pomeranian and Summer coasts).....	43
Elizarkov N. A. Vyg old believers, traditional shipping and shipbuilding of the White Sea-Onega basin.....	55
Yamaeva E. E. Pazyryk culture of Mountain Altai: on the problem of the origin of the deer cult and the existence of taiga reindeer husbandry (interpretation based on oral history and cave paintings).....	76
Likhachev V. A. New findings of clusters of petroglyphes on Canozero (period 2017–2019).....	85
Pustovojt I. S., Zhukovskaya T. N. Organization of university space and everyday life of its inhabitants: the activities of S. S. Uvarov regarding the St. Petersburg University and its predecessors in 1811-1821.....	109
Ashikhmin A. V. German ethno-confessional group in the professorship corporation of St. Petersburg University in the first third of the XIX century.....	126
Shekh A. V. Reflection of the events of August 1991 in the Murmansk region.....	140
Tertyshnaya C. A. Problems of Ethnographic and Local History Museums in the views of Researchers.....	149
<b>To the Year of Memory and Glory</b>	
Samorukova A. G. “In that blockade years”: memories of T. A. Kozupeeva.....	162
Busyreva E. V. Remembers of the descendants of the Russian Germans about the years of War.....	173
<b>Postgraduate Notebooks</b>	
Sushko E. O. Khibiny and Imandra during Russian Civil war and allied intervention: pages of history.....	186
Strelnikov V. V. The prewar years in the Murmansk region on the example of Kirovsk.....	195
<b>Scientific Life</b>	
Suleymanova O. A. About the First educational seminar on scenario forecasting “The future of the Sami people under the global changes”.....	205

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.001  
УДК 394:004.7 (=511.1)

**Л. А. Кузнецова, И. А. Разумова**

## **ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОМПОНЕНТ СААМСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ<sup>1</sup>**

### **Аннотация**

Статья посвящена актуальным проблемам, связанным с образовательной и культурно-просветительской функциями виртуальных сетевых сообществ кольских саамов. Представлены результаты эмпирического исследования, цель которого — количественная и качественная характеристика научного, образовательного и культурно-просветительского контента саамских сетевых ресурсов. Исследование показало, что образовательно-просветительский потенциал онлайн-сообществ, ориентированных на пользователей-саамов, значительно уступает возможностям ресурсов, создаваемых для более широкой аудитории. Культурно-образовательный контент наиболее разнообразен в сообществах, созданных по индивидуальной инициативе киберактивистов. Большинство виртуальных саамских сообществ недостаточно разработано с точки зрения технологий взаимодействия с пользователем. Выявлены факторы деструктивных процессов в онлайн- и офлайн-пространствах, которые препятствуют деятельности сообществ.

### **Ключевые слова:**

*интернет-сообщества, саамы, образование, просвещение.*

**Larisa A. Kuznetsova, Irina A. Razumova**

## **EDUCATIONAL AND ENLIGHTENMENT COMPONENT OF SAMI ETHNIC ONLINE COMMUNITIES**

### **Abstract**

The article is devoted to pressing issues related to the educational, cultural and enlightening functions of the virtual network communities of the Kola Sami. The results of an empirical study are presented, the purpose of which is a quantitative and qualitative characteristic of the scientific, educational, cultural and educational content of the Sami network resources. The study showed that the educational potential of online communities targeting Sami users is significantly inferior to the capabilities of resources created for a wider audience. Cultural and educational content is most diverse in communities created on the individual initiative of cyber activists. Most Sámi virtual communities are not well developed in terms of user interaction technologies. The factors of interacting destructive processes in online and offline spaces that impede the activities of communities are identified.

### **Keywords:**

*Online communities, Sami, education, enlightenment.*

### **Введение**

Современные исследования в области социологии и культуральной антропологии показывают, что одной из важных функций сети Интернет является поддержание культурного разнообразия и помощь в укреплении групповой, в т. ч. этнической идентичности [Ханхунова, Чойропов, 2013;

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Махмутов, Габдрахманова, 2016; Головнев и др., 2018 и др.]. Благодаря сетевым коммуникациям компенсируются, в частности, недостаточные возможности офлайн-социальных институтов для удовлетворения культурных потребностей, репрезентации этнокультуры [Разумова, Сулейманова, 2019], «социальные платформы и виртуальные этнические группы создают технологическую коммуникационно-организационную инфраструктуру поддержки для офлайн-этнических сетей» [Глухов, 2015: 28].

Возможности образования и просвещения и материалы научно-образовательного и культурно-просветительского характера, предоставляемые этническими интернет-сообществами, необходимы для представителей и этнических общностей, относящихся к различным социальным группам, и различных социальных групп, которые не акцентируют внимание на этнической самоидентификации, но проявляют профессиональный или любительский интерес к этнографии или отдельным этнокультурам. Вместе с тем целый ряд факторов существенно ограничивает возможности образования и просвещения в этнокультурном ключе и тех, и других.

К причинам этого можно отнести не только очевидные «офлайновые» социокультурные, политические и социально-экономические проблемы этнической общности, о которой (и для которой) создаются киберсообщества. Их возможности сдерживаются недостатком соответствующих электронных ресурсов, а также труднодоступностью искомой на них информации. Последнее явление определяется, в свою очередь, совокупностью причин: ограничительными законодательными решениями Роскомнадзора, различиями интерфейсов интернет-источников (от их удобства зависит взаимодействие с пользователем) и алгоритмов поиска, характерных для разных браузеров и сайтов, а также степенью готовности этнических общностей, репрезентирующих собственную культуру, предоставлять достоверную информацию о ней. Установление информационных барьеров вызывается причинами психологическими, политическими, социокультурными. Оно выражается в так называемых настройках приватности в сетевых сообществах на этническую тематику. Имеет место и обратная ситуация. Осознание администраторами самой целесообразности дальнейшего развития и дополнения новой информацией виртуальных этнических сообществ зависит от возникающих новых или не устраняемых старых объективных социально-экономических проблем этнической группы. Эти проблемы отрицательно влияют на интенсивное и экстенсивное развитие, популяризацию культуры, в нашем случае — коренного малочисленного народа, на понимание ее уникальности и ценности массовым сознанием городского большинства населения административной территории, населяемой в том числе кольскими саамами.

#### **Методика и источники**

Исследование инициировано проверкой двух гипотез: а) объективные социально-культурно-экономические проблемы саамов в офлайн-пространстве влияют на целесообразность и динамику репрезентации саамской культуры в сети Интернет и, напротив, б) количественное распространение саамских киберсообществ и качественное разнообразие их контента в части освещения социокультурных проблем саамов влияют на успешность разрешения этих проблем в реальности.

Цель исследования — анализ саамских этнических интернет-сообществ на предмет количественной и качественной характеристики научного, образовательного и культурно-просветительского контента.

На данном этапе изучения проблемы использовались следующие категории анализа:

- 1) вид сайта, на котором расположены интернет-сообщества;
- 2) тип сообщества по организационному основанию (принадлежности и инициативе создания);
- 3) общее количество событий об образовании и культурном просвещении о саамах и для саамов на каждом сайте;
- 4) характер основного контента исследуемых саамских этнических интернет-ресурсов по соответствующему содержанию большинства упоминаемых на этих сайтах событий в рамках образовательной и культурно-просветительской деятельности;
- 5) образовательные и культурно-просветительские цели событий, упоминаемых в интернет-сообществах и на общероссийских образовательных и культурно-просветительских сайтах, которые предоставляют информацию об изучении саамов и их культуры, общественно-политических проблемах и пр.;
- 6) время последних обновлений событий в каждом киберсообществе (выявление развивающихся и «брошенных» администраторами интернет-сообществ), а также записей и других единиц информации, указывающих на причины прекращения развития того или иного сообщества.

При помощи методов невключенного онлайн-наблюдения и контент-анализа электронных ресурсов и сообществ были найдены и проанализированы 33 саамских этнических киберсообщества, относящиеся к четырем группам по организационному основанию (принадлежности и инициативе создания), из них 18 сообществ в социальных сетях и 15 официальных сайтов с указанием общего количества регулярно добавляющихся модератором единиц информации (упоминаний, мероприятий, постов, файлов, других форм) на тему образования и культурного просвещения в саамской этнической среде и остальной части целевой аудитории, интересующейся тематикой саамских виртуальных сообществ.

Количество значимых для исследования единиц информации в группах социальных сетей на тему культурно-просветительской и научно-образовательной жизни саамов (в чистом виде, без примеси обсуждения других аспектов) подсчитано по состоянию на 10 марта 2020 г. путем вычитания числа записей непосредственно сообщества (его администратора) из общего числа записей на стене. В то же время количество аналогичных единиц информации на официальных сайтах, содержащих данную тематику в чистом виде или частично (с примесью раскрытия других обсуждаемых в сообществе тем), найдено путем прямого порядкового счета на основных страницах сайтов (вторичные ссылки не учитываются).

## **Группы сообществ по типу**

### ***1. Сообщества, представляющие общественные объединения, организации, фонды, союзы:***

1. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Общественная организация Мурманской области “Ассоциация кольских саамов”» [ООМО // VK, ЭР] — 959 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; последняя запись 6 марта 2020 г.; обновляется раз в месяц.

2. Представительство официального сайта Мурманской областной молодежной общественной организация саамов «Самь Нураш» (Самь нурр олмэ организациа «Самь Нураш») в социальной сети «ВКонтакте» [Самь нурр // VK, ЭР] (официальный сайт заблокирован) — 161 упоминание/мероприятие/пост/файл; последняя запись 22 февраля 2020 г.; обновляется раз в месяц.
3. Официальный сайт общественной организации «Фонд саамского наследия и развития» [Фонд, ЭР] — 54 упоминания/мероприятия/поста/файла; сайт-портал; последняя запись 9 марта 2020 г.; обновляется раз в месяц.
4. Представительство официального сайта общественной организации «Фонд саамского наследия и развития» (группа) в социальной сети «ВКонтакте» [Фонд // VK, ЭР] — 279 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; последняя запись 3 апреля 2020 г.; обновляется ежедневно.
5. Официальный сайт международной общественной организации «Союз саамов» [Союз саамов, ЭР] — 8 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; сайт-портал; последняя запись 28 ноября 2019 г.; обновляется 1–2 раза в год.
6. Представительство официального сайта международной общественной организации «Союз саамов» в социальной сети «ВКонтакте» [Союз саамов / The Saami Council // VK, ЭР] — 102 упоминания/ мероприятия/поста/файла; последняя запись 3 апреля 2020 г.; обновляется ежедневно.
7. Информационный портал «Kola Sápmi (Новости кольских саами)» [Kola Sápmi, ЭР] — 104 упоминания/мероприятия/поста/файла; новостной сайт; последняя запись 17 марта 2020 г.; обновляется 1–2 раза в месяц.
8. Представительство официального сайта «Kola Sápmi (Новости кольских саами)» (группа) в социальной сети «ВКонтакте» [Kola Sápmi // VK, ЭР] — 432 упоминания/мероприятия/поста/файла; последняя запись 31 марта 2020 г.; обновляется раз в несколько дней.
9. Форум саами. (Forum Sápmi) [Форум саами, ЭР] — 241 упоминание/ мероприятие/пост/файл; последняя запись 29 сентября 2019 г.; обновляется до нескольких раз в год.
10. Саамский информационный бюллетень «Самь Ёммьне» — «Саамская земля» (официальный сайт) [Самь Ёммьне, ЭР] — 12 упоминаний/ мероприятий/постов/файлов; блог; последняя запись 17 августа 2014 г.; не обновляется, заброшен.
11. Канал видеохостингового сайта YouTube «Кольское саамское радио» [Кольское саамское радио, ЭР] — 13 упоминаний/мероприятий/постов/ файлов; последнее обновление 8 августа 2018 г. и радиовещание не осуществляется с августа 2018 г.
12. Информационный портал с функцией электронной библиотеки «Российские саами. Саами Кольского полуострова» [Российские саамы, ЭР], раздел «Книги» (о саамах и произведения саамских авторов) [Книги, ЭР] — 310 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; последнее обновление 2019 г.; вероятность обновлений неизвестна.
13. Официальное сообщество (группа) в социальной сети «ВКонтакте» «ООСМО — Общественная организация содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саами Мурманской области» (официальный сайт отсутствует) [ООСМО // VK, ЭР] — 8 упоминаний/мероприятий/постов/ файлов; сайт-портал; последняя запись 23 ноября 2019 г.; не обновляется, заброшен.

14. Саамский парламент Куэллинэгк нёарк Сәмь Соббар (официальный сайт) [Саамский парламент, ЭР] — 44 упоминания/мероприятия/поста/файла; сайт-портал; последняя запись 17 апреля 2016 г.; не обновляется.

## ***II. Сообщества, созданные муниципальными учреждениями культурного профиля:***

15. Официальный сайт муниципального бюджетного учреждения культуры «Ловозерский национальный культурный центр» [Ловозерский национальный, ЭР] — 7 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; сайт-портал; последняя запись 24 марта 2020 г.; обновляется раз в 2–3 дня.

16. Представительство официального сайта «Ловозерский национальный культурный центр» (группа) в социальной сети «ВКонтакте» «Ловозерский НКЦ приглашает» [Ловозерский НКЦ // VK, ЭР] — 812 упоминаний/ мероприятий/ постов/файлов; сайт-портал; последняя запись 30 марта 2020 г.; обновляется почти ежедневно.

17. Официальный сайт Музея саамской литературы и письменности им. Октябрины Вороновой [Музей, ЭР] — 12 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; сайт-портал; не обновлялся с 2010 г.

18. Краеведческий портал «Земля Ловозерская» (официальный сайт) [Земля, ЭР] — 30 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; сайт-портал; создан в марте 2019 г., дата последней записи неизвестна.

19. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Курсы колта-саамского языка при поддержке Северосаамского музея в Нейдене» [Курсы // VK, ЭР] — 70 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; сайт-портал; последняя запись 26 октября 2019 г.; не обновляется.

## ***III. Сообщества, созданные благодаря индивидуальным инициативам киберактивистов:***

20. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Сәмь б́ллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» [Сәмь б́ллмэ // VK, ЭР] — 407 упоминаний/ мероприятий/постов/файлов; сайт-портал; последняя запись 18 марта 2020 г.; сайт обновляется от одного до нескольких раз в месяц.

21. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Лопари (Саамы)» [Лопари // VK, ЭР] — 43 упоминания/мероприятия/поста/файла; сайт-портал; последняя запись 2 февраля 2020 г.; сайт обновляется от 1 раза в 2 месяца до 1–2 раз в месяц.

22. Блог «Саамские сказки и легенды / Шаннт еммьне чуввьда верьд ли милса» [Саамские сказки, ЭР] — 314 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; блог; последняя запись 21 февраля 2020 г.; обновляется 2 раза в месяц, через каждые 2 месяца.

23. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Sápmi» [Sápmi // VK, ЭР] — 3846 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; сайт-портал; последняя запись 3 апреля 2020 г.

24. Информационный портал «Ловозерье» [Ловозерье, ЭР] — 2777 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; последняя запись 03.04.2020.

25. Представительство информационного портала «Ловозерье» (группа) в социальной сети «ВКонтакте» «Ловозерцы» [Ловозерцы // VK, ЭР] — 642 упоминания/мероприятия/поста/файла; последняя запись 3 апреля 2020 г.; обновляется 3–4 раза в день.

26. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Ловозерский р-он — Луяввьр ёммьне» [Ловозерский р-он // VK, ЭР] — 661 упоминание/мероприятие/пост/файл; сайт-портал; последняя запись 4 апреля 2020 г.

***IV. Сообщества, созданные для обсуждения отдельных культурных инициатив и аспектов культуры:***

27. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Сәмь кйлл | Sām' kīll | Саамский язык» [Сәмь кйлл // VK, ЭР] — 53 упоминания/мероприятия/поста/файла; последняя запись 1 апреля 2020 г.

28. Архив литературы «Саамская библиотека» в сервисе хранения файлов Google Диск, созданный администраторами группы в социальной сети «ВКонтакте» «Сәмь кйлл | Sām' kīll | Саамский язык» [Саамская библиотека, ЭР] — 125 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; контент-проект; последняя запись неизвестной давности, данный раздел группы «ВКонтакте» не обновляется.

29. Образовательный портал «Саамские словари: online-словари и приложения» (официальный сайт) [Саамские словари, ЭР] — 16 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; контент-проект; последняя запись 14 декабря 2019 г. (комментарий пользователя); не обновляется.

30. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Воссоздание поселения древних саамов и создание на его базе культурно-просветительского экологического центра» [Воссоздание поселения // VK, ЭР] — 12 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; последняя запись 16 марта 2017 г.; не обновляется.

31. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки» [Саамский костюм // VK, ЭР] — 81 упоминание/мероприятие/пост/файл; последняя запись 7 ноября 2019 г., не обновляется.

32. Официальная страница информационного вестника (группа в социальной сети «ВКонтакте») «Куэллнэгк рыннт» | «Кольский берег» [Куэллнэгк рыннт // VK, ЭР] — 134 упоминания/мероприятия/поста/файла) новостной портал; последняя запись 15 сентября 2019 г.; обновления раз в несколько месяцев, вероятно, не будет обновляться.

33. Группа в социальной сети «ВКонтакте» «Duodji samisk håndverk» (о саамском рукоделии и культуре) [Duodji // VK, ЭР] — 36 упоминаний/мероприятий/постов/файлов; последняя запись 21 декабря 2017 г.; не обновляется.

**Результаты исследования**

При обзоре и поиске в браузере и социальных сетях в первую очередь становится очевидным сильный количественный дисбаланс между киберсообществами, созданными для пользователей-саамов, и ресурсами, создаваемыми для любых пользователей, интересующихся саамской культурой. Налицо как численное преобладание последних, так и ускоренный и упрощенный доступ к ним при поиске по соответствующему запросу. Особенно эти различия заметны при поиске киберсообществ по саамской тематике именно в научно-образовательном и просветительском ключе. Даже если учесть дублирование содержания многих сайтов и стихийно складывающиеся у исследователя представления о специфичности контента интернет-ресурсов, ориентированных на саамскую аудиторию, следует признать их ограниченное количество (33 ед.). Гораздо более обширным оказался список обнаруженных, но не указанных в исследовании электронных ресурсов Российской Федерации и Мурманской области, контент которых включает материалы об изучении

саамов в общественных и гуманитарных науках и/или сведения о саамах просветительского характера. Таких киберсообществ найдено 103, однако в реальности сайтов по данному запросу может насчитываться неограниченное количество. Это естественно, поскольку они предназначены для более широкой аудитории, в отличие от узко локализованных географически и в этнокультурном отношении саамских этнических киберсообществ.

В то же время важно, что репрезентация строгой научной информации, прежде всего, о быте, материальной и духовной культуре, историческом пути, социально-экономических и политико-административных проблемах саамов, о проблеме саамского языка и т.п. не зависит от локализации киберсообществ по географическому и этнокультурному признаку целевой аудитории. Информация носит универсальный характер, то есть может быть использована как самими представителями этнической общности из числа активных пользователей Интернета, так и пользователями, принадлежащими к любым социальным группам по этнокультурному, профессиональному и прочим критериям. При этом информация культурно-просветительского характера преобладает над непосредственно научной и образовательной информацией о саамах, хотя в перечне найденных ресурсов примерно равное количество киберсообществ, содержащих ее в чистом виде (17 из 33) и предоставляющих сведения не только просветительского, но также научного и образовательного характера (17 из 33). Сравнение количества источников, содержащих оба типа информации, во всех группах киберсообществ показало, что наибольшее их число относится к группе № 3 (сообщества, созданные благодаря индивидуальным инициативам киберактивистов): 6 из 7, или 86 % сетевых сообществ. И это несмотря на их неофициальный характер, в отличие, например, от группы № 2, сообщества которой созданы муниципальными учреждениями культурного профиля и обладают возможностью предоставлять, казалось бы, максимальное количество материалов культурно-просветительской и научно-образовательной направленности. Количество и процентное содержание сообществ с данной тематикой в группе № 2 уступает: 3 из 5, или 60 %. По всей вероятности, это связано с тем, что при наполнении одних и тех же сообществ, создаваемых по индивидуальной инициативе киберактивистов (и в большинстве своем являющихся группами в социальной сети), администраторы нередко занимаются копированием или частичным перефразированием (переводом на научно-популярный язык) первичного информационного материала с любых ресурсов, отвечающих их запросу — как в виде официальных сайтов, так и в виде репостов из других сообществ в социальных сетях.

Основные темы большей частью отвечают основным функциям сетевых групп этнических диаспор. Однако по содержанию событий из перечисленных сетевых сообществ условно выделяются те, которые посвящены одной теме или в которых данная тема является ведущей в сравнении с другими образовательными и культурно-просветительскими аспектами. Так, функция изучения и популяризации саамского языка с целью сохранения языковой компетенции наиболее полно реализована (и обозначена в названии сообщества) в группах социальной сети «ВКонтакте» «Курсы колта-саамского языка» и «Сәмь кылл», а также на официальном сайте образовательного портала «Саамские словари». К интернет-ресурсам, целью которых является распространение художественной литературы саамских авторов и научной

литературы о социокультурных аспектах и проблемах саамов, относятся раздел «Книги» на информационном портале с функцией электронной библиотеки «Российские саами», официальный сайт Музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой, блог «Саамские сказки и легенды», а также архив литературы «Саамская библиотека» в сервисе хранения файлов Google Диск, созданный администраторами группы в социальной сети «ВКонтакте» «Самь кылл». Акцент на возрождение и сохранение традиционных саамских ремесел, организацию мастер-классов и курсов по обучению саамскому рукоделию, координацию участия мастеров в выставках декоративно-прикладного искусства сделан создателями и участниками групп в социальной сети «ВКонтакте» «Саамский костюм» и “Duodji samisk håndverk”. В то же время большинство найденных сетевых сообществ отличаются универсальностью: они решают все перечисленные задачи, в том числе осуществляют координацию деятельности национальных офлайн-сообществ, анонсирование культурных мероприятий и праздников, а также оказание помощи и услуг в области культурной адаптации и правовой легализации. «Многозадачностью» отличаются: официальный сайт муниципального бюджетного учреждения культуры «Ловозерский национальный культурный центр»; представительство официального сайта «Ловозерский национальный культурный центр» — группа «Ловозерский НКЦ приглашает» в социальной сети «ВКонтакте»; официальный сайт общественной организации «Фонд саамского наследия и развития»; представительство официального сайта общественной организации «Фонд саамского наследия и развития» — группа в социальной сети «ВКонтакте»; официальный сайт международной общественной организации «Союз саамов» — представительство официального сайта общественной организации «Союз саамов» в социальной сети «ВКонтакте»; официальное сообщество (группа) в социальной сети «ВКонтакте» «ООСМО — Общественная организация содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саами Мурманской области»; информационный портал «Kola Sarmi (Новости кольских саами)»; представительство официального сайта “Kola Sarmi” — группа в социальной сети «ВКонтакте».

В целом, и узкоспециализированные, и общие по своим направлениям действия в офлайн-пространстве, соответствующие функциям сетевых групп этнических общностей, могут быть равно необходимы для популяризации саамской культуры с последующим укреплением этнической идентичности саамов, для изучения саамской культуры исследователями и для удовлетворения интереса любых представителей целевой аудитории сообществ.

Во всех четырех группах интернет-ресурсов преобладают, помимо групп в социальных сетях, официальные сайты категории порталов. Это логично, поскольку сайты данного вида являются наиболее мощным и сложным видом сетевого ресурса, обладающим обширным и максимально разнообразным по формам и содержанию материалом и многоуровневым меню с множеством разделов и подразделов. В силу этого информационные сайты-порталы представляют наибольший интерес не только для интернет-пользователей, но и для поисковых систем [Типы и основные..., ЭР]. Они появляются первыми в списке по запросу при поиске и более доступны при исследовании их интерфейса на предмет обнаружения необходимых веб-страниц, диалоговых окон и кнопок «поиск событий», «информация о сайте», «история создания», «предназначение» сайта или его представительства в социальных сетях. Это

отличает их от видеохостинговых сайтов («Кольское Саамское радио»), блогов («Саамские сказки и легенды»; «Сәмь Ёммне»), форумов и тематических сайтов («Форум саами»), контент-проектов («Саамская библиотека»). Не менее насыщенными информацией, легко находимыми по запросу в поисковой системе и имеющими доступный для понимания интерфейс являются новостные сайты, хотя к таковым в перечне найденных киберсообществ относится только один — «Kola Sarmi».

Исходя из наблюдений за содержанием постов в найденных сетевых сообществах поддержание реальной деятельности киберсообществ в офлайн-пространстве в последние несколько лет весьма проблематично. Причины видятся в многочисленных социально-экономических препятствиях, а также в бюрократизме соответствующих организаций, который отмечается в некоторых сообществах в качестве главной преграды для решения социокультурных, образовательных и культурно-просветительских задач. Значительная часть планов создателей, модераторов, участников онлайн-сообществ остается нереализованной. Характер освещения событий, связанных с культурно-образовательной жизнью, свидетельствует о сложностях руководства организациями, которые занимаются финансовой, правовой и социальной поддержкой инициаторов популяризации саамской культуры внутри и вне саамского этнического общества в России.

Препятствия финансового, юридического и бюрократического характера находят отражение в публикациях киберсообществ:

- «Kola Sarmi»: «Ложь ГОБУ ЦНС о мерах поддержки КМНС» (04.03.2020); «Покатушки в гости за бюджетные средства» (03.04.2020); «Лопари, уматывайте отсюда, надоели со своими оленями!» (29.04.2019); «Жители села Краснощелье возмущены решением сдачи пастбищ для охоты» (29.01.2019); «Открытое обращение к Андрею Чибис» (10.08.2019) — о судах саами с правительством Мурманской области, штрафах оленеводов за нахождение в тундре с ружьем, штрафах и запретах в рыболовстве и других ограничениях в реализации традиционной хозяйственной деятельности [Kola Sarmi, ЭР];

- «Саамский парламент»: «Мартынова А. И. и саами. Или права саами» (31.10.2015) — негативный отзыв о семинаре по правам человека в селе Ловозеро и о неуважении специалиста КВООиДМ А. И. Мартыновой к мнению представителей саамов [Саамский парламент, ЭР] и др.

Острыми являются проблемы взаимодействия саамских организаций. В частности, они были отмечены пользователем в публикации от 26 ноября 2018 г. в блоге LiveJournal: «Под маской саамского патриотизма» — о саботаже подготовки заседания, некорректности переговоров на IV Съезде саамов из-за разногласий между руководителями саамских организаций и о сепаратистских настроениях в организациях [Макаров, ЭР].

Активно обсуждается проблема профанации саамской символики и культивирования поддельных и не соблюдающих этнографическую достоверность (либо используемых без предварительной проверки и добровольного, информированного согласия народа саами) культурных объектов. На это указывают, в частности, сообщения о номинировании на антипремию комплекса «Этническая деревня» (на базе отдыха «Огни Имандры») на официальном сайте общественной организации «Фонд саамского наследия и развития» и сотрудника Центра кластерного развития в саамском костюме с неправильным расположением цветов на выставке «Интурмаркет» на портале «Kola Sarmi» (рис. 1, 2).



**Рис. 1.** Номинант на антипремию в области зарегистрированных поддельных культурных объектов — «Этническая деревня» в составе базы отдыха «Огни Имандры» (фото с сайта «Фонд саамского наследия и развития», URL: <https://samifund.wordpress.com/%d0%b1%d0%bb%d0%be%d0%b3/>)



oleg\_terebenin

Экспоцентр на Красной Пресне



Нравится: 19

oleg\_terebenin Мы на нашем объединённом стенде Мурманской области !

Всех приглашаем!

Рис. 2. Номинант на антипремию в области репрезентации зарегистрированных поддельных культурных объектов — сотрудник Центра кластерного развития на выставке «Интурмаркет». ЦВК «Экспоцентр», г. Москва (скриншот из социальной сети Instagram). (фото с сайта “Kola Sarmi”. URL: <https://kolasarmi.com/2020/03/17/nominaciya-antipremii-bewareoffake/>)

Идея возрождения и популяризации саамской культуры оказалась в стадии кризиса, чему сами кольские саамы и все, кто интересуется их культурой, имеют очевидные подтверждения. Они находятся в социально-экономических конфликтах, профанации саамской культурной атрибутики, в бюрократизации организаций по правам и культуре саамов Кольского полуострова, результатом которой становится в замораживание реальных проектов на неопределенный срок. Соответствует ситуации и состояние сетевых ресурсов, которое характеризуется большими интервалами между публикациями сведений о реализованных планах и событиях, разногласиями администраторов сообществ и сомнениями в целесообразности ведения сайтов и групп в социальных сетях. Временные паузы между публикациями на официальных сайтах затягиваются на срок до нескольких лет, в то время как в группах социальных сетей этот интервал составляет в среднем от нескольких дней до одного года. В существующих условиях треть из перечисленных киберсообществ (11 из 33) вовсе прекратила свою деятельность от полугода до нескольких лет назад, о чем свидетельствуют даты последних публикаций в таких киберсообществах, как саамский информационный бюллетень «Самь Ёмьне», канал видеохостингового сайта YouTube «Кольское Саамское радио», официальное сообщество (группа) в социальной сети «ВКонтакте» «ООСМО — Общественная организация содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саами Мурманской области», саамский парламент Куэллнэгк нэарк Самь Соббар (официальный сайт), официальный сайт Музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой, группа в социальной сети «ВКонтакте» «Курсы колта-саамского языка», архив литературы «Саамская библиотека», созданный администраторами группы «Самь кйлл», образовательный портал «Саамские словари», группы в социальной сети «ВКонтакте» «Воссоздание поселения древних саамов и создание на его базе культурно-просветительского экологического центра», «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки» и “Duodji samisk håndverk” (о саамском рукоделии и культуре).

В этой связи представляется логичным, но несколько необычным резкий контраст между числом публикаций в покинутых и продолжающих свою деятельность киберсообществах (оно выражается небольшим, двузначным числом, лишь немногим превышая 100 в отдельных случаях) и в большей части постоянно обновляющихся и дополняющихся новой информацией электронных ресурсов, количество записей в которых может насчитывать до нескольких тысяч. Особенность данного факта в том, что некоторые сообщества, прекратившие обновление, содержат слишком малое количество публикаций, даже несмотря на то, что последние записи в них датированы всего лишь годичной давностью или менее (в 4 из 11: образовательный портал «Саамские словари», официальное сообщество «ООСМО» в социальной сети «ВКонтакте», группы «Курсы колта-саамского языка» и «Саамский костюм» в социальной сети «ВКонтакте»), в то время как остальные «покинутые» сообщества не функционируют уже несколько лет. Причины могут быть следующие.

Во-первых, с точки зрения специалистов по маркетингу в социальных сетях и на корпоративных сайтах, непрофессиональным является ведение (наполнение) сообщества, заключающееся в неравномерном, поспешном, спонтанном дозировании информации в каждом из немногочисленных постов. С позиции администраторов, создающих сообщества в культурно-просветительских

и научно-образовательных целях, их деятельность не обязана быть профессиональной. Такие сообщества создаются и воспринимаются администратором и участниками в качестве накопительного информационного резерва. Сайт или группа в социальной сети в этой связи строится по принципу небольшой библиотеки или архива, а не ради привлечения внимания участников. Этим они отличаются от профессиональных коммерческих и просто управляемых грамотным администратором киберсообществ, в которых публикации познавательной, фактологической направленности перемежаются постами, служащими для привлечения внимания, репостами и ссылками из других групп социальной сети и сайтов по аналогичной теме ради того, чтобы сообщество функционировало как можно дольше. В результате назревает ситуация, при которой вся возможная фактологическая информация по теме исчерпана и собрана, дальнейшее заполнение группы теряет смысл, хотя именно постоянные обновления и дополнения являются главными показателями того, что сообщество «живо». В некоторых случаях администраторы сообществ могут быть заранее готовы к этой ситуации, сознательно представляя сообщество его участникам, прежде всего, как архивный информационный ресурс. Вероятно, именно к таким сообществам относятся образовательный портал «Саамские словари» и группа «Саамский костюм» в социальной сети «ВКонтакте».

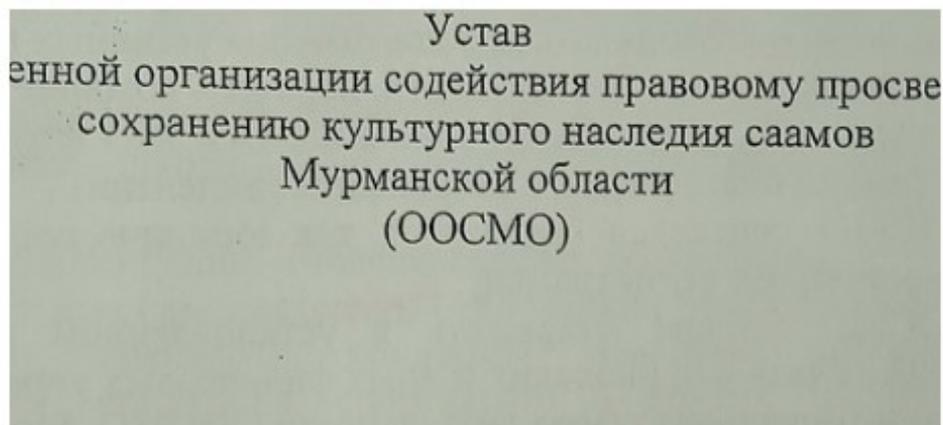
Во-вторых, причиной становится внезапный выход администратора из созданного им киберсообщества (ссылка на его аккаунт перестает появляться в нижнем углу страницы группы) либо прекращение реального ведения дел при формальном сохранении функции администратора (ссылка на страницу остается в группе). В такой ситуации, по-видимому, оказалась группа «ООСМО» в соцсети «ВКонтакте». Если принять во внимание упомянутую статью в блоге LiveJournal, которая отличалась остро критической риторикой в адрес Валентины Совкиной и Александра Слупачика — руководителей «ООСМО» и по совместительству администраторов одноименной группы «ВКонтакте», — то ведение ими этой группы вполне могло быть приостановлено в результате возникших проблем, связанных с самореабилитацией руководителей организации как фигур общественно-политического значения для кольских саамов. На неожиданный характер прекращения деятельности группы «ВКонтакте» указывает и последний пост от 23 ноября 2019 г. о планировании внеочередной конференции по вопросам деятельности организации, стратегии развития и традиционных видов хозяйствования. В нем не содержится никаких предупреждений о приостановлении деятельности киберсообщества по каким бы то ни было причинам (рис. 3).

В-третьих, существуют другие объективные и субъективные причины приостановления деятельности киберсообществ в офлайн-пространстве, что замедляет или вовсе завершает их ведение. Об этих причинах, впрочем, администратор сообщества имеет право умолчать. Так, в группе «Курсы колтта-саамского языка» («ВКонтакте») под блоком с подробной информацией о группе первым по счету находится пост, закрепленный еще 21 июня 2018 г., о необходимости временно отложить проведение курсов на неопределенный срок по решению руководства Музея колтта-саамской культуры в Нейдене, при поддержке которого проводились курсы (о причинах решения руководства музея не сообщается).



Валентина Совкина  
23 ноя 2019

Идет внеочередная конференция Общественной организации содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саамов Мурманской области (ООСМО)  
На Повестке дня насущные вопросы: о деятельности организации, о Стратегии развития, о традиционных видах хозяйствования. Председатель собрания - Матрехин И. Я. Секретарь - Слупачик А. Н



**Рис. 3.** Скриншот последней публикации в группе социальной сети «ВКонтакте» «ООСМО — Общественная организация содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саами Мурманской области» (фото с сайта сообщества, URL: <https://vk.com/club169683387>)

Таким образом, это киберсообщество, как и группа В. Совкиной и А. Н. Слупачика, перешло в режим пользования им в качестве архива необходимой информации (рис. 4). Хронологически последней публикацией является пост от 26 октября 2019 г. о новом событии в области популяризации саамского языка. Строго говоря, это репост из другой группы «ВКонтакте» — представительства официального сайта общественной организации «Союз саамов», в котором упоминается о презентации «Союзом саамов» детской книжки-раскраски на северно-саамском и колтта-саамском языках (рис. 5). Дальнейшие посты и публикации отсутствуют без возможности спрогнозировать, продолжится ведение группы или нет, поскольку до события 21 июня 2018 г. обновления велись регулярно, не реже 1 раза в месяц.



Курсы колтта-саамского языка запись закреплена  
21 июн 2018 в 16:00

+ Подписать

Tiõrv!

С большим сожалением и великой грустью сообщаем, что проведение Курсов колтта-саамского языка отложено на неопределенный срок. Занятий во втором полугодии 2018 года не будет, пока мы не получим информацию об обратном. Такое решение принял Музей колтта-саамской культуры в Нейдене, который спонсировал проведение курсов с 2013 года.

Тем не менее, в этой группе есть довольно много материалов, которые можно повторять и изучать. Пользуйтесь!



**Рис. 4.** Скриншот закреплённой публикации в группе социальной сети «ВКонтакте» «Курсы колтта-саамского языка» (фото с сайта группы, URL: <https://vk.com/koltasamikiol>)

### **Предварительные выводы**

В теоретическом смысле возможность предоставления саамам, исследователям и любителям саамской культуры ценных научно-образовательных и культурно-просветительских киберсообществ состоит из ряда компонентов: объема и разнообразия предоставляемой информации, степени ее культурно-исторической достоверности и доступности для интересующихся пользователей. Эти три показателя, благодаря усилиям самих кольских саамов и специалистов, их изучающих, находятся на достаточно высоком уровне, способном ответить на разнообразные запросы. Однако для самих кольских саамов и их общественных организаций оказывается недостаточно количества и качества накапливаемой о них (и ими самими) информации, чтобы удовлетворить собственные социокультурные потребности.



**Рис. 5.** Скриншот последней публикации в группе «Курсы колтта-саамского языка» социальной сети «ВКонтакте» (фото с сайта группы, URL: <https://vk.com/koltasamikiol>)

Причинами служат, во-первых, социально-экономические конфликты интересов саамов и органов местного самоуправления Мурманской области, во-вторых, профанация элементов внешнего выражения саамской культуры, в-третьих, бюрократизация многих организаций, которые занимаются правами и культурой саамов Кольского полуострова. В результате идея возрождения общественного интереса к саамской культуре, а также повышение ее значимости в масштабах общероссийской культуры находятся в стадии кризиса, хотя и не упадка. Они встречают на своем пути спонтанно сложившееся сопротивление целого комплекса социальных преград, характерных для российского общества в целом. Происходит торможение развития реальных проектов, направленных на популяризацию знаний саамов о собственной культуре и остальной

общественности — о саамской культуре. В виртуальном пространстве ситуация отражается в виде ограничения доступа к достоверной информации к предстоящим тематическим мероприятиям, что, в свою очередь, еще больше снижает показатель ценности саамского культурного наследия (как части общероссийского) в глазах общественности. Не вполне оправдываются предположения о том, что описанные взаимодействующие проблемы в социальных онлайн- и офлайн-полях могут быть даже выгодны некоторым представителям саамской этнокультурной общности, по крайней мере, по той причине, что остальное городское население Кольского края, наряду с представителями органов местного самоуправления, может испытывать недовольство в связи с конфликтующими интересами саамов и прочих жителей Мурманской области. В результате часть саамского сообщества может намеренно скрывать достоверную информацию о своей культуре. Все же есть все основания полагать, что в большинстве своем саамское этнокультурное сообщество действительно не только ждет, но и активно добивается (с переменным успехом) положительных изменений в области качества жизни и популяризации своего культурного наследия. Оно справедливо полагает, что чем больше российская общественность будет знать о культуре и социальных проблемах саамов, главным образом через информацию, черпаемую в сети Интернет, тем больше помощи, направленной на улучшение качества жизни, она сможет предоставить саамам.

Один из выходов из создавшейся ситуации видится в развитии форм сообщения научно-просветительских сведений и, в конечном итоге, информации о социокультурных проблемах саамской общности путем совершенствования интерфейса сайтов и сообществ социальных сетей, а также навыков способного заинтересовать, активного, но ненавязчивого, а главное — систематического, преподнесения цифровой информации о саамском обществе. Здесь может быть полезен опыт как профессиональных рекламных деятелей в интернет-пространстве, так и не менее профессиональных, лояльных к потребностям саамского общества иных представителей СМИ. Разумеется, упомянутые меры могут осуществляться лишь на фоне решения социально-экономических и социокультурных проблем, характерных для страны в целом. Наиболее эффективными в количественном и качественном отношении представляются такие виды электронных ресурсов, как уже активно используемые группы в социальных сетях и новостные сайты — благодаря их возможности за небольшую единицу времени передать и продублировать одну и ту же информацию представителям самых разных социальных групп в лице интернет-пользователей. Возможно применение и изобретение иных форм виртуальных средств коммуникации и обмена информацией, которые позволят свести к минимуму эффект дистанционной связи и создадут более отчетливое ощущение живого присутствия на месте решения поставленных задач «здесь и сейчас».

### **Список сокращений**

ГОБУ ЦНС — Государственное областное бюджетное учреждение «Центр народов Севера»

КВООиДМ — Комитет по взаимодействию с общественными организациями и делам молодежи

КМНС — коренные малочисленные народы Севера

ООМО — общественная организация Мурманской области  
ООСМО — Общественная организация содействия правовому просвещению  
и сохранению культурного наследия саами Мурманской области  
ЦВК — Центральный выставочный комплекс

#### **Список источников**

Воссоздание поселения древних саамов и создание на его базе культурно-просветительского экологического центра // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club141716986> (дата обращения: 10.03.2020).

Земля Ловозерская: [сайт]. URL: <http://lovozeroe.ukit.me/> (дата обращения: 10.03.2020).

Кольское саамское радио. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCbQBfaZVXSSP8I43kad8-zw> (дата обращения: 18.02.2020).

Книги // Российские саами. Саами Кольского полуострова. URL: <http://saami.su/biblioteka/2-knigi.html> (дата обращения: 18.02.2020).

Курсы колта-саамского языка при поддержке Северосаамского музея в Нейдене // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/koltasamikiol> (дата обращения: 18.02.2020).

Ловозерцы // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/lovozerie> (дата обращения: 18.02.2020).

Ловозерье: [сайт]. URL: <http://www.lovozerie.ru/> (дата обращения: 18.02.2020).

Ловозерский национальный культурный центр: [сайт]. URL: <https://lovozerocentre.murm.muzkult.ru/about>. (дата обращения: 18.02.2020).

Ловозерский НКЦ приглашает // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club65256797>. (дата обращения: 17.02.2020).

Ловозерский р-он — Луяввьр ёммьне // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/lujavrri> (дата обращения: 18.02.2020).

Лопари (Саамы) // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club5798871> (дата обращения: 18.02.2020).

Макаров Д. Под маской саамского патриотизма // Живой журнал = LiveJournal. URL: <https://quis-quaeritis.livejournal.com/71447.html> (дата обращения: 18.02.2020).

Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой: [сайт]. URL: <http://sami.k2000.ru/> (дата обращения: 18.02.2020).

ООМО «Ассоциация кольских саамов» // ВКонтакте. URL: [https://vk.com/oomo\\_aks](https://vk.com/oomo_aks) (дата обращения: 18.02.2020).

ООСМО // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club169683387> (дата обращения: 18.02.2020).

Российские саами. Саами Кольского полуострова: [сайт]. URL: <http://www.saami.su/> (дата обращения: 18.02.2020).

Саамская библиотека // Google Drive. URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1ayDkxCBGIldvz5RFSpkhsiLf56BPEo4> (дата обращения: 18.02.2020).

Саамские сказки и легенды / Шаннт емьне чуввьда верьд ли миллса: [сайт]. URL: <https://sarpmitales.blogspot.com/> (дата обращения: 18.02.2020).

Саамские словари: online-словари и приложения: [сайт]. URL: <http://slovvari.saami.su/> (дата обращения: 18.02.2020).

Саамский информационный бюллетень «Сәмь Ёммьне» — «Саамская земля». URL: <http://saamemmne.blogspot.com/> (дата обращения: 18.02.2020).

Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки // ВКонтакте. URL: [https://vk.com/saamskij\\_kostjum](https://vk.com/saamskij_kostjum) (дата обращения: 18.02.2020).

Саамский парламент Куэллнэгк нэарк Сәмь Соббар: [сайт]. URL: <https://saamisups.ucoz.ru/> (дата обращения: 18.02.2020).

Союз саамов / The Saami Council / SÁMIRÁÐÐI / SAMERÅDET: [сайт]. URL: <http://www.saamicouncil.net/> (дата обращения: 18.02.2020).

Союз Саамов / Sámiráddi / Saami Council / SAMERÅDET / SAAMELAISNEUVOSTOON // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/saamicouncil> (дата обращения: 18.02.2020).

Типы и основные виды сайтов // Интернет-компания Альфа-СПб. URL: <http://alpha-spb.ru/helpful-information/43-types-of-sites> (дата обращения: 18.02.2020).

Фонд саамского наследия и развития: [сайт]. URL: <https://samifund.wordpress.com/> (дата обращения: 18.02.2020).

Фонд саамского наследия и развития // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/foundsami> (дата обращения: 18.02.2020).

Форум саами. Forum Sápmi. URL: <http://saami.forum24.ru/> (дата обращения: 18.02.2020).

Куэллнэгк рыннт / Кольский берег // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/kolabereg> (дата обращения: 18.02.2020).

Сәмь Ёммьне — Саамская земля: [сайт]. URL: <http://saamemmne.blogspot.com/> (дата обращения: 10.02.2020).

Сәмь кйлл | Sám' kíl | Саамский язык // ВКонтакте. URL: [https://vk.com/saam\\_kiill](https://vk.com/saam_kiill) (дата обращения: 10.02.2020).

Самь нурр олмэ организация «Самь Нураш» / Молодежная саамская организация «Самь Нураш» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club3975227> (дата обращения: 10.02.2020).

Сәмьбллимэ vkontakte.ru / Саамы вконтakte // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club932308> (дата обращения: 18.02.2020).

Duodji samisk hândverk // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/duodji> (дата обращения: 17.02.2020).

Kola Sápmi — Новости кольских саами: [сайт]. URL: <https://kolasapmi.com/> (дата обращения: 18.02.2020).

Kola Sápmi // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public105618693> (дата обращения: 18.02.2020).

Sápmi // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/sapmi> (дата обращения: 18.02.2020).

## Список литературы

Головнев А. А., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018.. № 1 (58). С. 100–108.

Глухов А. П. Использование мигрантами из Центральной Азии российских социальных сетей как инструментов поддержания идентичности // Шестой технологический уклад: механизмы и перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Ханты-Мансийск, 13–14 ноября 2015 г.). Ханты-Мансийск: Ред.-изд. отд. ЮГУ, 2015. Ч. 1. (Приложение к журналу «Вестник Югорского государственного университета». 2015. № 2 (37). С. 29–30).

*Махмутов З. А., Габдрахманова Г. Ф.* Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети Вконтакте // Историческая этнология. 2016. Т. 1, № 2. С. 276–292.

*Разумова И. А., Сулейманова О. А.* Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 114–122.

*Ханхунова М. Ю., Чойропов Ц. Ц.* Социальные медиа как инструмент формирования этнической идентичности // Вестник Восточно-Сибирского гос. ун-та технологий и управления. 2013. № 2 (41). С. 168–177.

#### *Сведения об авторах*

**Кузнецова Лариса Андреевна**

магистр социологии, старший лаборант

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

**Разумова Ирина Алексеевна**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

**Larisa A. Kuznetsova**

Master of Sociology, Senior Laboratory Assistant of the Barents Centre of the Humanities  
FRC KSC RAS

**Irina A. Razumova**

Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities  
FRC KSC RAS

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.002

УДК 94 (470.22) «1917–1991»

**Е. Ю. Дубровская**

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СООРУЖЕНИЯ  
МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: СТРОИТЕЛИ МАГИСТРАЛИ  
И НАСЕЛЕНИЕ ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ  
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ<sup>1</sup>**

**Аннотация**

Основанная на архивных материалах и опубликованных источниках, статья исследует групповую и профессиональную идентичность различных категорий рабочих и служащих Мурманской железной дороги. Усилившееся в годы Первой мировой войны геополитическое значение Российской Карелии и Кольского Севера, обусловленное строительством магистрали, стало тем фактором, который потребовал формирования новых ориентиров и ценностей. Они определялись как особенностями региональных культурных традиций, так и социальными, политическими, экономическими интересами государства. Автором показано, что идентификационные модели строителей магистрали заметно

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

отличались от моделей общероссийской идентичности, которую демонстрировала провинциальная публицистика. На локальном материале Поморья прослеживается сопротивление коренного населения края процессам массовой дестабилизации социальной идентичности, усиливавшимся в годы войны и особенно во время российской революции 1917 года.

**Ключевые слова**

*Мурманская железная дорога, Первая мировая война, российская революция 1917 г., рабочие, служащие, военнопленные, население Поморья, идентичность.*

**Elena Yu. Dubrovskaya**

**SOCIAL AND ECONOMICAL SPACE OF THE MURMANSK RAILWAY CONSTRUCTION: RAILWAY BUILDERS AND THE POPULATION OF THE ADJOIN TERRITORIES DURING THE WORLD WAR I**

**Abstract**

Based on archive materials and published sources the paper shows the professional identity of various categories of construction- and office-workers of the Murmansk railway. The growing geopolitical significance of Karelia and Kola North during the World War I determined by the construction of Murmansk railway became the factor which required new reference points and values. The latter was clearly defined either by peculiarities of regional cultural traditions or by social, political and economical interests of the state. The author traces the identical models common to railway builders, which highly differed from the model of nation-wide Russian identity demonstrated by provincial publicistic writing of the region. On the local material of the White-Sea Region is shown the resistance of the local population of the land to the processes of social identity mass destabilization, which increased at the war time and especially during the Russian revolution 1917.

**Keywords:**

*Murmansk railway, World War I, Russian revolution 1917, construction workers, office-workers, prisoners of war, population of the White-Sea Region, identity.*

**Введение**

Накануне Первой мировой войны Север России относился к тыловым районам империи, однако в ходе войны геостратегическое значение края значительно возросло. Он стал важным звеном в системе коммуникаций, соединивших Россию через порты Европейского Севера с союзными странами Антанты. События всемирно-исторической важности, связанные с Первой мировой войной (1914–1918), сыграли особую роль для Российской Карелии и Кольского Севера, став своего рода проектом дальнейшего социального и экономического развития края на протяжении всего XX столетия [Трошина, 2014: 289–294]. По его территории в кратчайшие сроки была проложена Мурманская железная дорога, соединившая Петроград с незамерзающими гаванями Мурмана. Ввод магистрали в эксплуатацию в ноябре 1916 года оказал многостороннее воздействие и на развитие ситуации на пространстве вдоль линии железнодорожного строительства, на обстановку в карельских деревнях и поморских селах на западном побережье Белого моря [Дубровская, Кораблев, 2017: 82–117].

Достигнутое в первые месяцы войны на волне патриотических настроений общественное согласие в стране оказалось непрочным. С течением времени суровые реалии военных будней высветили глубокие противоречия между различными социальными и политическими силами российского общества. Принявшее затяжной характер крупномасштабное противоборство

с германо-австрийским блоком в условиях незавершенной модернизации экономики привело к перенапряжению людских и материальных ресурсов и вызвало необычайный по остроте и глубине кризис [Кораблев, 2014].

Перестройка промышленности на военный лад проходила с большими издержками. Несмотря на устойчивый рост производства оборонной продукции, армия испытывала недостаток в боеприпасах и вооружении, особенно тяжелом. Мирные отрасли промышленности приходили в упадок, в результате чего в тылу нарастала нехватка многих видов сырья и товаров массового потребления. С перенапряжением работал транспорт, не справлявшийся даже с военными перевозками. Массовое отвлечение работников на фронт и реквизиции тягловой силы ослабили материальную базу сельского хозяйства. В деревне не хватало рабочих рук, сокращались посевные площади и поголовье скота, стоимость обработки земли становилась дороже, снижалось производство продуктов животноводства. Все это вело к повышению розничных цен на продукты питания. На продовольственном рынке росли дороговизна и спекуляция. С каждым годом войны Россия все сильнее втягивалась в тиски хозяйственной разрухи, приближая политические и социальные потрясения российской революции 1917 года [Карелия..., 2014: 9–11].

В новейших работах специалистов, занимающихся вопросами военной антропологии и социокультурными исследованиями, рассмотрены особенности социально-политической ситуации на Севере России в годы Первой мировой войны. Определяя понятие «идентичность» применительно к эпохе революционных потрясений в России, американская исследовательница Ш. Фицпатрик использует это понятие как «сокращенное наименование результата комплексной ревизии самоидентификации, связанной с Русской революцией» [Фицпатрик, 2011: 3–7]. В работах В. И. Голдина, А. В. Голубева, О. М. Морозовой, М. А. Витухновской, Л. Г. Новиковой, Т. И. Трошиной, С. Н. Филимончик показано, как приходили в противоречие разнородные социальные и национальные интересы жителей края и как в 1914–1920 годах сказывались на общественной жизни населения обстоятельства «военного лихолетья» Первой мировой и последовавшей за ней Гражданской войны [Витухновская, 2006; Голубев, 2011; Новикова, 2011; Морозова, 2012; Трошина, 2014; Филимончик, 2016; Голдин, 2018]. Однако изучение на локальном материале усиливавшихся в эти годы процессов массовой дестабилизации социальной идентичности жителей Кемского и Александровского уездов Архангельской губернии нуждается в дальнейшем углублении.

В это время, как и впоследствии, в период общественных потрясений конца XX века, когда в сознании людей разрушалась прежняя государственная идентичность, актуализировались этническая, региональная, конфессиональная идентичности. Заявленная тема предполагает обращение к определению этнической идентичности, разработанному в трудах Л. М. Дробижевой, известного специалиста по проблемам межнациональных отношений. Этническая идентичность, понимаемая как самоотождествление, представление не только о своем народе, его языке, культуре, но и о территории, интересах, а также как эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений [Дробижева, 2012], была особенно востребована политической элитой страны в предреволюционный

период. Усилившееся в годы Первой мировой войны геополитическое значение Российской Карелии и Кольского Севера, обусловленное строительством Мурманской железной дороги, стало тем фактором, который потребовал формирования новых ориентиров и ценностей. Как и в предшествующий период железнодорожного строительства в России, они определялись не только особенностями культурных традиций, но и социальными, политическими, экономическими интересами государства [Vergara, 2014].

#### **«Дверь в Европу»:**

##### **Мурманская магистраль на страницах провинциальной публицистики**

Во время Первой мировой войны до предела обострились противоречия между российской политической элитой и национальным движением Финляндии, сохранявшей до 1917 года статус автономного Великого княжества в составе Российской империи. К старому конфликту между имперским центром и финляндским княжеством по вопросу о прерогативах верховной власти добавился и новый. Он вытекал из необходимости тотальной мобилизации, а значит, увеличения степени государственного вмешательства в местные дела, расширения роли армии и военной администрации в государственном управлении. Объявление войны закономерно повысило интерес к публикациям в периодической печати как со стороны читательской аудитории в карельско-финляндском приграничье и в православных приходах Финляндии, так и со стороны имперской власти и губернского руководства по обе стороны границы.

Если публикации, появившиеся в автономном Великом княжестве накануне Первой мировой войны, ставили целью отыскать истоки «Золотого века» финской истории, национальной культуры и идентичности в Российской Карелии — хранилище древних традиций [Нилов, 2017: 106], то публицистическая деятельность служившего здесь православного духовенства во многом способствовала формированию у читателей стереотипизированного восприятия «коварной и неблагодарной Финляндии» и предостерегала от влияния «панфинской пропаганды» [Дубровская, 2005: 44–46].

Как отметили исследователи, Русская Православная Церковь, институт основного государственного вероисповедания, особенно в синодальный период ее истории, была интегрирована в такие сферы российской национальной государственности, как социально-политическая, внешнеполитическая и культурно-просветительская. Вот почему «без учета церковного фактора не может быть полным, объективным и исторически адекватным» исследование «развития межэтнических, этнорелигиозных, межконфессиональных отношений во внутренних регионах России и за ее пределами», а также «в зонах российских геостратегических интересов и влияния, где национальные задачи, как правило, с неизбежностью входят в соприкосновение с интересами других держав» [Империя и церковь..., 2018: 70–71].

Борьба российских властей за идентичность карелов против попыток «других» соседей присвоить и воспроизводить элементы карельской культурной традиции стала характерной чертой периода, предшествовавшего началу Первой мировой войны, и особенно военного времени. Продолжался конфликт между финскими националистическими мыслителями, которые воспринимали населенную карелами территорию, в т. ч. и Российскую Карелию, как часть общефинляндского «идеального Отечества» [Витухновская, 2006: 336], с одной стороны,

и имперской светской и духовной властью на пограничных территориях — с другой. Источником конфликта оставалось не различие своей и карельской культуры, но стремление каждой из противоборствующих групп смягчить эти различия, унифицировать культурное пространство [Кораблев, 2012].

С началом войны, в августе 1914 года, Главное (Финляндское) отделение Православного карельского братства взяло на себя выпуск журнала «Карельские известия», который с 1913 года издавался православным кружком в селе Салми Выборгской губернии под редакцией настоятеля Крестовоздвиженской церкви на острове Мантсинсаари отца Петра Шмарина [Басова, 2016: 25]. Вместе с ним редактированием тогда еще машинописного журнала занимался один из учредителей и сотрудников братства, переводчик на финский язык богослужбных книг протоиерей И. П. Варфоломеев, уроженец села Колежда Кемского уезда Архангельской губернии [Протоиерей..., 1915].

В марте 1916 года на страницах «Карельских известий» появилась заметка «Дверь в Европу», принадлежавшая перу иеромонаха Валаамского монастыря Исаакия (И. Р. Трофимова) (1872–1952), помощника карельского синодального миссионера, который был хорошо известен в Приладожской и Олонецкой Карелии как катехизатор при Православном карельском братстве. Исаакий, выходец из крестьянской семьи Петербургской губернии, ингерманландец, свободно владевший финским и карельским языками, неизменно участвовал в миссионерских поездках с проповеднической целью по обе стороны границы автономного финляндского княжества, стремясь «подробно ознакомиться с жизненным бытом карел» [Дубровская, 2002: 68]. Его путевые заметки отмечают детали повседневной жизни населения приграничья, описывают бытовое поведение, суеверие и специфику карельского православия, особенности путей сообщения и культуру путешествия [Илюха, 2017: 22] (рис. 1).

Исаакий, автор многочисленных заметок в жанре травелога, внимательно следил за аналогичными публикациями в центральной печати, не упустив из виду и те, что встретились ему в столичной газете «Новое время» за подписью г-на Ренникова. Они были высоко оценены миссионером за талантливое перо, красноречиво описавшее «путешествие на первом пассажирском поезде по новой железной дороге на Север России». По словам Исаакия, в ряде статей путешественник сумел «картинно изобразить» «чудеса северной природы, природные богатства — водопады, металлы и минералы, зверей, птиц, рыбу, девственные леса и т. п.». «Прочитав эти ценные статьи, нельзя не быть благодарным» их автору «за описание столь дорогих богатств нашего родного, близкого и доселе забытого нами нашего северного края, — пишет Исаакий, — нельзя не порадоваться, что, наконец, мы, русские, проложили дорогу на Кемь и идем дальше, к незамерзающим берегам океана. Новая железнодорожная линия Петроград — Кемь, в некоторых местах соприкасаясь с Карелией, имеет для последней первостепенное значение» [Иеромонах..., 1916а: 3].

Продолжив в следующем номере журнала рассказ о недавних публикациях Ренникова, карельский миссионер выразил надежду, что они «дают читателю основательное представление о нашем северном крае, о том, чем последний изобилует и в чем нуждается», а свою заметку завершил следующими словами: «Дай Бог, чтобы эти российские богатства сделались постоянным достоянием Русского государства и русских людей. Для Карелии новая железная дорога имеет жизненное значение, но нельзя не пожелать, чтобы от проектов

скорее перешли к делу, как можно скорее связали главные карельские селения грунтовыми дорогами с железной дорогой. Тогда не страшно будет панфинское влияние в Беломорской Карелии, так как русская жизненная артерия на севере будет питать Карелию русской жизнью, насаждая русскую православную культуру и укрепляя расшатанные лютерано-финским влиянием нервы карела» [Иеромонах..., 1916б: 7–8].



**Рис. 1.** Игумен Харитон и иеромонах Исаакий (сидит справа) с послушниками Валаамского монастыря. 1920-е гг. (фото из коллекции Ново-Валаамского монастыря (Финляндия), личный архив Т. И. Шевченко)

В этой заметке более чем вековой давности нашли отражение истоки современных представлений массового сознания, в котором, по наблюдениям Ю. П. Шабаева, как и в сознании российской интеллектуальной элиты, север России «нередко представляется не только единой исторической провинцией, именуемой «Русский Север», но и сугубо «русским регионом», культурное наследие которого существенно значимо для формирования русской ментальности и русской культуры». Исследователь справедливо подчеркивает, что «культурный миф о «Русском Севере», очевидно, был важен для формирования общерусской идентичности, но Север никогда не был сугубо «русским», а был и остается полиэтничным регионом, где исторически проживают карелы, саамы, вепсы, ненцы, коми», хотя «русские, безусловно, доминируют в северных субъектах РФ, являясь и этническим большинством, и культурно доминирующей группой» [Шабаев, 2011, ЭР].

Публикации 1917 года в петрозаводской газете «Мурманский путь», которая с сентября издавалась в Петрозаводске главным дорожным комитетом Союза служащих и рабочих Мурманской железной дороги, отразили восприятие культурного пространства Севера строительными рабочими и служащими магистрали. В состав редколлегии газеты «Мурманский путь» входили инженеры-железнодорожники В. К. Каратыгин и Г. Э. Клодницкий, во многом определявшие «историко-культурный контекст» и перемены периода российской революции 1917 года в Петрозаводске — губернском центре Олонецкого края — и на станциях вдоль только что в ноябре 1916 года пущенной в эксплуатацию МЖД. Первые впечатления строительных рабочих и служащих магистрали от невиданного прежде края, как и атмосферу переломного времени в судьбе всей страны и в жизни северной глубинки, сумели передать газетные публикации на страницах газеты. Авторы многих из них, к сожалению, остались неизвестными. Так, в ноябре 1917 года в нескольких номерах газеты «Мурманский путь» появились заметки «Очерки Мурманского быта» [Очерки..., 1917], носившие публицистический характер. Они принадлежали железнодорожному служащему 3-го участка 3-й дистанции пути (станция Энгозеро), скрывшемуся за инициалами А. де-Л., который не понаслышке судил о нуждах и настроениях строителей дороги.

В конце октября — начале ноября 1917 года газета поместила подборку публикаций, озаглавленную «От Кеми до Мурманска. (Письма туриста)». Они написаны в форме путевых очерков железнодорожника, подписавшегося псевдонимом «Построечник» и поделившегося впечатлениями от поездки по только что сооруженной линии из Кеми через станции и разъезды Поньгома, Кузема, Энгозеро, Боярская, Кереть, Чупа, Полярный круг, Ковда, Кандалакша, Хибинь, Имандра, Ягельный Бор, Кола (рис. 2).

Автор — недавний участник строительства — выразил уверенность, что город Мурманск «ожидает богатая будущность», ведь он «будет самым северным незамерзающим портом России для сношения со всеми странами света и в особенности с Англией». Однако очевидно, что значение нового порта «Построечник» и его коллеги оценивали не в региональном, а в общероссийском контексте: «Вряд ли Мурманск сам по себе будет представлять торгово-промышленный рынок северной России, можно полагать, что в нем лишь будут совершаться сделки, и транспортные, экспортные и импортные конторы будут распределять грузы по всей России и за границу» [Построечник, 1917: 3 ноября].

«Таким образом, — заключает автор публикации, — берега Северного Ледовитого океана соединены окончательно с центром России, дорога переходит на днях в эксплуатацию и надо полагать, что все недостройки и шероховатости пути в самом непродолжительном времени будут устранены. В настоящее время при особо благоприятных условиях путешествие из Петрограда можно совершить за пять суток. Не говоря уже о громадном стратегическом и коммерческом значении дороги, дорога эта представляет единственный сухопутный путь, соединяющий Россию со Скандинавскими государствами», и позволяет избежать «неприятного качкой морского путешествия, как это было раньше», между портами на Белом море [Построечник, 1917: 3 ноября].



**Рис. 2.** Город Кемь в начале XX века [НАРК]

Архивные документы и материалы периодической печати, относящиеся ко времени сооружения и началу эксплуатации Мурманской магистрали, свидетельствуют о том, что ее строители в 1915–1917 годах не могли не заметить и не почувствовать поликультурность региона, в котором им довелось оказаться вместе с тысячами трудовых мигрантов и военнопленными солдатами австро-венгерской и германской армий.

Так, автор заметок «От Кеми до Мурманска» описал село Поньгома, расположенное вблизи от построенной одноименной станции, и отметил, что его жители — карелы и поморы, очень зажиточные крестьяне, занимаются преимущественно рыболовством. По свидетельству путешественника, «в громадном количестве в Поньгомской бухте попадает селедка, хотя и не крупная, но очень приятная на вкус» благодаря ее малосольности. Он упомянул и любимое блюдо местных жителей — шаньги, выпекаемые из ржаной муки «с нарезанными вдоль сельдями» [Построечник, 1917: 28 октября]. «Построечник» пишет о том, что вблизи станции Энгозера, находившейся в 100 верстах от Кеми, «в лесу ютится лопарская деревенька, состоящая из шести дворов», что «из Энгозера лопари, карелы и поморы ездили санным путем за покупкой товаров за границу Финляндии около 400 верст», поскольку «летом проезд во время разливов невозможен даже верхом», и что старинное село Кандалакша — «центр лопарской торговли» [Построечник, 1917: 28 октября; 1 ноября].

Самым значительным пунктом по количеству населения и по построенным сооружениям на линии железной дороги между Кандалакшей и Мурманом автор путевых заметок назвал разъезд Хибины, относившийся ко второй дистанции 8-го участка Мурманстройки и находившийся в ста верстах от Кандалакши. Он описал одноименный поселок Хибины на самом берегу богатого рыбой озера

Имандра и подчеркнул, что окрестные горы изобилуют массой дичи и пушных зверей. Однако, по его словам, охота во время войны была «в большом упадке, охотников нет, да к тому же нет и дрови, в сентябре сего года дробь стоила 6 руб. за фунт». Автор посетовал и на то, что, несмотря на хорошие уловы рыбы, в частности кумжи, которая «не уступает по вкусу гатчинской или финляндской форели», у железной дороги «рыболовных организаций не существует». Это дало ему основание утверждать, что «рыбный промысел развит также слабо», ведь рыбу ловят «исключительно местные лопари». Традиционная промысловая деятельность коренного саамского населения края воспринималась трудовыми мигрантами как своего рода повинность в пользу появившихся здесь государственных институций: «Лопари эти находятся на учете у железной дороги и, согласно контракту, по определенной цене обязаны весь улов сдавать в кладовые дистанции». На практике же, как сожалел автор публикации, это выполнялось плохо: «рыба продается по дорогой цене в частные руки, а в кладовые попадает лишь малая толика улова» [Построечник, 1917: 2 ноября].

Действительно, доставка в отдаленный и слабозаселенный северный край с неразвитой системой транспортных коммуникаций разнообразных материалов, а также продовольствия для рабочих представляла значительную сложность. В начале строительства проблема усугублялась тем, что не было завершено сооружение Олонецкой железной дороги и район прокладки новой, Мурманской, линии не примыкал ни к одной из действующих железнодорожных магистралей. Наряду с общероссийскими причинами, в Карелии имелись и локальные факторы, усугублявшие остроту продовольственной проблемы — кризисные явления в местном сельском хозяйстве, массовый приток рабочей силы из-за пределов края на сооружение МЖД [Кораблев, 2001: 317–320]. Журнал «Вестник Олонецкого губернского земства» в июле 1915 года так оценивал последствия этой масштабной стройки для местного продовольственного рынка: «Наша губерния сейчас наводнена тысячами рабочих и сотнями служащих, занятых спешной постройкой железной дороги, имеющей не только местное, но и общегосударственное значение. Это создает такой спрос на предметы питания, который даже и в мирное время потребовал бы специальных и исключительных мер» [Земство..., 1915: 12]. Петрозаводская либеральная газета «Олонецкое утро» в феврале 1916 года констатировала: «С возникновением железнодорожной постройки у нас спрос на всякого рода пищевые продукты чрезвычайно повысился, благодаря огромному наплыву пришлого люда, который не только поглощает свободный избыток продуктов, но и захватывает большую часть запасов, шедшую раньше на удовлетворение потребностей местного населения» [Дубровская, Кораблев, 2017: 164]. Ситуацию усугубляла и сохранявшаяся вплоть до пуска в эксплуатацию железной дороги слабость транспортных коммуникаций, связывавших Север России с центром и хлебопроизводящими районами страны.

### **Вольнонаемные и военнопленные в зеркале архивных документов**

Для реализации в сжатые сроки поставленной правительством в начале января 1915 года масштабной задачи сооружения магистрали вольнонаемной рабочей силы не хватало, и власти приняли решение об использовании

на стройке труда военнопленных. Весной 1915 года на трассу из лагерей, находившихся в Омском военном округе, через Петроград и Архангельск было доставлено 8,1 тыс. военнопленных австро-венгерской армии, преимущественно славянских национальностей (чехов, поляков, словаков, русинов, хорватов). Во второй половине лета сюда прибыла еще одна партия военнопленных из сибирских лагерей численностью в 2,1 тыс. человек. На линии, как отмечает официальный источник, «пленные размещались воинским порядком, в отдельных помещениях» [Мурманская..., 1916: 65]. Они находились под постоянным наблюдением охраны, сформированной строительным управлением из представителей кавказских национальностей, главным образом черкесов, лезгин и ингушей, почти не говоривших по-русски. Согласно инструкции, полагалось иметь одного стражника на 30 военнопленных [Агамирзоев, 2008: 22; Змеева, 2019: 57].

При начислении и выплате заработной платы военнопленным наблюдались массовые злоупотребления. Инспектор Российского общества Красного Креста А. В. Романова, объезжавшая Мурманскую трассу, свидетельствовала: «За исполняемую работу пленные должны получать вознаграждение. Из причитающихся им денег делаются вычеты на улучшение питания, на одежду, в фонд Министерства и т. д. Тем не менее, суммы <...>, если расчет сделан правильно, были бы вполне достаточные. От пленных приходилось постоянно выслушивать жалобы на то, что они совсем не получают обещанных им денег. Общее правило расплаты не применяется всюду одинаково. На некоторых участках пленные не получают ничего за работу. Расчет обычно задерживается и начисляется произвольно. При перемещениях (довольно частых) от одного работодателя к другому, а также при поступлении в больницы пленные обыкновенно совершенно не получают заработанных ими денег» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 119/926. Л. 6, об. – 7].

Заболеваемость и смертность среди военнопленных была выше, чем среди вольнонаемных рабочих, что обуславливалось рядом факторов. После длительного пребывания на фронте многие военнопленные попадали на стройку уже физически и психологически измотанными. Большинство из них являлись уроженцами Юго-Восточной Европы из состава австро-венгерской армии и тяжело переносили суровый климат Приполярья и Заполярья. Продовольственный паек пленным выдавался по пониженным нормам в сравнении с вольнонаемным контингентом. Как отметил петрозаводский исследователь Н. А. Кораблев, начальник работ В. В. Горячковский издал приказ об уравнивании их пайка с пайком контрактных рабочих лишь в апреле 1916 года, в самый разгар цинготной эпидемии [Дубровская, Кораблев, 2017: 172].

Сказывался и сам статус подневольных и поднадзорных работников, постоянно сталкивавшихся с произволом охраны и плохим отношением многих представителей строительной администрации к пленным из неприятельских армий [Lackman, 2012]. Участковый железнодорожный врач В. В. Автономов, ранее проработавший шесть лет в Кемь и наблюдавший за своей практикой около 5 тыс. случаев заболевания цингой, свидетельствовал: «Психологическая угнетенность, подавленность предрасполагает к заболеванию и усиливает уже появившееся, чем, между прочим, объясняется значительный процент смертности от цинги среди военнопленных» [НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/914. Л. 139–139 об.].

О повседневной жизни рабочих и служащих МЖД в чрезвычайных обстоятельствах революционных месяцев 1917 года свидетельствуют протоколы комитета 1-й дистанции 9-го участка постройки дороги и общих собраний, проходивших на станции Ягельный Бор [НАРК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4]. В начале августа 1917-го депутаты комитета обсуждали меры, которые необходимо было принять для предупреждения побегов военнопленных, и постановили «снять всех военнопленных с одиночных работ и заменить их русскими рабочими, мужчинами или женщинами». Постановили довести об этом до сведения командира 53-го рабочего батальона и просить его распоряжения, «чтобы воинские чины на охране линии 1-й дистанции относились к своим обязанностям более внимательно», поскольку неоднократно было замечено, что «воинские чины при исполнении своих обязанностей спали или играли в карты». Следствием такой халатности стал побег пяти военнопленных. В середине августа общее собрание построечников станции обратилось к начальнику 9-го участка Д. Д. Кожевникову с просьбой сделать распоряжение «о снятии военнопленных с одиночных работ и заменить их солдатами рабочей роты», а также о том, чтобы у всех военнопленных отбирались «лишние деньги» и они «не имели возможности делать подкуп частных лиц для их сопровождения в побег» [НАРК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 119].

С последним Кожевников согласился. О том, что работавшие на постройке МЖД военнопленные германцы и австрийцы, стремясь попасть в соседнее Финляндское княжество, совершали побегі чуть не ежедневно, олонецкий губернатор доносил главному начальнику Петроградского военного округа еще летом 1916 года. Тот факт, что задержанные беглецы иногда оказывались «снабженными картами и компасом», свидетельствовал о слабости надзора за военнопленными [Карелия, 2014: 339]. Из подписанного Кожевниковым документа стало известно, что на отдельных работах по подведомственному ему участку находились около ста военнопленных, которые «стоят» по 25 рублей, то есть 2500 рублей в месяц. «Вольные будут стоить  $145 \cdot 100 = 14\ 500$  руб. Увеличение расхода ежемесячно на 12 000 руб.». К тому же, подчеркнул начальник 9-го участка, будет «трудно найти столько русских, чтоб согласились на месячную плату 145 руб., тогда как они могут заработать и больше», да и «русский, как более сильный и привыкший к работе, принесет на самой линии больше пользы, чем военнопленный» [НАРК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 120].

Если в первой половине 1915 года заработная плата при найме на стройку определялась для чернорабочих и лесорубов в размере 35 рублей, для землекопов — от 35 до 45 рублей, для плотников — от 45 до 56 рублей в месяц, то к осени 1916 года в связи с ростом дороговизны она была повышена на 37–40 %. Но рабочему не всегда доводилось получать означенную сумму заработка. На многие виды работ были установлены урочные задания, которые подчас в 1,5–2 раза превышали реальные физические возможности строителей. Невыполнение уроков влекло за собой понижение платы. Процветали штрафы и вычеты [Дубровская, Кораблев, 2017: 170] (рис. 3).

Особенно тяготило то, что выплата заработка систематически задерживалась. Известный мурманский историк И. Ф. Ушаков приводит свидетельство архангельского губернатора С. Д. Бибикова, который писал о результатах осмотра железнодорожной линии в августе 1916 года: «Неаккуратность платежей стала

обычным явлением на Мурманской дороге, и когда я объехал в июне месяце всю линию дороги, то буквально от всех рабочих слышал жалобы о невыплате им жалованья до 2 месяцев <...>. Вот уже в течение двух лет я ежедневно осаждаюсь рабочими Мурманской дороги со всевозможными жалобами, в большинстве случаев справедливыми» [Ушаков, 1997: 591–592, 594].



**Рис. 3.** Земляные работы на строительстве Мурманской железной дороги [История Карелии..., 2001: 318]

О непомерных выплатах, которых на волне революционных «свобод» требовали и стали добиваться построечники летом 1917 года, свидетельствует замечание автора публикации, проехавшего пассажиром «от Кеми до Мурманска». Описав сцену карточной игры в «очко» («девятку» или «железку») в вагоне поезда, он сделал заключение: «Деньгам цены не знают. Безусый мальчишка, получавший на своих харчах 17 руб. в месяц, ныне получает оклады по 300 и с разными прибавками, и того больше. Но тогда дело другое, тогда он полоскал порожние бутылки где-нибудь на Обводном канале, теперь он — «самоопределившаяся единица», часть целого, знающего, что такое организация, революция, демократический пролетариат, капиталистическая буржуазия и т. п. Я помню, на 8-м участке один чудак обклеил выигрышными трешницами стены под своей койкой». Чувствуется раздражение и дистанцированность автора от приверженцев нового порядка, по всей видимости, выходцев из мятежной российской столицы, которые демонстрировали очевидное безразличие к нормам общественного поведения: «Банки растут, ставки увеличиваются», «каждое восклицание неразрывно связано с небоскрежным словом. Тут едут и барышни конторщицы, деваться некуда» [Построечник, 1917: 28 октября].

## **Кузомень и Сорока: жители Терского берега и Карельского Поморья в годы «военного лихолетья»**

Автобиографические рассказы участников и свидетельства очевидцев событий повествуют, как правило, о том, что происходило накануне и во время российской революции 1917 года, а также в годы Гражданской войны в губернских и уездных центрах Севера России. Однако обстановка в сельской глубинке Карельского Поморья и Терского берега Белого моря вблизи трассы железнодорожного строительства получила в таких эго-документах гораздо меньшее освещение. Этот пробел восполняет знакомство с материалами сельских сходов Сороки (Кемский уезд) и Кузомени (Александровский уезд) Архангельской губернии из фондов Национального архива Республики Карелия (НАРК) и Государственного архива Мурманской области (ГАМО) в городе Кировске. Исследование упомянутых, к сожалению, далеко не полностью сохранившихся источников открывает перспективы для реконструкции картины повседневной жизни поморов в экстремальных обстоятельствах российской революции 1917 года, военной интервенции и Гражданской войны на Севере России.

В фонде Сорокского волостного правления сохранились подлинные протоколы Сорокского волостного схода за период с января 1916 по май 1917 года [НАРК. Ф. 604. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 1–30]. Перемены в восприятии крестьянами революционных нововведений и потрясений последующих месяцев «военного лихолетья» отразились в протоколах заседаний Кузоменского сельского схода за декабрь 1916 — апрель 1918 года и за май 1918 — февраль 1919 года из фонда Кузоменского сельского Совета крестьянских, красноармейских и рабочих депутатов [ГАМО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1, Д. 3].

В населенном русскими Карельском Поморье война все более ощутимо вторгалась в повседневность сельского и деревенского социума. По свидетельству современника, в 1916 году в поморском селе Сорока (совр. город Беломорск) бросалось в глаза, «в отличие от деревень, обилие молодых мужчин», поскольку здесь было «много пленных и рабочих из других губерний». В Сороке «выросла гостиница, прилетел кинематограф, появились лавки, пекарни», однако вслед за этими изменениями общественной жизни обнаружились и шокировавшие население приметы нового времени: бытовые преступления и лишения, вызванные военной обстановкой. «Ограблен магазин, убита торговка пивом <...>. Объявлено военное положение <...>. Отсутствие предметов первой необходимости. Дороговизна, спекуляция» [Трошина, 2014: 286].

В конце 1916 года участники крестьянского схода Сорокской волости заслушали волостного старшину П. Пахомова, доложившего о том, что в последнее время участились случаи передачи в волостное правление арестованных, большей частью железнодорожных рабочих, «для препровождения этапным порядком до соседнего Шуерецкого волостного правления». По его словам, содержание в арестном помещении, «окарауливание и сопровождение» таковых «падает всецело на десятских» села Сорока, которые отказываются исполнять эти требования волостного правления, считая их для себя обременительными. Собрание приняло решение возложить на десятских Сорокского общества «окарауливание и сопровождение арестованных только из числа жителей своей

волости», освободив их от аналогичных обязанностей по отношению к арестантам, приводимым с железнодорожной линии и с лесопильных заводов Поморья. Волостному старшине предстояло просить местного чиновника по крестьянским делам ходатайствовать перед вышестоящим начальством в Архангельске о передаче полицейской страже обязанностей по сопровождению «посторонних» арестованных [НАРК. Ф. 604. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 16–16 об.].

Жители края повсеместно ощущали потребность увековечить память земляков, павших на поле брани Великой войны. Не зная еще, что ее назовут мировой, что она окажется не последней войной такого масштаба и что, выйдя из хаоса гражданского братоубийства, победители начнут сводить счеты с захоронениями участников войны «империалистической», северяне на уровне местных сходов принимали решения, подобные тем, что были вынесены в Поморье. Так, сельский сход Кузоменской волости в январе 1917 г. обсудил предписание волостного правления «об отводе места под кладбище в память увековечения умерших воинов, прибывших с войны ранеными и болезненными». Жители Кузомени решили отвести место в 60 саженьях к югу от приходской колокольни [ГАМО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 5].

Учитывая многочисленность поморских семей, нельзя не отметить необычную для севера концентрацию сельского населения, которая объяснялась своеобразным промысловым укладом экономики поморской деревни. Особый характер ее экономики определялся суровыми природными условиями и разнообразием богатых ресурсов Белого моря, не случайно «сами поморы определяли первостепенное значение морских промыслов в своей жизни краткой, но емкой поговоркой: «Море — наше поле». В Сорокской губе промысел сельди начинался с первыми заморозками и продолжался до конца декабря, когда рыба подходила к берегам [Кораблев, 1980: 20–21, 30, 97–99].

В довоенные годы препятствий к промысловой деятельности крестьян во время путины не возникало. Однако в октябре 1916 года участники Сорокского волостного схода отметили в протоколе, что прошлогодняя реквизиция лошадей на военные нужды «печально отразилась на благосостоянии волости», к тому же не вывезенными остались сено и дрова. Собравшиеся «имели суждение» о том, что с 15 октября по 15 января «наступает главный подспорный нам в крестьянском хозяйстве сельдяной промысел (заменяющий хлебопашество), который производится с помощью лошадей (перевозка с морской губы в селение) и без которого население нашей волости не может существовать». Поскольку от улова сельди зависели обеспечение продовольствием населения волости и возможность продавать пойманную рыбу, крестьяне обратились к чиновнику по крестьянским делам 1-го участка с просьбой в случае предстоящей новой реквизиции лошадей заблаговременно ходатайствовать перед архангельским губернатором об ее отсрочке до окончания сельдяного лова [НАРК. Ф. 604. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 11, об. – 12 ].

Сравнение «прежнего» и «нынешнего» времени, явно не в пользу последнего, прослеживается в отношении постановления Комитета о продовольствии жителей Архангельской губернии. В конце декабря 1916 года тот установил норму отпуска муки «не более одного мешка в месяц» на семейство из 6 человек. Крестьяне заявили о недостаточности нормы и сослались на то, что имеющиеся в их хозяйстве лошади и коровы «за отсутствием хлебопашества,

овса, отрубей в нашей местности», как и «хорошего сена», «в прежнее время получали порцию муки, чтобы добавлять ее «в северную пищу для коров (белый мох)». Теперь же, «лишившись подкрепления в виде печеного хлеба», лошади «не могут соответствовать необходимой работе», а коровы не имеют «своего развития». Поморам, остававшимся в зависимости от чиновничьей бюрократии, вновь пришлось ходатайствовать по инстанциям об увеличении нормы отпуска муки нуждающимся крестьянам до полутора пудов в месяц на едока [НАРК. Ф. 604. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 22, об. – 23].

Тем решительнее в дни Февральской революции слышен тон их заявления и обозначение новой идентичности (начало марта 1917 года): «Мы, нижеподписавшиеся равноправные свободные граждане Российской империи Архангельской губ. Кемского уезда, из среды крепкого населения Сороцкой вол., на волостном сходе в с. Сороке, под председательством члена исполнительного комитета от Сороцкой вол. И. Я. Камбалина», заслушав «речь о падении самодержавия и старого правительства, постановили единогласно подчиниться и подчиняться новому правительству, учрежденному Государственной думой и всецело исполнять его распоряжения» [НАРК. Ф. 604. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 24 об.].

Столь же решительно были настроены и кузомляне, давшие наказ своим депутатам добиваться на съездах в Архангельске и Петрограде предоставления отпусков из армейских частей землякам-поморам на осенний семужий промысел с половины августа до половины ноября, подобно тем, которые получали недавние крестьяне из земледельческих губерний для проведения посевных и уборочных работ: «Семужий промысел является для нас как хлеб для пахаря, не уловив семги, останемся без хлеба». В ноябре 1917 года постановили просить кузоменскую волостную земскую управу «разослать ныне же удостоверения по частям войск» с просьбой об увольнении солдат волости для морского звериного промысла, на который отправляются за 300 верст с 15 января по 15 апреля» [ГАМО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об., 30].

Впереди поморов Терского берега, как и жителей Карельского Поморья, ожидали новые тяготы военного времени, голод, «крайнее воздвужение жизни» и урезанные пайки, встречи с вернувшимися с фронта калеками-односельчанами и щемящая память о не вернувшихся, радикальные настроения и действия фронтовиков, приносивших в поморскую глубинку «войну на сапогах», обеспокоенность судьбой Учредительного собрания и шокирующие нововведения советской власти, ее распоряжения о создании красноармейских отрядов и призывы белого правительства в Архангельске записываться добровольцами в славяно-британские легионы, которые в 1918 году формировали на Севере бывшие союзники России.

### **Заключение**

Социальное пространство строительства МЖД и прилегающих к нему территорий включало в себя несколько типов локальной идентичности, нередко приходивших в противоречие с идентичностью общероссийской, когда, с одной стороны, рабочие и служащие строительства, с другой — коренное население края оценивали по-разному одни и те же явления в социальной и экономической жизни региона.

В годы «военного лихолетья» поморы отстаивали традиционный уклад своей жизни. Демонстрируя специфическую береговую идентичность, они сопротивлялись как реквизициям лошадей в их хозяйствах — вполне вероятно,

и для нужд железнодорожного строительства, так и предписаниям властей «окарауливать» и конвоировать рабочих, арестованных на МЖД, силами крестьян той или иной волости. Люди, веками жившие по завету предков «Море — наше поле», воспринимали особенности своего хозяйственного уклада не так, как об этом писали столичные и провинциальные публицисты, далекие от реалий поморского сезонного промысла.

Упомянутый валаамским иеромонахом Исаакием Ренников, автор заметок в петроградском «Новом времени» о строительстве магистрали, познакомил читателей с жителями села Сорока, «центром сельдяного промысла на Поморском берегу», откуда «летом все мужчины уходят на судах в море» и куда «к морю тянутся на рыбную ловлю и окрестные карелы». Способы традиционной рыбной ловли поморов названы им «самыми примитивными», по словам Ренникова, «когда идет сельдь, ее прибытие определяют даже чересчур грубо: спускают в воду шести и пробуют на ощупь, есть ли сопротивление или нет» [Иеромонах..., 1916б: 7].

Описав природные богатства осваиваемого северного края, автор публикации в столичной газете был поражен тем, что «поморы иногда сами не знают, что им делать с рыбой, которая идет целыми стаями и охотно лезет в сети без числа и перерыва» [Иеромонах..., 1916б: 7]. Однако его замечание, что рыбакам даже «иногда приходится отказаться от дальнейшей работы из-за обилия улова», осталось без пояснения: соль, необходимая для обработки и хранения рыбы, за годы войны значительно возросла в цене и была доступна в необходимом количестве далеко не всем.

Сходным образом приходили в противоречие высказанные инженерами оценки технических достижений при сооружении магистрали с впечатлениями пассажиров, проехавших по железной дороге с еще не устраненными на ней «недостройками» и «нехватками». Решение В. П. Ивашова, начальника 6-го участка линии Сорока — Кандалакша, предложившего идею возвести через Кандалакшский залив фильтрующую дамбу, позволило на 9 верст сократить длину железнодорожной линии. Если инженеры-специалисты считали это решение смелым и оригинальным, намного опередившим свое время [Дубровская, Кораблев, 2017: 113], то далеко не все строители МЖД были так единодушны. Автору «Писем туриста», проехавшему от Кеми до Мурманска, конечно же, не дилетанту в железнодорожном строительстве, осенью 1917 года довелось проехать по дамбе, которая представляла собой насыпь из крупных камней, пропускавших воды приливно-отливных течений. По его словам, на подъезде к Кандалакше железнодорожный путь проходит «по ряжевой, усыпанной камнями дамбе, которая соединяет Кандалакшский мыс с одним из изгибов материка», длиной в полторы версты. «Ввиду частых обвалов ее, сходов и крушения поездов» скорость хода здесь «уменьшается до минимума». В начале 1917 года на глазах автора публикации произошло настолько сильное столкновение, что «несколько вагонов свалилось с большой высоты под откос в воду, человеческих жертв было много, и по сие время, проезжая по дамбе, вы видите опрокинутые кузовами вверх вагоны и по ту, и по другую стороны полотна» [Построечник, 1917: 1 ноября].

В публикациях 1916 года автор из «Нового времени» с восторгом предсказывал, что новая дорога на Мурман, «проходящая между двух тысяч озер Олонецкой губернии и сотен озер Архангельской губернии, которая пересекает

пенящиеся и порожистые реки, извивающиеся среди горных образований и поросших лесом холмов», будет считаться «одной из интереснейших дорог России». Подчеркнув несомненные выгоды для государства от использования дороги, он выразил уверенность и в том, что в недалеком будущем водопады Кивач, Пор-порог, Надвоицкий водопад и водопады реки Нивы у озера Имандры на Кольском полуострове «сделаются обычными местами паломничества наших и европейских туристов» [Иеромонах..., 1916б: 7]. Иная профессиональная идентичность «Построечника», гораздо лучше знакомого с истинным положением дел, год спустя проявилась в его нелюбимых для руководителей строительства заметках об опасности пути «от Имандры на 9-м участке»: «железнодорожное полотно, примыкая к горам, постоянно затопляется при таянии снегов летом, и поезда целые пространства иногда идут по сплошным водопадам, при таких условиях «на 9-м участке крушения — явления не редкие» [Построечник, 1917: 2 ноября].

Разумеется, идентификационные модели разных категорий рабочих и служащих МЖД, особенно в революционной обстановке 1917 года, весьма отличались друг от друга. Однако в конкретных условиях сооружения магистрали на завершающем этапе Первой мировой войны единение между ними основывалось на общей негативной идентичности по отношению к подданным враждебных России государств — военнопленным неприятельских армий, занятых в железнодорожном строительстве.

#### **Список сокращений**

- ВОГЗ — Вестник Олонецкого губернского земства
- ГАМО в г. Кировске — Государственный архив Мурманской области в г. Кировске
- МЖД — Мурманская железная дорога
- МПС — Министерство путей сообщения
- НАРК — Национальный архив Республики Карелия

#### **Список источников**

- ГАМО в г. Кировске. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 24 об., 30.
- ГАМО в г. Кировске. Ф. 268. Оп. 1. Д. 3.
- НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/914. Л. 139–139 об.
- НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 119/926. Л. 6 об. – 7.
- НАРК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 119, 120.
- НАРК. Ф. 604. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 11 об. – 12, 16 – 16 об., 22 об. – 23, 24 об.
- Земство, удорожание жизни и кооперация // ВОГЗ. 1915. № 14. С. 12.
- Извлечение из отчета о деятельности Православного карельского братства в пределах Финляндии за 7-й братский год // Карельские известия. 1915. № 10. С. 4–5.
- Иеромонах Исаакий. Дверь в Европу // Карельские известия. 1916а. № 8. С. 3.
- Иеромонах Исаакий. Дверь в Европу // Карельские известия. 1916б. № 9. С. 7–8.
- Очерки Мурманского быта // Мурманский путь. 1917. 5–8 ноября.
- Построечник. От Кеми до Мурманска (письма туриста) // Мурманский путь. 1917. 27 октября — 3 ноября.
- Протоиерей Иоанн Петрович Варфоломеев (некролог) // Карельские известия. 1915. № 23. С. 1.

## Список литературы

*Агамирзоев К. М.* Путь на Север: исторический очерк. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 156 с.

*Басова Н. А.* Служение священномученика Уара (Шмарина) на острове Мантсинсаари (1910–1916 гг.) // Православие в Карелии: материалы IV науч. конф., посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 243–252.

*Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб.: Норма, 2006. 384 с.

*Голдин В. И.* Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.

*Голубев А. А.* Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.

*Дробижева Л. М.* Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 17–34.

*Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А.* Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.

*Дубровская Е. Ю.* Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. Христианство в регионах мира. СПб.: Наука, 2002. С. 58–70.

*Дубровская Е. Ю.* Российско-финляндское приграничье: восприятие этносов-соседей в русской печати начала XX в. // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. С. 42–54.

*Змеева О. В.* Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (10), вып. 16. С. 53–67.

*Илюха О. П.* Репрезентация племен и народов в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): библиогр. указ. / сост., вступ. ст. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 13–24.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов. Петрозаводск: Verso, 2014. 494 с.

*Кораблев Н. А.* Карелия во второй половине XIX — начале XX века (1861–1917 гг.) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

*Кораблев Н. А.* Общественное движение помощи фронту и жертвам боевых действий в Карелии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. Архангельск: САФУ, 2014. С. 377–385.

*Кораблев Н. А.* Создание и деятельность Карельского Православного братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 121–171.

*Кораблев Н. А.* Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карелия, 1980. 127 с.

Империя и церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII — начало XX в.) / Н. Н. Лисовой и др. // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: Изд-во РАН, 2018. С. 70–97.

*Морозова О. М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.

Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Изд. Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. 204 с.

*Нилов В. М.* Орган местной гласности. Роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания. В 2 ч. Ч. 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 127 с.

*Новикова Л. Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.

*Трошина Т. И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 347 с.

*Ушаков И. Ф.* Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период // Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. В 3 т. Т. 1. Мурманск: Кольская земля, 1997. 648 с.

*Филимончик С. Н.* Гражданская война в Карелии в творчестве А. М. Линевского 1930-х гг. // История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. : материалы междунар. науч.-практ. конф. 24–25 мая 2016 г. М.: ЦМВС РФ, 2016. С. 368–373.

*Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России. М.: РОССПЭН, 2011. 376 с.

*Шабает Ю. П.* Народы Европейского Севера России: положение, специфика, идентичности // Наукáрус: [Российская библиотека научных журналов и статей Академии (РАН)]. 2011. URL: <http://naukarus.com/narody-evropeyskogo-severa-rossii-polozhenie-spetsifika-identichnosti> (дата обращения: 03.02.2020).

*Lackman M.* Sotavankien pako. Muurmannin ratatyömaalta. 1915–1918. Helsinki: SKS, 2012. 357 s.

*Vergara Ju.* Railway Stations as a Political Object and a Symbol of Economic, Administrative and Industrial Interests (1857–1865) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения российской и всеобщей истории Нового и Новейшего времени: сборник материалов IV междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Клио» / Российский государственный архив социально-политической истории. М.: РОССПЭН, 2014. С. 67–75.

#### *Сведения об авторе*

**Дубровская Елена Юрьевна**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник  
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

**Elena Yu. Dubrovskaya**

PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre, RAS

К. К. Логинов

## ПОМОРСКИЕ КАРБАСЫ (КАРЕЛЬСКИЙ, ПОМОРСКИЙ И ЛЕТНИЙ БЕРЕГА)<sup>1</sup>

### Аннотация

В статье впервые за последнее столетие дается описание основных разновидностей традиционных поморских карбасов Карельского, Поморского и Летнего берегов середины XIX — начала XXI веков. Они включали целую линейку водоходных средств от вполне мореходных, позволявших достигать Новой Земли и Шпицбергена, до самых маленьких — для прибрежного плавания. Карбасы имели как общие для всех них конструктивные особенности, так и специфические, связанные с использованием под конкретный промысел, транспортную спецификацию, реже — под условия судоходства у собственных берегов. Традиции, выработанные при строительстве и использовании карбасов поморами, оказали значительное влияние на лодкостроение внутриконтинентальных территорий, связанных с Белым морем крупными реками.

### Ключевые слова:

*Русский Север, Поморье, карбасы.*

Konstantin K. Loginov

## POMERANIAN CARBASES (KARELIAN, POMERANIAN AND SUMMER COASTS)

### Abstract

For the first time in the last century, the article describes the main varieties of traditional Pomeranian carbases of the Karelian, Pomeranian and Summer shores of the middle of the XIX — beginning of the XXI centuries. They included a whole line of navigational facilities from completely seaworthy, which made it possible to reach Novaya Zemlya and Svalbard, to the smallest coastal voyages. Carbases had both structural features common to all of them, and specific ones related to the use for a specific fishery, transport specification, less often shipping features off their own shores. Traditions developed during the construction and use of carbases by pomors had a significant impact on boat building within the continental territories connected with the White Sea by large rivers.

### Keywords:

*Russian North, Pomerania, carbases.*

Виднейший дореволюционный исследователь российского купеческого судостроения П. А. Богославский в работе «О купеческом судостроении в России: речном и прибрежном» поместил морские карбасы Русского Поморья, чтобы отделить их от настоящих кораблей, в разряд водоходных средств, которые «в плаваниях держатся *всегда вблизи берегов*» [Богославский, 1859: 3]. При этом он прекрасно знал, что на *весновальных карбасах* поморы ходили в горло Белого моря бить морского зверя напрямик, а не вдоль берегов. Поморы Карельского берега предпочитали проделывать этот же путь на льдине, на которую грузили карбас и ждали, когда лед оторвет от берега и унесет в горло Белого моря сильным южным ветром [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784. Л. 3, 12]. П. А. Богославский приводил еще более потрясающий пример, когда страдающий от тяжелой

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А18-118030190092-2.

цинги помор в одиночку, без компаса (в компании с петухом и двумя собаками)<sup>1</sup> на карбасе дошел с Новой Земли до Святого мыса на восточном берегу Кольского полуострова [Богославский, 1859: 31–32]. А Баренцево море куда опаснее моря Белого.



**Рис. 1.** Поморский карбас и малый карбас (заезок) в пос. Пертоминск Архангельской обл., приготовленные для отправки в д. Луда в качестве будущих экспонатов. Фото автора, 2017 г.

Самые ранние сведения о карбасах на Белом море, согласно «Соловецкому летописцу», восходят к 1549 году. Тогда за монастырем числилось «*карбасов больших и малых пятнадцать*» [Богославский, 1859: 48]. На больших карбасах монахи доставляли на Соловки грузы и людей с материка, а малые обслуживали хозяйственные потребности монастырской братии непосредственно у островов, например, при поездках на сенокос, при сборе яиц во время птичьих базаров. Больших морских карбасов с палубой в наше время поморы уже не делают, но по-прежнему различают основной тип крупного *морского карбаса*, достаточно большого для выхода в море, и тип, именуемый на Летнем берегу *подъезком* [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 58. Л. 48]. Последний настолько мал, что его с опаской используют в тихую погоду даже при проверке ставных неводов

---

<sup>1</sup> Животные будили помора, когда он засыпал у руля, а ветер ставил карбас опасно бортом к набегающей волне.

или сетей около берега. Сравнить размеры этих двух карбасов позволяет фотография, сделанная автором в 2017 году в пос. Пертоминск Архангельской области (рис. 1). При этом подъезок под именем «*карбаска*» совершенно свободно используется на любом из внутренних озер вдоль Карельского и Поморского берегов. Во времена П. А. Богославского таких маленьких карбасов никто не шил. Их функции выполняла лодка-*осиновка*, у которой над долбленной колодой днища нашивались вицами или пеньковой веревкой борта из 2–4 досок [Богославский, 1859: 50–51].

Название *карбас* применялось также к водоходным средствам, ходившим по рекам Беломорского водного бассейна. Крупный *речной карбас* с каютой для лоцмана постройки холмогорских мастеров, описанный П. А. Богославским [Там же: 60–62], мог даже выходить при надобности в море. *Карбасы* с меньшей грузоподъемностью (и с навесом для рулевого) строились и эксплуатировались, согласно этому автору, по всему течению Северной Двины, в низовьях крупных рек восточной части бассейна Белого моря, на доступных плаванию вплоть до больших порогов низовий реках Поморского и Карельского берегов. Автору довелось зафиксировать несколько измененный термин *карбаз* на озере Кенозере. Там он обозначал уже нечто другое — самую большую лодку этого озера для перевозки местного зерна (в сторону города Онеги), грузоподъемностью до 1 т [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7, Л. 11–12]. Обычные свои озерные лодки кенозеры называли *деревяшками* либо *двуконечными лодками*. От обычных кенозерских лодок «карбаз» отличался тем, что имел большие размеры, не одну, а две пары гребных весел плюс большое *кормовое весло*. Задняя пара гребцов гребла веслами, сидя лицом по направлению движения судна, передняя пара — сидя спиной к направлению движению судна. Рейковым парусом на единственной мачте в носу такой лодки команда пользовалась только при переезде через озеро. Обрато вверх по реке колхозная команда тащила лодку до озера за канат, шествуя по берегу, не имеющему бечевника. Для жителей же Лекшмозерья, лежащего всего в 40 км южнее (почти на границе между Архангельской и Вологодской областями), слово «карбас» является исключительно книжным, а не практическим. В Карелии же термин «карбас», если верить К. К. Случевскому, распространился до озера Выгозера у природного водораздела, отделяющего южную Карелию от средней и северной Карелии еще в последней четверти XIX века [Случевский, 1886: 25]. А вот этнограф В. Н. Майнов в 1872 году такого термина на Выгозере не зафиксировал, но описал тип *килевой лодки* [Майнов, 1874: LVI]. Большую надежную восьмивесельную лодку озера Выгозера (10–12 м длины) описали также М. А. Круковский [Круковский, 1904: 183] и М. М. Пришвин [Пришвин, 1956а: 87]. Автор настоящей статьи только в экспедиции 2006 года записал сведения о термине *карбас* на Выгозере и о лодке именно этого типа (с «яйцевидным» днищем), что выталкивается на лед при замерзании вод [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 717. Л. 39–40]. В экспедиции 1985 года на Выгозере автор о карбасах ничего не слышал, хотя специально проводил опросы о типах сухопутных и водных средств местного населения.

Казалось бы, тип широкогрудого карбаса с яйцеобразной формой днища, благодаря которому при замерзании воды судно выдавливается на лед, должен был распространиться по всем низовьям рек, где речные пороги не препятствовали подниматься по ним до лежащих внутриматериковых поселений. Это общее правило верно, но оно имело одно исключение. Карбасы не стали основным

типом водоходного средства на реке Кянда (и в одноименном поселении), четко отделяющем Поморский берег от Летнего берега. В поселении, лежащем в 12 км от устья реки, впадающей в Онежский залив, так и не сформировался тип классического поморского населения, основными занятиями которого являются морской зверобойный промысел и морское рыболовство. Хотя в море кяндинцы выходили ставить свои сети и ставники на сельдь, выезжая на морскую гладь в лодках *килевушках* [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 58. Л. 6]. Эти лодки были длиннее карбасов, передвигались под тремя парами весел и действительно имели вдоль днища хорошо выраженный массивный киль. Но они были вдвое уже карбасов, что позволяло им на воде развивать большую скорость, чем морским шлюпкам или карбасам. Пойти за морским зверем в горло Белого моря на таком транспортном средстве было бы безумием. Жители Кянды и не стремились к этому. В долине с плодородными полями и прекрасными сенокосами защищенные от холодных северных ветров кяндинцы так и остались исконными земледельцами. Опасности набегов степняков и крестоносцев загнали эту славянскую группу жителей почти на самый край ойкумены. Там они не сильно изменили привычный образ жизни земледельца, в отличие от соседей — истинных поморов. Совсем иной пример являла собой Кемь и ее обитатели. С пашней и лугами там было настолько туго, что в 1884 году в этом уездном городе не имелось ни одной лошади (негде было накосить для нее сена), в 1885 году, да и то к приезду царской особы, появилась только одна лошадка [Случевский, 1886: 26–29]. Зато лодки были у кемлян именно такие, какие надо. Маленькие и проворные речные лодочки служили для преодоления большого порога, выше которого располагался город, а полноценные морские карбасы имели стоянки на берегу моря ниже порога [Там же].

Большой морской карбас, как его описывает П. А. Богославский [1859: 48–49], и сейчас выглядел бы достаточно внушительно. При длине более 12 м и ширине более 2 м он обладал высокими бортами с двойной (внешней и внутренней) обшивкой из осмоленных досок, имел дощатую палубу и каюту в корме, навесной коленчатый руль-*правило* и две мачты с прямыми рейковыми парусами (*большим* по центру и *носовым*). В XIX — начале XX веков большой поморский карбас в качестве самостоятельного судна для плавания на Грумант<sup>1</sup> и Новую землю уже не использовался. Такие карбасы на канате за собой тащили промысловые лоды и промысловые кочи, чтобы на месте промысла их использовать в качестве вспомогательных средств для связи кораблей с берегом. И все же сказанное не отменяло транспортную важность большого поморского карбаса для промысловой деятельности всего Белого моря. От всех прочих карбасов его отличали высокая грузоподъемность (до 500 пудов), наличие сразу двух ручных водоотливных насосов и якоря-*кошки* весом в 8 пудов, а также постоянного эскорта буксируемой на канатной привязи лодки-осиновки или даже карбаса основного поморского типа — *двойника* или *тройника*. Исполненные по технологиям середины XIX века конструкции большого морского карбаса скреплялись в большей степени ветками деревьев и деревянными нагелями, чем железными гвоздями. Железные скобы, наверное, не всегда использовались. П. А. Богославский не упоминает о них в описании большого карбаса, хотя в этом отношении он всегда очень внимателен. Особо внушительными по размерам, прочно изготовленными из толстых досок, строились морские карбасы

---

<sup>1</sup> Грумант — русское поморское название Шпицбергена.

в Холмогорах. Последние даже бывали нарядными, когда надводная их часть окрашивалась красной краской, обшивная доска и мачты в черный или зеленый цвета. Представляется, что такой раскрашенный карбас П. А. Богославский просто забыл поименовать *«извозным карбасом»*, краткое описание которого автор данного текста привел в статье «Морские суда западного Поморья (второй половины XIX — начала XX вв.)» [Логинов, 2019: 72]. Карбас, вместимостью до 45 человек, делает общую проблему несколько дискуссионной: это уже судно каботажного плавания или все еще «большой поморский карбас»?

При строительстве карбаса в первую очередь подбирались (и подбираются ныне) толстые и крепкие сосновые деревья для скелета судна, из которых, как и века назад, вытесывают маточный брус (*матица, днище, колода*) и два штевня (*кокоры*) — прямой кормовой ахтерштевень и изогнутый носовой форштевень. В селениях с песчаными берегами, как в Лопшеньге на Летнем берегу, носовой форштевень круто задирается в вверх, а в селениях с каменистыми берегами, как в Колежме, форштевень делался более длинным и более отлогим. С карбаса с длинным и отлогим форштевнем легче высаживать людей на берег. Там, где карбасам по пути к родному дому приходилось преодолевать пороги (как на реке Нюхче), карбасы шились поменьше и полегче, чем в селениях, где их можно сразу с моря вытаскивать на берег.

Кокоры (они же носовой и кормовой штевни) крепят у современных карбасов к матице в *косой замок* на три деревянных гвоздя-нагеля. Кормовой штевень у карбасов Карельского и Поморского берегов уже в XIX веке мог иметь как продольный транец (острую корму), так и поперечный транец (корму поперек к матице). Последний прием позволял удобно навешивать на корме деревянный коленчатый руль, чтобы не приходилось все время править ручным кормовым веслом. Поперечный транец делался лишь в верхней трети длины кормового штевня. Именно такой карбас изображен на переднем плане иллюстрации Сумского берега в работе К. К. Случевского с описанием его путешествия 1885 года [Случевский, 1886: 14–15]. Перед нашивкой бортов к остову будущего карбаса во времена П. А. Богословского крепились фальшивые шпангоуты (лекала), по которым после изгибались и нашивались борта. Обшивка по лекалам приводила к тому, что поперечное сечение корпуса карбаса в итоге давало эллипс, рассеченный по направлению малой оси. На этом закладка будущего карбаса завершалась, заказчик обязан был выставить мастеру *окладное* — угощение сверх обговоренного в общей цене заказа. В этот день мастер с явными ритуальными целями больше не работал, подобно печнику или плотникам, поставившим окладной венец нового дома или печи [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1158. Л. 8–9].

Нашивка (набивание) досок бортов [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18] была делом ответственным. Чтобы нашить борта, остов с шаблонами шпангоутов клали на бок и начинали подшивать один борт. Подшивку бортов начинали всегда с носового штевня, в чем мастера видели некий магический смысл. Толстые (обычно «тридцатка» и толще) доски днища и бортов (*нашвы* во времена Богословского, *набои* в наши дни) последовательно скреплялись с матицей и форштевнями и друг с другом с помощью деревянных клещей и клиньев. При сшивании ветками предварительно в нашвах продалбливались продольные пазы, в которые закладывались толстые ветки (*вицы*), вокруг которых потом петля за петлей в заранее высверленные отверстия продевались и затягивались более тонкие и гибкие веточки (*вицы*). В отверстия с продернутой вицей забивались

березовые клинышки и обрезались. Обрезать их можно было и перед просмаливанием бортов. При гвоздевой технологии самую нижнюю доску бортов (набоя) вставляли в пазы в переднем форштевне, в матице, огибали по лекалам и фальшивым шпангоутам до ахтерштевня, где и закрепляли сплюснутыми с боков гвоздями, забиваемыми вдоль волокон. Особо ценились медные гвозди (пусть и круглые) за их более мягкое, чем у железных гвоздей, воздействие на древесину. Выше первой доски все набои сбивали обычно *внахлест* с небольшим *наступом* друг на друга, предварительно прослоив верхний край нижней доски мхом или слоем смоленой пакли. *Лайновая* техника сшивания бортов, когда доски сбивались друг с другом *стык в стык* (верхней кромкой нижнего в упор на нижнюю кромку верхнего набоя, без напуска), применялась обычно при постройке судов. При строительстве карбасов и лодок прием этот не был популярен. Сколотив сначала один, затем другой борт, карбас ставили на матицу и начинали по всей длине днища укреплять борта, вставляя внутрь и прибивая к бортам и к матице через каждые 30–50 см изогнутые шпангоуты (*кокоры, опруги*). В самом носу и в конце «продольной» кормы один-два шпангоута могли быть вырезанными из развилки сосны, остальные составлялись попарно из двух половинок, сделанных из изогнутых ветвей сосны. В итоге днищу карбаса придавалась «яйцеобразная» форма, о выдающихся качествах которой уже говорилось. Вдоль верхнего борта дополнительно набивался еще один набой (*обвод* или *обводной брус*), дающий дополнительную защиту при соприкосновении карбасов с причалами, бортами судов или с другими карбасами. Завершалась постройка карбаса обязательным оборудованием: сиденьями, носовой и кормовой *банками*, гнездами для установки парусов, уключинами (*когутами*). После чего мастер предлагал заказчику оплатить заказ, а также поставить ему заключительное, опять же ритуальное, угощение. В этот день спуск на воду не производился, как бы ни хотелось заказчику пустить свое суденышко быстрее в эксплуатацию. Нередко заказчик, уже расплатившись за выполненный заказ, просил мастера дополнительно обустроить его карбас. Так, для защиты днища от повреждения песком и камнями (варианты — для удобства вытаскивания на берег или передвижения по льду) справа и слева от килевого бруса набивалось по деревянному полозу. В советское время в карбасах, предназначенных для охоты на морского зверя, оснащали переднюю кокору и матицу набивным железным полозом, облегчающим скольжение по льду и снегу, железными скобами для буксировки легких лодочек или убитых на промысле морских животных. Для защиты от напора льдов зверобойные карбасы Карельского Поморья оборудовались крепкими набойными деревянными крюками, торчащими наружу на уровне ватерлинии на ширину до 1 м [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 37. Д. 787. Л. 17–18].

Карбас спускали в первый раз в море всегда носом вперед («Как лодку в первый раз спустишь, так и поплывет»), призывая «Водяного хозяина-батюшку» (на Белом море — «Морского царя»): «Принять карбас на морскую воду, не погубить, не потопить рабов Божьих...» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1158. Л. 20]. При этом в старину в воду бросали «серебрённые» монетки (обычно 3 или 9 штук). Бросали не левой рукой через левое плечо, как это делают, чтобы откупиться от нечистой силы, бросали правой рукой и от груди («от сердца»), как это принято было в обрядах «кормления воды» или «выкупа» за вывоз животных на острова

на летние пастбища или за обратный прогон крупного рогатого скота уже по льду замерзшего озера [Логинов, 2006: 86].

В описаниях П. А. Богославского приводятся сведения о *весновальном карбасе* и *карбасе-тройнике* [Богославский, 1859: 49–50]. Первый из них способен был поднимать только 200 пудов, имел двулапый якорь весом в 5 пудов, а две его мачты были оснащены прямыми ипритовыми (прикрепленными одной стороной петлями к мачте) парусами. Богославский едва ли не презирает «тройник» за его небольшие размеры, относит к лодкам Карельского и Терского берегов, более того — «встречающимся преимущественно у лопарей» [Там же: 50]. Меж тем средневековый термин «тройник» всего лишь указывает на то, что карбас передвигается под тремя парами весел. Рыболовственный карбас Летнего берега нередко в норме имел всего две пары весел. Такие карбасы значились *двойниками*. Весла в рабочем состоянии удерживались в уключинах кожаной, веревочной (или «витой» из можжевельника) либо березовой ветви петлями, надетыми на деревянный палец, забитый в высверленное в расширение борта отверстие. Такой палец (*кочет*)<sup>1</sup> при гребке служил упором для весла, а петля удерживала весло около «кочета» при обратном движении весла. Кочет могли сделать неподвижным, реже — вращающимся в своем *гнезде*. При устройстве уключин могли также просверлить сразу два гнезда и забить в гнезда по «кочету». Тогда весло помещалось между деревянными стержнями, и петля в таком устройстве уключин была уже излишней. Данное устройство уключин относительно часто встречалось на Карельском берегу и в западной части Поморского берега, а на Летнем берегу почти не применялось. Управлялся карбас, как уже упоминалось, навесным или ручным рулевым веслом с кормы. На карбасах-«двойниках», реже — «тройниках» ручной руль нередко вовсе не использовался. Это становилось возможным, когда карбас подруливался задней парой весел, которой загребали от себя, сидя на кормовой банке лицом по направлению движения. Носовой и средней парой весел (у «тройника») люди гребли, сидя спиной к направлению движения. В карбасе-*семерике* за каждым веслом (*гребью*) сидело по одному гребцу, а седьмым был кормщик с рулевым веслом. Сам Богославский по Белому морю передвигался на карбасе-*четверке* с восемью гребцами сразу. «Семерик» и «четверка» были усовершенствованием «тройника». Сделано это было ради ускорения доставки царских депеш и дипломатической почты. Так они и сохранились до всеобщего распространения моторных карбасов. Семерик с целью рационализации управления часто имел на корме поперечный транец с закрепленным на нем стационарным рулем (*журавельником*). В этом случае гребцы задней пары весел сидели на дополнительно устроенном из поперечной доски сиденье, гребли, сидя спиной к направлению движения.

Зверобойный «семерик» (рис. 2) имел некоторые особенности в своей конструкции и дополнительное оборудование. Его команда состояла из восьми человек. Борта карбаса несли на бортах по четыре парных деревянных или кожаных (иногда — веревочные) петли для продевания в них кожаных лямок (Карельский берег) или же багров либо древков гарпунов (Летний и Зимний берега) при волочении промысловиками карбаса по льду. В лодке всегда имелось

---

<sup>1</sup> От работы веслами планка постепенно вытиралась до заметного углубления и приобретала некоторое сходство с выпятившей грудь птицей.

запасное весло. За собой подобные карбасы Карельского берега тащили на промысле 2–3 *стрелебных лодки*. Их нижняя часть изготовлялась из покупной осины, выдолбленной сверху и дооборудованной сверху набивными бортами в одну-две доски. Килевая же часть такой лодки имела намеренно широкий деревянный полоз без обивки его железом. На таком импровизированном полозе, не заваливаясь вправо или влево, лодка легко скользила по снегу и льду. При преодолении полыньи ее легко спускали на воду и так же легко вытаскивали на лед.



**Рис. 2.** Зверобойный карбас Летнего берега, изготовленный в 1983 году. Музей поморского быта д. Яреньга (Приморский район Архангельской области). Фото автора, 2017 г.

Почти все поморские карбасы в старину несли две мачты (устанавливались в носу и в средней банке) и два паруса. Передняя мачта либо продевалась в отверстие в носовой банке, либо пристегивалась кожаной петлей к вырезу в ней же. Нижним концом эта мачта упиралась в деревянное гнездо (*коржок*), прибитым на днище лодки у стыка матицы с форштевнем. Средняя мачта продевалась сквозь среднюю скамейку и упиралась нижним концом в «коржок» под ней. Архаические типы парусов были прямоугольной формы и подвешивались к поперечной рее. *Шпринтовые* паруса тоже были прямоугольными, но имели диагональную рейку, которая упиралась верхним концом в верхний свободный край паруса, а нижним концом — в петлю на мачте. Парусные шкоты при движении под парусом крепили, привязав за прибитые к бортам деревянные скобы. Парус на зверобойных карбасах служил также для укрытия от ветра и непогоды ночующих в море промысловиков. *Латинский* парус (тоже рейковый) с острым верхним углом, поднимавшийся с помощью деревянного блока, поморы научились использовать очень поздно. В районе нынешнего Беломорска народ ознакомился с латинским парусом в конце XIX — начале XX веков, а на Летнем

берегу — лишь с прибытием на Онежский полуостров спецпереселенцев из Крыма и Каспийского моря [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18. Л. 5, 26].

Довольно многочисленные разновидности поморских карбасов, несмотря на различия в размерах, конструктивно мало отличались друг от друга. Однако *весновальные, зверобойные и крневые карбасы* имели облегченные, наиболее тонкие среди всех типов карбасов борта, более узкое днище и нос, позволявшие развивать большую скорость в воде и оказывавшие меньшее сопротивление при волочении по снегу. У них имелся упомянутый выше железный полоз или пара *крней* — продольных брусков в виде полозьев, набитых на равном расстоянии от киля. Карбасы для зверобойного промысла были оснащены переносными горизонтальными или короткими вертикальными воротами, деревянными крюками и железными якорями, что облегчало вытаскивание судна на льдины. В носу зверобойного карбаса обязательно было место для очага внутри засыпанного толстым слоем песка деревянного короба. Над очагом находилось приспособление из кованого железного прута для подвешивания над огнем чайника и котелка. Мизерные размеры (2,6–3 м) в Поморье имели двухместные с единственной парой весел *карбасики* (см. выше), которые использовали для установки сетей поблизости от морского берега. Шились они так же, как и большие карбасы, но имели одну пару уключин, одно сиденье для гребца посередине лодки и короткую доску-банку в корме для рыбака, запускавшего и проверяющего сети. Не было в такой лодке ни мачты, ни гнезд для крепления мачты. Чуть больших размеров были *сельдяные карбаски* Кандалакшской губы [Дуров, 2011: 163]. Они тоже были двухвесельными, но нос и корма их были не острыми, а закругленными, что позволяло более сноровисто запускать и доставать из моря сельдяные сети. По этой же причине они не имели уключин с выступающим вверх деревянным пальцем. Кованый железный палец намертво закреплялся в весле, а под палец в борту рассверливалось специальное отверстие. Сверху прибивали кованую железную накладку с точно таким же отверстием. На Беломорском и Сумском берегу такие карбасики (длиной 3–3,5 м и грузоподъемностью до 490 кг) называли *берецкими карбасами*, то есть прибережными [Там же: 373].

В линейке традиционных парусно-гребных судов между промысловыми карбасами и крохотными карбасками на Белом море имелись еще две разновидности специализированных карбасов [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18. Л. 35]. Один — это сугубо транспортный безмачтовый двухвесельный карбас-*сельдянка*<sup>1</sup> с коробом для рыбы, занимающим большую часть пространства лодки, за исключением носовой и кормовой банок с сидящими на них гребцами. Он использовался исключительно для доставки на берег улова из сельдяного ставного невода (*сельдяного котла*). Сельдянки были *одно-, двух- и трехтонниками*, в зависимости от веса загружаемого в короб груза выловленной сельди. Поставить с него в море сети и ловушки можно было при большом желании, но делать это было крайне неудобно. Еще один карбас (*ял, шлюпка*) пятишестиметровой длины поморы делали из тонких досок с широкими лавками в носу, корме и вдоль бортов специально для доставки пассажиров с пароходов и судов на берег и обратно. Их изнутри красили масляной краской, постоянно содержали в чистоте, на рыбодобыче и в транспортировке уловов не использовали.

---

<sup>1</sup> Не путать с карбасом-*сельдянкой* из Кандалакшской губы (см. выше).

В общем и целом, всяких разновидностей поморских карбасов было так много, что полное их описание потребует еще очень серьезного, очень глубокого исследования.

Без карбаса прожить в Поморье не могла ни одна семья: ни рыбы не поймать, ни куда-то съездить. К. К. Случевский в 1885 году в этой связи заметил: «От Кеми до г. Онеги на протяжении 500 верст по берегу вообще нет ни одной сухопутной дороги» [Случевский, 1886: 21]. Кстати, добавим, что и в наше время на автомобиле проделать этот путь тоже не получится. Многие путешественники и исследователи Поморья восторгались выносливостью поморских гребцов. И удивлялись тому, что гребцами на карбасах были... женщины. Российские путешественники прибывали на берега Белого моря летом, когда все взрослые мужчины находились за морем на промыслах. Случевский написал по этому поводу: «Гребут только женщины. Они могут одолеть (за светлое время суток. — *К. Л.*) 120 верст за две смены» [Случевский, 1886: 31]. На женских плечах в Поморье лежало также осуществление летних почтовых перевозок. Собиратель народных песен Г. О. Дютш примерно в те же годы оставил такую путевую запись: «Тут существует “бабья почта”. Вместо обычной пары лошадей своеобразная “бабья подвода”: три женщины-гребца и пожилой кормщик. Иногда его заменяет пожилая, испытанная в этих делах женщина. В страшную жару они легко проходят 30 верст на веслах с одной остановкой на роздых» [Пименов, Эпштейн, 1969: 237–239]. Об активном участии женщин в почтовом сообщении в Поморье писал и М. М. Пришвин [Пришвин, 1956б: 174]. Заодно он и сообщил, что поморский почтовый «двойник» был оборудован у кормы *заборницей* — подобием кузова почтовой телеги (*таратайки*), сделанной из досок и набитой сеном, на котором ему удалось в пути выспаться. Видимо, почтовые лодки Поморья предназначались для перевозки не только почты, но изредка и пассажиров. В совершенно обычных, классических «двойниках» и «тройниках», совсем не приспособленных для перевозки пассажиров, в XIX — начале XX веков поморы при случае за лето совершали по несколько (одну-три) поездов на Соловки ради заработка на добирающихся туда паломниках.

Как правило, шитые железными гвоздями карбасы служили 8–12 лет, шитые вицей — на треть дольше. Впрочем, автору доводилось видеть моторные карбасы (со стационарным дизельным мотором) в текущей эксплуатации, которым исполнилось уже 30 лет и более. Отслужившие у мест промысла свой срок карбасы поморы нередко, распилив пополам и прислонив друг к другу носом и кормой, обращают во временную кухню (*поварню*) на рыбацкой тоне (рис. 3).

Присутствие карбасов в традиционной жизни поморов было настолько важным, что им приписывали качества существа одушевленного, о чем говорит не только ритуал спуска на воду. Конец карбаса тоже воспринимался как ритуальная смерть. На Летнем берегу чаще всего старые, не подлежащие починке карбасы отталкивали от берега и отправляли в последний путь в море, обращаясь к судну, мужчины говорили: «Где тебя выбросит на берег, там твоя могила» [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18. Л. 35]. Иногда хозяйку, оставшуюся вдовой, уговаривали даже пригодный к плаванию карбас мужа отправить в море, чтобы справить обряд, полагавшийся к исполнению после смерти хозяина [НАНПК. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 38. Л. 6, 56]. В западном Поморье обычай был другим. Молодежь на Карельском берегу стаскивала старые, разошедшиеся карбасы на Иванов день со всего поселения на поляну, где собиралась проводить молодежный праздник

встречи лета. Из старых судов громоздили большую кучу (*курган*) и поджигали с наступлением темноты, любясь возносившимся к небесам пламенем (устное сообщение этнографа А. П. Конка). В языческий период у славян и прибалтийских финнов сожжение в пламени огня, как и отправление в последний путь по воде, было вполне обычными погребальными традициями [Логинов, 1993: 153–154]. Таким образом, можно утверждать, что карбасы в традиционной культуре Поморья занимали исключительно важное место, как в материальном отношении, так и в плане духовности большой субэтнической группы русских поморов.



**Рис. 3.** Летняя кухня (*поварня*) на рыбацкой тоне. Николаевская тоня, д. Лопшеньга Приморского района Архангельской области. Фото автора, 2017 г.

### Список сокращений

д. — деревня

пос. — поселок

НАКНЦ — Научный архив Карельского научного центра РАН

НАНПК — Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»»

### Список источников

НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1158. Логинов К. К. Традиционное деревянное лодкостроение на оз. Водлозере в Пудожском районе Республики Карелия (по материалам экспедиционной поездки Логинова К. К. на Водлозеро 26–29.07.2014 г.).

НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784, 787. Линеvский А. М. Предварительный отчет об экспедиции в рыбацкие колхозы Гридино и Калгалакша в 1944 г. (16 февраля — 26 марта 1944 г.).

НАНПК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Логинов К. К. Основные этнографические и фольклорные особенности современного Лекшмозерья и Кенозерья: [рукопись]. 2016.

НАНПК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18. Логинов К. К. Крестьянское судостроение в Онежском Поморье: этнографическое описание: [рукопись]. 2017.

НАНПК Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 38. Логинов К. К. Этнографическое исследование западного побережья Онежского полуострова: [рукопись]. 2018.

НАНПК. Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 58. Отчет Логинова К. К. об этнографической экспедиции 2–16 августа 2019 г. на Онежский полуостров Белого моря (территорию парка «Онежское Поморье»): [рукопись].

### Список литературы

*Богославский П. А.* О купеческом судостроении в России речном и прибрежном. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1859. 179 с.

*Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 472 с.

*Круковский М. А.* Олонецкий край: Путевые очерки. СПб.: Изд. Петерб. учеб. магазина, 1904. 260 с.

*Логинов К. К.* Морские суда западного Поморья (второй половины XIX — начала XX вв.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Вып. 16. С. 67–77.

*Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. С. 153–154.

*Логинов К. К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 276 с.

*Майнов В. Н.* Поездка в Обонежье и Корелу. СПб.: Тип. В. Демакова, 1874. 318 с.

*Пименов В. В., Эпштейн Е. П.* Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX веков. Петрозаводск: Карелия, 1969. 263 с.

*Пришвин М. М.* В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края // Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Госиздат, 1956. С. 5–161.

*Пришвин М. М.* За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии // Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Госиздат, 1956. С. 163–392.

*Случевский К. К.* По Северу России. Путешествие Их Императорских Высочеств Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 году. Т. II. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1886. 241 с.

### Сведения об авторе

**Логинов Константин Кузьмич**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник  
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

**Konstantin K. Loginov**

PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of Language, Literature and History  
of the Karelian Scientific Center of RAS

**Н. А. Елизарков**

## **ВЫГОВСКИЕ СТАРОВЕРЫ, ТРАДИЦИОННОЕ СУДОХОДСТВО И СУДОСТРОЕНИЕ БЕЛОМОРСКО-ОНЕЖСКОГО БАСЕЙНА**

### **Аннотация**

Автор предлагает рассмотреть на основе опубликованных нарративных источников экономико-технологический аспект истории религиозного сообщества староверов-беспопцев в разрезе социокультурной проблематики и в контексте истории севера России. Науче известно о традиции судостроения, мореплавания, торговли и промыслов Выгорецкой беспопцевской староверческой пустыни XVIII–XIX века — важного центра древлеправославного религиозного меньшинства в Российской империи. Но что значила кооперация в общине беспопцев-поморцев староверческой Выгореции для развития народного промысла и торгового дела на европейском севере?

### **Ключевые слова:**

*народное судостроение, промысловая колонизация, старообрядческое предпринимательство и кооперация.*

**Nikita A. Elizarkov**

## **VYG OLD BELIEVERS, TRADITIONAL SHIPPING AND SHIPBUILDING OF THE WHITE SEA-ONEGA BASIN**

### **Abstract**

The author suggests social & cultural problems considered economic & technological aspect of surviving the Old Believer religious community within historical context of the Russian North on the base of published narrative sources. It's known about shipbuilding, navigation, trade and manufacture tradition of the Vygoretsia priestless Old Believer cloister — a great center of the Orthodox religious minority in the XVIIIth century Russian Empire. But what meant cooperation within the Vyg river Pomorian priestless "Old Belief" community for national commerce and trade on the European North?

### **Keywords:**

*Folk shipbuilding, producer's colonization, Old Believer entrepreneurship & cooperation.*

### **Исторический эскиз: староверие в контексте торгового судостроения**

В отрывке, посвященном «Разоренной обители» — крупнейшей в Поморье *пустыни*<sup>1</sup> староверов-беспопцев на Топозеро, С. В. Максимов (путешественник-этнограф второй половины XIX века) зафиксировал характерное признание местного обитателя. Дело в том, что даже после разрушения в середине столетия Топозерского *скита* (второе превосходящего по населению ближайший город Кемь) неофициальный лидер беспопцев-поморцев, *большак* Копылов, имел огромное влияние в регионе, а не только в этом уездном центре: недаром *старую веру* в Поморье тогда даже прозвали «копыловской». Он сменил Наума Васильевича, назначенного московскими *староверами-федосеевцами* накануне разгрома городской Преображенской

---

<sup>1</sup> Здесь и далее *курсивом* автора выделены специфические для религиозной культуры древлеправославных староверов понятия русского языка, не обязательно совпадающие по значению с господствующим в России нововерным православием.

общины, — точно так же, как и последний (в согласии с наставником Преображенского староверческого кладбища в Москве Семеном Кузьмичем) заменил собой предыдущего топорского настоятеля [Максимов, 1890: 269–283].

Современные исследования экономической культуры подтверждают наблюдения (в отношении как поповцев, так и беспоповцев — со времен Ильи Алексеевича Ковылина, московского наставника *поморцев-федосеевцев*), что даже крупнейшие провинциальные *пустыни*, Выгорецкая и Топозерская, контролировались и обеспечивались московским купечеством [Бородкин, 2009: 20–21]. Установлено и то, что *старопоморцы-федосеевцы* практиковали общинное управление купеческими капиталами под правовой формой частной собственности [Расков, 2012: 21–29]. В частности, С. В. Максимов сообщал, что известный сугубо по прозвищу Копылов «комиссионер и казначей», «корень и сила» которого тянулись из Москвы, в Поморье оказался одним из блюстителей интересов как самой веры староверов-федосеевцев, так и богатства их общины. Именно он занял Егору Старкову, информатору путешественника и хозяину «новоманерной» шхуны, деньги на постройку кораблей для торговли в Норвегии [Максимов, 1890: 271–272].

Экономическое влияние староверческих монастырей<sup>1</sup> не только составило действительную конкуренцию крупнейшим монастырям севера России, но и контрастировало с тенденциями по региону в целом (о чем и пойдет речь далее). Иван Тихонович Посошков в книге «О скудости и богатстве» (начала XVIII века) высказался о традициях предпринимательства в России весьма критически. «Купечество у нас в России чинится вельми неправо: друг друга обманывают и друг друга обидят, товары худые закрашивают добрыми, и вместо добрых продают худые, а цену берут непрямую, и между собою союза ни малого не имеют, друг друга едят, и тако вси погибают, а в зарубежных торгах компанства между собою не имеют, и у иноземцев товары покупают без согласия своего товарищества» [Посошков, 1951: 17]. Также и в либеральную пору конца XVIII столетия купцы Архангельска, избавившись от казенной монополии (и даже получив от Екатерины II привилегию на зарубежный экспорт продуктов «сального промысла»), не мыслили без запрета прямого торгового для иноземцев объединение в «общественную контору», независимую от иностранного кредита, «чтоб соединением капиталов воедино можно было чинить отпуск собою беспосредственно до последних рук» [Ковальчук, 2013].

Проблемы относительной слабости российской торговли, предпринимательства и промышленности оставались актуальными и много позже. На кораблестроение Беломорья это оказывало самое прямое влияние, причем обоюдное. В середине XIX столетия историки российского флота, в частности, видели причину упадка торгового судостроения Архангельска и Поморья в «расстройстве капиталов русских купцов, от неопытности их в тайнах торговли <...>, неумении и непривычке действовать общинами, где каждое лицо, в случае упадка, поддерживается остальными лицами и потери одного, разлагаясь на всю общину, делаются легкими и менее чувствительными». Это, в свою очередь, стало основанием для перехода «всей морской торговли Поморья в руки иностранцев,

---

<sup>1</sup> Обозначены так автором статьи с определенной оговоркой ввиду непризнания этих локальных инициатив современной им казенной российской церковью.

которые обыкновенно ведут торговлю компаниями» и позволило им завладеть денежными капиталами россиян, без которых поморы не могли содержать верфи и сами суда [Богославский, 1859: 21–22]. Впрочем, к этой поре (в ходе Крымской войны) все крупнейшие центры *старой веры* на «Русском Севере» были разогнаны и уничтожены, и отнюдь не «иностранцами», — поэтому нужно учитывать, для кого и чего артикулировались такие оценки.

Отсюда представляется полезным выяснить, что же представляла собой в социокультурном отношении система староверческой кооперации, на основе уже введенных в научный оборот источников. По теме древлеправославных староверческих монастырей (основных узлов в сетях гонимого религиозного меньшинства официально-православной Российской империи) опубликовано относительно много литературы, особенно это касается Даниловской Выгорецкой обители. Как правило, культура староверия не рассматривается критически в ее отношении к производной реальности; тем более еще не вычленились в ее истории политический или экологический факторы. В науке статистически и конструктивно исследовалась экономическая культура предпринимательства *древлей веры*, вероятные причины сравнительного успеха старообрядцев России в промышленности XIX столетия [Керов, 2004; Расков, 2012], но системный анализ внешних условий и внутренних ограничений конкретного промысла, составившего техническую, материальную культуру выговцев на заре промышленной истории России (перед индустриальным переворотом), не проводился. Речь пойдет о сложнейшем в тех обстоятельствах ремесле — судостроении и о том, какие условия ему способствовали.

### **Голоса из истории: о социальных условиях промысла выговлян**

Крупнейший центр беспоповского староверия на реке Верхний Выг с конца XVII и до середины XIX веков представлял собой настолько значительное сообщество, что туда заглядывали и «соловецкие богомольцы», вполне *нововерные*, — зачастую не без последствий [Майнов, 1877: 211–212]. Однако Выгорецкий монастырь в Данилове мог бы соперничать с Соловецким предтечей (даже тогда, когда последний был в зените своей славы) и в иных отношениях. Так же, как и крупнейшая монастырская корпорация на севере России, поморская ассоциация староверческих общин в окрестностях Выгореции заправляла хозяйственной деятельностью региона, объединяя с помощью собственных морских и речных судов земли Поморья, Заонежья с Петербургом. Гипотетически, ключевую роль в этом процессе сыграли соединение промысловых усилий рыболовно-зверобойных артелей и посредничество в обмене добычи на хлеб из южных регионов: оборот XVIII века, данные о котором не сохранились. Известно, что только к собственной выговской пристани на Онего, у мыса Пигматка, в последующем столетии ежегодно привозилось до 10 тысяч кулей хлеба. Но ведь выговцы снабжали и молодой Петербург, где цены, согласно Д. Е. Раскову, раза в два были выше таковых в Поволжье [Расков, 2012: 147–162].

В новой столице имелось подворье, с которым выговляне осуществляли транспортное сообщение через Онежско-Ладожский бассейн посредством собственного речного флота. Комплиментарные оценки староверческих

достижений, на которые не скупилась наблюдатели, в особенности симпатизировавшие народничеству, не обесценивают фактов множества связей с общинами-контрагентами по всей России, до Поволжья и Зауралья [Юхименко, 2002: 264, 271–273; Маркелов, 2008: 413–416]. В. Н. Майнов, один из путешественников-бытописателей второй половины XIX века, услышал в уцелевших скитах Выгоречи и донес «свидетельство», что даниловцы зачастую бывали на Шпицбергене для промыслов, один раз добрались даже до Америки, а шесть принадлежавших выговцам кораблей морского флота «ходили по Белому морю и доставляли в Сороку добытки промышленников» [Майнов, 1877: 211–212]. Легенда о плавании в Северную Америку не так необычна для этих мест, как сведения о том, что даниловские старoverы держали вдобавок отдельный торгово-промысловый флот в устье Выга. Кроме того, в Архангельске монастырь имел соловарню и салотопню, — точно так же, как и Соловецкая обитель, краткие периоды возрождения флота которой были связаны со второй половиной XVIII — началом XIX столетия [Там же].

«Они для промыслу морских зверей и оленей всякий год на острова Севернаго окияна к Килдюин, Груенланд и к Новой Земли с довольным числом работников отправляют свои большие ладьи», — выведывали путешественники, с им лишь известными целями [Челищев, 1886: 22–23]. Письменные источники с XVIII века сообщали о наличии устойчивого промысла даниловских артелей в водах Северного Ледовитого океана; но из этого вовсе не следует вывод об общем благополучии существования промысловиков. «Посланныи из общества люди на Новую землю в 7257 (1749) году на двух судах на морския промыслы, вси до единого оцынжаша смертною косою пожати быша и ни един из тех возвратися. И на Груманте в то же время отпущенное судно сломало. Промышленники же брацкия принуждены и вторую зиму с нуждею нуждне терпеть. И того судна тринацеть человек умроша. Оставльших же точию шесть человек живых». Очевидно, в середине XVIII столетия на Шпицберген (поморский *Грумант*, вероятно, тождественен *Грунланд*) отправлялись суда с двумя десятками выговцев на борту. «Еще на Груманте 7258 (1750)-го году целое судно людей смертию пожерто бысть. И 59-го году такожде на оном Груманте на отпущенном судне вси промышленники смертным сном усноша», — вместе с тем, учтем, что в бытовом отношении старoverческая летопись фиксировала лишь трагические подробности [Гурьянова, 1989: 234].

Упомянутые критические казусы не останавливали *поморцев*; что же толкало выговских *братий* на столь рискованный промысел? Согласно свидетельству, направленному в государственную Уложенную комиссию, и во второй половине XVIII века, выживая в условиях голода, они были «принуждены безвременно отходить в другие города и уезды и промышлять и кормиться там; а иные на морские рыбные и звериные промыслы, и из того нужное свое пропитание имеют и двойные подати платили» [Наказ..., 1903: 150]. Природа северного региона, куда хлеб требовалось завозить с юга в обмен на продукты морских промыслов, помогала крестьянству, зависимому от агрокультуры, обосновать свое право на мобильность в крепостническом государстве. «Собственноручные сказки пустынножителей», по справке российского Правительствующего синода от 12 ноября 1737 года, рисуют судьбы

наемных рабочих-староверов из Выгореции совсем иначе, нежели жизнь монахов, лояльных государственной церкви монастырей: «иные же и ходят за нуждами при добытии в прокормление, работают на судах и протчих у торговых людей промышляюще пищу себе приобретают, понеже места жилищ их нуждная и не хлебородная» [Есипов, 1861: 324].

Жанр подобных «челобитных» обращений, со свойственной ему концентрацией жалоб, не должен заглушить в голосах современников принципиальный тезис: именно дефицит ресурсов в данной экологической нише, неразрешимый без усложнения технического уровня, подталкивал к активности в большем масштабе. Хлебные поставки на Европейский Север из других регионов в этих обстоятельствах становились средством коммерческого роста для локальных объединений, обладающих инфраструктурой. Монополизация данной сферы была чрезвычайно нежелательна для массы обитателей севера России, приводя при ограниченной емкости экологической ниши к оттоку населения на отхожие промыслы в города или далее на окраины. Централизованное снабжение Санкт-Петербурга — столицы империи и северных губерний, которое было под силу «земским» корпорациям вроде Выговской староверческой поморской *пустыни*, вместе с тем не могло потерять значение от открытия свободной торговли. Вероятно, именно этим примером обосновывалось установление «вольного торгога» на севере в программном антимонопольном императорском указе Петра III от 28 марта 1762 года: «Открылось, что хлеб сюда из таких мест, как-то из Олонца и далее, возить начали, о которых до того времени и думано не было, чтоб тамо для собственного пропитания жителей довольно хлеба родилось» [Полное собрание..., 1830: XV, 959–960].

Очевидно, с выговской поморской общиной имели дело обитатели со всей сельской округи и, шире, северных областей страны. В документах судебного делопроизводства того времени немало указаний, что на сезонные работы многие из обывателей отправлялись в «особноскитские пребывания» или в даниловскую «коммуну» так называемого Суземка (округи, закрепленной за Даниловым монастырем) «подряжаться в работники» к известным поморским *учителям*. Староверческие наставники могли послать их в путь с заданием, в том числе и в другие регионы, Москву или Петербург. Вахтовым образом отправлялись «трудники» на промыслы, в полярные моря, на «Грумант, Вайгач, Канин». Характерно, что в ряде случаев они предоставляли в общее пользование и свое оснащение для соответствующих занятий [Есипов, 1861: 417–418, 421–422, 436–437, 439–440, 443–445, 452, 457–459, 470, 478–481, 490–492, 494–495]. Ввиду открытых репрессий по религиозному принципу официальное членство в выговской территориальной самоуправляющейся общине поначалу было невозможным для «незаписных раскольников», особенно для беглых крепостных крестьян.

Что же до признания *братии* монашеством со стороны правительства, то оно отсутствовало на всем протяжении полуторавековой истории Выго-Лексинских *общежителств*.

Нельзя забывать о том, что для активации экологического фактора потребовались церковно-государственные гонения, спровоцированные расколом; масса людей была вынуждена бежать в мало пригодные для жизни районы. Страх

и невозможность покинуть их, а впоследствии и повышенное податное обложение стали основными условиями колонизации, — а вовсе не поиски природного изобилия. Отечественные и зарубежные исследователи обратили внимание на факт пребывания даже на Шпицбергене, по крайней мере, с середины XVIII века, староверов вместе с семьями, что было вызвано религиозными притеснениями в России и, в свою очередь, способствовало укреплению Выговского старообрядческого общежития как ведущего промыслового хозяйства Поморья [Брызгалов, 2014: 57]. Необходимо особо заметить, что административная структура выговских *суземков* — «задних дворов» Заонежских волостей Олонецкого воеводства (позднее — губернии) не сразу обрела легальный статус. «Выгорецкие расколники возимели себе везде свободу» по указу 1705 года, на контрасте с окружающим населением Заонежских погостов, прикрепленным с 1703-го к Олонецким заводам. До того, однако, они жили вообще «нигде никому не ведомы и не имея никакой над собою управляющей власти», как свидетельствовал позднее выговский *стряпчий* и будущий *большак* даниловцев [Юхименко, 1994].

Уже отмечалось, что такая юридическая метаморфоза, произошедшая в ходе Великой Северной войны и строительства Осударевой дороги по соседству с пустыней, не могла осуществиться вне веденя и санкции самого царя, Петра I. Но к 1737-му году, когда *стряпчий* Мануил Петрович держал ответ перед Сенатом, над всеми обитателями Выгореции (формально причисленными к государственным крестьянам, вне зависимости, жили они в староверческих *скитах* или семьями в селах) нависла опасность утратить временный территориальный иммунитет. Об этом оставили немало сведений сами выговские писатели-*большаки*: и возглавивший общину по окончании «выгонки» в 1744-м Мануил Петрович, и его предшественник с 1740 года Иван Филиппович [Гурьянова, 1989: 224–226, 244; Юхименко, 2002: 291–293]. Именно у поморцев вполне проявился уникальный для старообрядческих «гарей» образ корабля-общины [Романова 2012: 142], что наглядно маркировало и развитую промысловую навигационную культуру, и стремление уйти от гонений из-под власти государства, переместив все сообщество в глухие и отдаленные земли [Поньрко, 1987: 302–303]. Конкретной причиной отказа от «бегов» в выговском случае была не некая «духовная оседлость», а государственные указы от 8 и 18 февраля 1716 года и 9 октября 1718 года, узаконившие «раскольщиков» под двойной податью, и особенно указ от 11 февраля 1724 года, запретивший «раскольникам Повенецкого округа выезжать в другие места» [Русское старообрядчество..., 2012: 193–194, 202].

В «Истории старообрядческой Выговской пустыни» настоятеля — современника событий (труде, наиболее известном из всех исторических работ *поморцев*) содержится отдельная «Повесть о злочючении на Выговскую пустыню, по злодейству диаволу, через злаго безчинника Ивана Круглого, и како спасеся пустыня милостию Божиею по раскаянию того же Круглаго». Иван Филиппович ставил «разорение» в один ряд с «подобными же гонениями на церковь», которые претерпели в 1710-е, 1730-е годы крупнейшие общины староверов-беспоповцев, а также поповцев, расположенных и в отдаленном Поволжье, и, подобно выговцам, на шведском и польском пограничье рядом с Прибалтикой или Белоруссией: Невельская и Ряпина мыза федосеевцев, Ветковские монастыри. И если федосеевцы осудили выговлян в 1700-е как раз

за сотрудничество с государством, то Ветка, как и Выг, испытывали до 1730-х годов гонения только со стороны государственной церкви. Несмотря на то, что в ретроспективе ни ветковская, ни выговская «выгонки» не привели к запустению *обителей*, сенатско-синодальная экспедиция на Выг оценивалась как «последнее разорение», по меньшей мере, частью выговлян [Филиппов, 1862: 367–430].

Следственная комиссия 1737–1744 годов по «делу Круглого» знаменовала возврат и религиозных, и политических репрессий: чиновники впервые ступили на земли «Выгорецкого Суземка» с обвинениями о «сворачивании в раскол» и «немолении за царя» (последнее квалифицировалось ими как «злодейственное», уголовное преступление перед государством). В ожидании этого (как когда-то с «городскими конспираторами»<sup>1</sup>, *беспоповцами-федосеевцами*) произошел раскол староверов-поморцев на «сельских подпольщиков», *беспоповцев-филипповцев* и настоявших на компромиссе *беспоповцев-даниловцев*. Донос бывшего выговского жителя Ивана Круглого был подан еще 2 марта 1737 года, и выговцы узнали о нем загодя. Лишь осенью 1738 года Синод назначил комиссию во главе с сенатским асессором О. Т. Квашниным-Самариным, и только 27 марта 1739-го команда солдат нагрянула в Данилов. На собрании, состоявшемся 14 октября 1737 года, радикальный лидер отец Филипп вообще не упоминал молитву за царя, — очевидно, наставники-учителя из Данилова сами не проявляли формальной лояльности до отправки экспедиции. Истинной причиной нового раскола, по версии даниловцев, стало желание «настоятельства» над всей *поморской церковью* со стороны самого старца Филиппа, который в то же время назвал действующего выговского большака Семена Денисовича [римским] «папою» [Юхименко, 2002: 449–450].

Как бы то ни было, именно филипповцы перехватили у выговлян-даниловцев духовный авторитет (административным ресурсом лесные отшельники никогда не располагали) во множестве скрытых скитов, разбросанных по всему Поморью и, шире, Российской империи с ближним зарубежьем. Ряд «гарей», с десятками жертв, достаточно быстро вынудил экспедиторов, занявших Данилов, отказаться от продвижения вглубь Суземка. Глава комиссии чиновников со стороны Правительствующего Сената распорядился «подводы готовить к выезду из Суземка в Шунгу». В Заонежье, однако, были вывезены и задержаны до сентября 1739 года «под караулом», для допросов и очных ставок, и заложники во главе с самим настоятелем. Тем не менее 18 января 1740 года сенатский уполномоченный завершил расследование, отбыв в Санкт-Петербург, и лишь синодальные представители продолжали дознание, находясь за пределами *Суземка*, вплоть до конца 1744 года. Возглавивший комиссию со стороны Святейшего Синода архимандрит

---

<sup>1</sup> Для простоты понимания основные толки беспоповского староверия, конкурировавшие с согласием «даниловских» беспоповцев — «федосеевцев» и «филипповцев», со значительными допущениями можно соотнести с городским и сельским *андерграундом* соответственно. Тем более, что именно они в первую очередь являлись основой организованной контркультуры в вестернизированной России (хотя у тех и у других общины имелись и в столице, и в провинции). Впрочем, это вовсе не повод обманываться насчет сложности феномена, хотя бы потому, что все три группы связаны с судьбой такого значительного поселения, как Данилов на Выгу.

Авраамий, продолжая сложные переговоры, представлял в качестве бывшего игумена крупнейший в Заонежье, расположенный по соседству Палеостровский монастырь, претендующий на крестьян и земли Выгореции [Филиппов, 1862: 367, 370–371, 399, 405, 420–421, 430].

Краткий анализ социокультурных, религиозных и административных реалий ставит вопрос о политическом факторе: очевидно, даниловское сообщество («кто како об нем помыслит, общежителство сие») не было бесконфликтным. Кроме того, стороннее давление устойчиво имело не меньшее значение для развития общины, чем внутренние особенности, «черный ящик» культуры или местные природные условия. В последующее двадцатилетие обитатели Выговского Суземка (как беглые, так и рожденные тайно или явно непосредственно на Выгу) в ходе проведенной самим даниловским руководством переписи 1745 года [Соколовская, 1999: 272–274, 278] и дальнейших розысков «оставлены были крепостными», согласно *поморским* источникам [Гурьянова, 1989: 225–227]. Вместе с тем, формально они числились в сословии государственных крестьян, хотя на *суземки* Заонежья претендовали, помимо местных обитателей, крупные новгородские монастыри: Хутынский и Юрьев [Сведения о раскольников..., 1862: 13]. Еще 11 октября 1725 года вышел указ «О взыскании с раскольников оброка в пользу монастыря, на землях коего они поселились» [Русское старообрядчество..., 2012: 193–194, 202]. Причиной концентрации беспримерного для Верхнего Выга количества переселенцев первой волны были религиозные гонения в стране, но, как подчеркивало выговское историописание, вторая волна уже в значительной мере была привлечена привилегиями, полученными Выгорецией от государства [Гурьянова, 1996: 236].

Отсюда следует особая острота продовольственного вопроса: у крупной общины в условиях севера не было возможности для последовательной автаркии (подтверждение чему — выговская предыстория: целая серия неудачных попыток основания «пустыней» местными охотниками и монахами-странниками) [Яковлев, 1888: 31; Юхименко, 2008: 192]. Культурная автономия особенно нуждалась в скорейшем освоении потоком мигрантов всевозможных промыслов, ни один из которых не мог вполне обеспечить устойчивый уровень жизни. Острая нужда в разделении труда и трансформации хозяйства — гипотеза, которая, на взгляд автора, объясняет создание сложных производственных комплексов на базе простых ремесел. Примером такой мануфактуры (элементы которой многофункциональны) и явилось строительство судов, как морских, так и для крупных водоемов. Принципиальное отличие подобного, даже очень крупного староверческого монастыря от обычных обитателей состояло в том, что де-юре он был лишен феодального «буфера» из зависимого крестьянства, амортизирующего природные риски, де-факто Данилов, по крайней мере к концу 1730-х, уже не мог принуждать к повиновению окрестное население в условиях противостояния казенной церкви и командам «взыщиков».

### **Власть и собственность: структура отношений в выговских суземках**

При решении проблемы демаркации фактических форм собственности необходимо учитывать различия между *селами*, *скитами* и *общежителствами* в пределах Выгореции, а также диахронические отличия между Суземком

1720–1730-х и 1750–1760-х годов. Граница исторических подобию совместной общей и совместной долевой собственности, возникшей позже, сдвигалась по мере усиления корпоративности или ассоциативности соответственно. В 1737 году выговский стряпчий показывал на допросе о принципиально корпоративном статусе хозяйства, расцветшего на Выгу. «Построено тамо на Выгу реке по подобию монастырскому два жилища, одно мужеское, другое женское, которые называются пустынями. А больше они сами именуют те места Выгорецкое общежительство, потому что у них во обоих жилищах хлеб и скот, и платье, и протчее все содержится под единою властью, якобы казенное монастырское общее» [Юхименко, 1994; 2002: 59]. Нужно упомянуть, что, даже не называя прямо сообщество *монастырем*, выговские *учителя* репрезентовали его именно как *киновию* с полностью обобществленным бытом, что в условиях диалога с государством, имевшим свои взгляды на предмет, также манифестировало противопоставление и самостоятельность.

Совместное движимое и недвижимое имущество выгорецкого «Божьего дома» ревностно оберегалось, что красной нитью связует тексты «Выгорецкого Чиновника» — даниловского монастырского устава XVIII столетия [Маркелов, 2008]. Известная «Челобитная крестьянина Толвуйского погоста Мартемьяна Никифорова сына Ивантеева на выговских старообрядцев» от 12 марта 1699 года засвидетельствовала, что общая собственность в староверческом монастыре существовала уже в конце XVII века. В обстоятельствах государственного преследования, запрета на какую-либо деятельность движимая и недвижимая собственность даниловцев, будь то корабли на Белом море или промысловый двор в Кольском остроге на берегу Баренцева моря, формально принадлежала частным лицам, но быт представлялся полностью обобществленным. «И ездят со всякими торгами к городу Архангелскому, и в Весь Ехонскую, и к Москве, и в ыные города, а называютца чужими именами и становятца в городех и в волостех у своих знакомцов, и живут на промыслу на море и в Колском острошку на зимовье и всякие звери добывают», — сообщал доносчик [Юхименко, 1994: 197–200]. Такие практики вполне можно определить как «народный» промысел, по крайней мере изначально, когда создавалась флотилия для хлебной торговли и добычи зверя.

На Выгу возник целый культ труда «простых людей» на *братство*. Одним из его героев был Стефан Васильевич Смолников, выходец из Сумского посада, о котором сообщалось: «в братских трудах труждашесь на рыбных ловлях в ловцах, сперва на Водлозере и в верховских озерах рыбу ловляше, в нужные зяблые годы тем кормяшесь, и после на Онеге в Воров губы и Волозера, а последи у Шунозера и на Выгозере много лет ловляше. Неводы и сети строяше, к ловле уготовляше». Не всегда в источнике находится информация о том, кто именно занимался строительством лодок, но, учитывая обширность промыслового ареала, можно предполагать, что либо это были легкие суда, либо они создавались и приобретались на местах рядом с рыбными ловлями (что предполагало наличие дворов для постоя). Суда в Выгореции, как установила Т. А. Мошина, строились мастерами разных профессий: столярами, кузнецами, конопатчиками и смолокурами. Очевидно, они же возводили деревянную архитектуру обитателей, наполняли интерьеры. Отмечены плотники из Заонежья (Кижы, Космозеро,

Шуньга), Поморского (Сумпосад, Лапино) и Карельского Беломорья («лопляне», то есть северные карелы) [Мошина, 1997].

Экстенсивность и экспансивность стиля хозяйствования определялись самой экологией, провоцировались обстоятельствами бытовой жизни выговлян так же, как и всех прочих местных обитателей. «Вельми о сём печашеся со всяким тщанием и усердием, великую ревность показоваше, чем бы можно бедному братству помогать и прокормити, овое с первых годов от ловитвы и на ярманки, и на Петровския заводы рыбу сиги отвозиша и продаваше и на те денги хлеб покупаше. А овое и на хлеб меняше и кормяшеся. Тогда бысть еще всякая скудость в братстве, много годов хлеб соломенной ядаху и благодаряше Бога: тогда с первых годов рыбы везде много добывали, а братство было менши. А оной брат Стефан великой охотник на рыбную ловлю и мастер неводов и сетей ладить, до самой старости все в рыбной ловитвы множество лет без премены» [Филиппов, 1862: 316–317]. Упомянуты и другие промысловики разных локальных и этнических групп: карел Тимофей, заонежанин из Кижей — Лука Федорович, ходивший для промыслов на Мезень, Печору, Канин Нос и другие места [Мошина, 1997].

Вошел в выговскую историю и другой рыбак и охотник, торговец и промысловик Иван Емельянович Старцов: «все в посылках сперва хождаше от монастыря на море Мурманское для рыбной ловли и на Канин нос для промысла рыбнаго и звериного, а то и на Ладожском, ради же промысла рыбного, на Валамском острове промышляше, и на судах ездяше под взвозом в Санкт Питербурх, а ово живяше в Сумы для отпусков на море судов и братии на промыслы на Грумант и на Новую Землю и на Канин нос, а иногда покупая нерпы на братство у морских промышленников. Всегда за послушание в братских домовых трудах и в посылках до самой старости труждашеся, еще и последнего года ездил к морю для покупки нерпей» [Филиппов, 1862: 319–321]. В целом же периодические экспедиции за тюленями, моржами, белугами, нерпами снаряжались выгорецкими старовеерами, поморцами-даниловцами и на Печору, Маточкин Шар, Вайгач и достигали традиционным путем (для «кочей» — традиционных морских судов Беломорья) Обской губы [Мошина, 1997].

Иван Старцов был уроженцем деревни Хашезеро Шунгского села, скорее всего, именно он держал постоянные дворы выговцев и в Сумском посаде, и в Хашезере. В свою очередь, крестьяне Шунгского погоста расселялись на противоположном берегу Онежского озера, в выговских Суземках, вокруг даниловской пристани Пигматка (селение филипповцев из так называемых «новоженов»). Можно было бы предположить, что шунжане как-то особо вовлечены были в судоходство выговских предпринимателей, но то же самое можно сказать и о жителях близлежащих Толвуйского, Челмужского, Выгозерского и даже Шальского погостов, окраины которых плавно переходили в Выгорецкие *суземки* [Есипов, 1861: 441–442, 488–490]. Только на Онежском озере выговские пристани «с келиями для приезда братских посыльщиков» находились в Шуньге, Толвуге, Хашезере, Вытегре (казенная Вянгинская

пристань, где, между прочим, и выговцы «староманерные» суда «орлили»<sup>1</sup>, пристань Кирилловская в тех же местах) [Мошина, 1997]. Таким образом, сложности российской и советской историографии с определением типа даниловской собственности и, соответственно, экономических отношений, возникали не на пустом месте.

По Онежскому озеру на Шунгскую ярмарку и в Петровскую слободу, а далее в Петербург везли местный лен, привозной хлеб, треску, моржину, сало с промыслов, литые изделия, рукописные книги и рисованные лубки собственного производства. Материалы следственного дела самого опасного «изветчика» на выговцев Ивана Ивановича Круглого (старосты, не сразу утвердившегося в своем *староверии*) содержат немало упоминаний о торговых связях сочувствующих делу «старой веры» выходцев из разных регионов и слоев российского общества [Есипов, 1861: 418, 421–422, 424, 427–429, 443–444, 448–449, 452, 477–478, 485]. Примечательно, что Иван Круглый примкнул к поморцам, по их версии (для следственных органов), исходя в первую очередь из личной заинтересованности в торговле. Когда же она явно разошлась с общинными принципами, он отселился в Шальский погост на юго-восточном берегу Онежского озера, продолжая «торговати особь с иными и с кем торговаше и крамоляшесе со всеми и всех досаждаше» [Филиппов, 1862: 376–377]. Очевидно, даниловцы осуществляли на таких персонажах доступное им до времени неформальное давление.

В обстоятельствах гонений и явные члены староверческой общины — скитские «послушники», выступавшие агентами, и тем более сотрудничавшие со староверами наемники, в том числе из «низов», оказывались скорее партнерами, чем работниками *братства*. По свидетельству Круглого, основатели скитов Выгорецкого Суземка — Кокины и Белоутовы — строили на Онежском озере у Повенца корабли для речного и каботажного плавания в интересах торговли. На этих судах ходил в Питер и Иван Старцов, содержавший корабли на Белом море. Другой поселянин из Выгозерского погоста, Максим Алексеич, держал «морской шкут» (вероятно, «Преподобный Саватий», построенный в 1724 году крестьянином Толвуйского погоста Иваном Елизаровым) [Брызгалов, 2014: 50] и пристань «раскольникам, кои ездят на Океан-море по посылке из онаго общежительства» [Есипов, 1861: 434–436; Филиппов, 1862: 319–321]. Локаций несколько: на Поморском берегу в Сорокском селе или в Сумском посаде. Даже в Архангельске у выговцев к XIX веку имелось свое подворье, салотопня и солеварня [Мошина, 1997].

Надо заметить, следственные дела 1730-х годов, содержавшие показания обвиняемых и свидетелей, доносчиков и сутяжников, нередко указывали на частный характер владений собственно Данилова монастыря, будто бы принадлежавших семье основателей этого *скита*. Торговый агент выговцев при рыбных ловлях и на Вянгинской пристани под Вытегрой назвал «Семена Денисова прикащиком», то есть доверенным лицом настоятеля, а не уполномоченным всей коммуны. С одной стороны, риторический аспект такой интерпретации обывателями являет конфликты внутри хозяйственных отношений, но сама

---

<sup>1</sup> «Орление» — таможенное освидетельствование частного судна в России, с постановкой на него клейма в виде геральдического орла, возможно, применялось уже в допетровское время.

по себе она не выступает аргументом против свидетельств о наличии обобществленной собственности. С другой стороны, перед лицом чиновников официальных инстанций продолжалась и старинная, нелегальная практика записи товаров на партнеров из среды посадских купцов, практиковавшаяся с XVII столетия в отношении иностранных заводчиков, как это установил Г. В. Есипов [1861: 414, 418, 426, 428, 442–443, 446–448, 452–453, 459, 470, 478, 491, 494–495].

Деньги петербургского купца Алексея Семеновича Копнина-Кутейкина, отстроившего вместе с братом часовню Тагозерского скита и ведущего выговскую торговлю в столице от своего лица, равно как и капиталы окончательно переселившегося на Выг купца Перфилия Морозова, «имелись в торгу» у выговского приказчика Никиты Филимоновича [Там же: 378–379, 417–418, 434–436, 471–472, 480, 490–491]. Из заверенного подписями девяти петербургских купцов-поручителей допроса Алексея Семеновича Копнина-Кутейкина от 25 июля 1738 года узнаем, что с «выгозерскаго общежительства с раскольники в купецком промыслу он, Алексей, «компанию имел». Партнеры доставляли из городов Поволжья «в Санкт Питербурх в барках и галиотах всякой хлеб», причем «тот хлеб того выгозерскаго общежительства от всех раскольников, и тот де привозной хлеб попуан в низовых городах на общия денги», обеспечивая продовольствием новую столицу. Выходец из крестьянской семьи средней полосы России — замечательный пример и территориальной, и социальной мобильности и перспектив, открытых перед одаренной личностью в староверческом сообществе.

Важно, что Копнин-Кутейкин выступал не только агентом, но и инвестором, равноправным партнером староверческой корпорации, торгуя «ис половины», что подтверждает тот же документ: «Алексеевых денег в той покупке имелось половина, а другая половина имелась оных раскольников». И это на фоне того, что крестьянин из Олонца, за десять лет пробившийся в купечество, уже на следующий год по переезде в Петербург был в замечен в отношениях с выговскими староверами. В условиях, когда правительственное или церковное следствие могло внезапно обнаружить в лояльном подданном «еретика»-старовера и сама свобода предпринимательской деятельности отсутствовала как таковая, экономическое сотрудничество купца с общиной формально продолжилось с 1727 по 1732 годы [Есипов, 1861: 502, 506, 512]. Впрочем, оно имело место и в последующий период. В рамках гипотезы обратим внимание также на тот факт, что ни один из крупнейших центров староверия, расположенный южнее границы тайги, будь то *особножитные скиты* или *лавры* в пределах Польши на Ветке, или *общежитийные скиты-киновии* в Поволжье на реке Керженец, не оставил даже нормативных свидетельств о наличии бухгалтерии.

Никакой иной старообрядческий центр XVIII века, кроме Данилова, не оставил нормативных документов, предполагающих наличие строго поставленного учета операций и отчетности перед коллективом владельцев, вне зависимости от предполагаемой формы собственности: частной, общинной или долевой. Именно об ответственности агентов перед общиной и торговыми партнерами говорят три документа собственной торговой «канторы» выговлян, и особенно послание настоятеля Мануила Петровича, созданное уже по прошествии расследования государственной экспедиции Квашнина-Самарина, после 1744 года [Маркелов, 2008: 35–36, 202–203, 394–396, 477–485]. Так как некоторые

из упомянутых выше лиц, включая выборного выговского игумена-«большака» (и главу *поморской церкви* одновременно), вскоре образовали торгово-промысловую компанию, контроль даниловского центра за рациональностью агентов и прозрачностью сделок поддерживался и во второй половине XVIII столетия. Это свидетельство рождения знаменитой староверческой деловой культуры, заимствованной городскими общинами.

Выявленные Д. Е. Расковым общие институты староверческого предпринимательства (кредитно-сбытовые сети национального масштаба, фонды капитала в коллективном распоряжении городских общин) показывают, насколько с самого начала староверческая промысловая колонизация была связана со столичным купечеством [Расков, 2012: 147–162]. В то же время, по крайней мере, до последней трети XVIII века это было прагматически взаимовыгодное сотрудничество: уже демонстрировалось, что новые кадры купеческих гильдий могли коваться на селе. Более того, как морское, так и речное судоходство и судостроение выгорецких староверов-поморцев исходно представляло сельские региональные традиции, не связанные с имперскими промысловыми монополиями. Действительно, «Данилов монастырь» по масштабу, общенациональной широте своего торгового охвата, посредничая между севером и югом, превзошел любую официально-православную монастырскую корпорацию в тогдашней России, и эти характеристики его деятельности сравнимы лишь с казенной отчетностью Соловков или Троице-Сергиевой лавры. Размах хозяйственного посредничества требовал обзаведения собственным торговым флотом, наиболее же выгодным становился собственный судостроительный промысел.

#### **От лодок до ладей: развитие выговского судостроения и судоходства**

Настал черед взглянуть, как функционально объединялись разные аспекты даниловского хозяйства в судостроительном комплексе, во что эволюционировала далее эта социотехническая система. Уже известно немало о технологических особенностях в устройстве судов выговских старообрядцев. В частности, по сведениям Т. А. Мошиной, их борта шивались не корнями сосны, не можжевельной или иной какой хвойной, а березовой вицей. Несмотря на бесспорно народную традицию с местной спецификой, выговские суда казались надежнее: необычным для региона, в связи с высокой стоимостью металла, было значительное использование железа в корпусе судов. Каюты внутри не просмаливались, а обмазывались так называемым «деревянным», то есть лампадным маслом, получаемым из конопляного семени. Вероятно, такое его применение в судостроении сложилось в силу специфики поступающих в староверческие «монастыри» пожертвований. Речь идет о периоде с середины XVIII столетия, когда Данилов уже обладал солидной торговой флотилией [Мошина, 1997]. Уже тогда в ее состав входили крупнейшие «новоманерные» галиоты, морские «староманерные» лоды, каботажные и речные промысловые карбасы.

На основе нескольких литературных и делопроизводственных источников Т. А. Мошина сделала вывод о коммерческом характере судостроения выговских староверов-даниловцев и связала это с тем, что отдельная «келия» для плотников, изготовителей судов, ставилась в «углу речном, близ медной» внутри самого «общезиельства», уже в первых десятилетиях XVIII века [Там же]. Нельзя

не заметить, что нужда в транспортной инфраструктуре с самого начала ощущалась обитателями *суземков*, поэтому для речного судостроения выговцев коммерческий смысл всегда оставался вторичным. «Монастырь» централизованно создавал в регионе транспортную сеть, которой пользовались и местные крестьяне. П. И. Челищев, который в конце XVIII столетия путешествовал внутри «Суземка», вверх по Выгу через Сергиев «скит» в Лексинское «общежительство», засвидетельствовал, что плыл «в данной из Данилова монастыря лодке, а по тамошнему названию «карбусе»» (видимо, тоже даниловской постройки), «с их же четырьмя гребцами и пятым лоцманом» [Челищев, 1886: 22, 25].

Вода оставалась главным средством коммуникации и позднее еще и потому, что, в отличие от сухопутных дорог, вела к морю, а не в ближайшие административные центры власти, периодически враждебной выговским отшельникам. В XIX веке между будущим селом Даниловым и Сергиевской слободой уже появляется, по сообщению И. И. Шевелкина, «бичевник», «с тяговою лошадыю и гребцами» [Шевелкин, 1866: 6]. Со слов В. Н. Майнова, по казенной надобности перевозка грузов и пассажиров местными крестьянами осуществлялась бесплатно, в иных случаях — за плату [Майнов, 1877: 217]. После разрушения монастырей о том же писал П. Н. Рыбников: «десять верст надо плыть по реке Выгу в лодке, которую тянет лошадь по бичевнику; в одном месте, по милости порогов, нужно выходить на берег и идти с полверсты пешком» [Рыбников, 1867: 35]. Поддержание транспортных путей оставалось для местных обитателей источником дохода даже после окончательной государственной «выгонки» выгоречан из «обителей» в середине XIX столетия.

В одном из крупнейших «особножитных скитов» Выгореции, в Шелтопороге, расположенном ниже «Данилова скита» по течению реки в направлении Выгозера, находилась «мирская изба, в которой собираются того скита жители для раскладки подушных денег, а при часовне 4 избы с сеньми, с дворами, с чуланами и сараями», то есть комплекс, идентифицируемый по «ревизской сказке» как подворье «Данилова монастыря» [Соколовская, 1999: 272]. Структура этого *скитского поселения* на Выгу не дает оснований предполагать прямую его подчиненность центральному даниловскому *общежительству*. Помимо «общежительного», «общежелтопорожского скита», в селении находились «моленная келья» с перегородкой «на двое» учителя Ильи Ефремовича, а также дом, принадлежащий Якову Матвеевичу Кокину, бывавшему в самых разных селах Заонежья, от Шальского до Выгорецкого погоста. Этот человек вместе с Иваном Белоутовым (пионером колонизации Выгоречья вместе с Андреем Денисовичем, «большаком-настоятелем»), обитая в другом селении Суземка, по указанию источника, заведовал судостроением на Онежском берегу на базе арендованного в 1720-е–1730-е годы казенного Повенецкого завода.

Выше отмечалась роль промысловых артелей, в частности, в организации новых поселений, таких как Сергиев скит [Юхименко, 2008: 192]. Подобным коллективам, мотивированным голодом, для промысла и торговли более чем кому-либо требовалось развитие судостроительных ремесел. Исходя из ранее изложенного, в рамках гипотезы можно допустить, что в условиях изоляции изначально сельский промысел велся артельным способом, даже и будучи позднее централизован даниловской «лаврой». Не исключено, что именно

Шелтопорожский скит был населен артелью тех работников, команда которых на повенецкой верфи приступила к постройке «галиотов» и прочих судов для торговли по Онежскому озеру (в первую очередь льном, по утверждению Г. В. Есипова) [1861: 428–430, 459, 467–470, 490–492]. Собственно, в Повенце располагался казенный завод, а ближайший «скит» находился в Лумбушах, у северной оконечности Заонежской губы. Так или иначе, Я. М. Кокин с группой лиц вел собственное дело, переправляя товар между онежскими берегами, вплоть до момента официального следствия в конце 1730-х годов. По имеющимся сведениям, позднее от Пигматки до Шуньги в одну навигацию отправлялось до 15, а до Толвуи — до 20 судов [Мошина, 1997].

Это могло стать важным основанием для начала некаботажного судостроения выговлян, даже без связи с ранней потребностью в операциях по доставке хлеба из Поволжья на Онегу, Ладогу и в Петербург. Судоверфь на основе Повенецкого завода не являлась семейной, и не удивительно, что *братию* в *общежитийном ските* составляли такие разные люди, как безымянный сын вдовы, проживавшей в том же *ските*, и Прокофий Иванович, бывший работник сестрорецких заводов [Есипов, 1861: 428–430]. Вероятно, связан с судостроением был и выговский старожил Матвей Степанович из Космозерского села, который «в летнее время курил на Выгу смолу и деготь на братство» [Филиппов, 1862: 296]. Масштаб кооперации прямо связан с концентрацией промысла, но еще важнее были отношения староверов с институтами государства, от которого зависела легализация многих практик. Даже после описанного кризиса рубежа 1730–1740-х годов судостроительный промысел «монастыря» на Выгу не свелся к постройке речных судов и лодок, изображенных вместе с обоими общежительствами на выговских лубках и в рукописях [Мошина, 1997].

Еще со времен ранних поставок хлеба на Выг в 1690-х годах у Даниловского монастыря существовала собственная пристань Пигматка на Онежском озере. Время ее реконструкции пришлось на 1730-е годы, после разрушения старой плотины озерным льдом, когда в целях защиты судов от прибоя и бурь выговцами была создана искусственная гавань. Руководство вкуче с «соборными братьями» постановило укрепить гавань «сваями и иглами с самого толстаго леса и камня полны срубы; и мост на всю плотину намостиша и на мост великия бревна толстыя и камень большие навалиша» [Филиппов, 1862: 244–245]. Кроме того, в распоряжении *братии* имелись два лесопильных завода, характерные для коммерческого и товарного производства судового промысла. Они, наряду со смолокурнями, по данным П. Н. Рыбникова и В. Н. Майнова, располагались в паре основных обителей — по рекам Выг и Лекса [Рыбников 1867: 43; Майнов, 1877: 211–212]. На панорамных изображениях основных «Выго-Лексинских общежительств», восходящих к началу XIX столетия, можно увидеть лесопильные мельницы [см.: Маркелов, 2008: форзац и нахзац].

С середины XVIII века выговцы возобновили строительство «новоманерных» озерных и морских судов. Предприятие оказалось продолжением частного промысла, однако оно напоминало, если проводить аналогии с современными правовыми понятиями Российской Федерации, не столько «производственный кооператив», сколько «доходное закрытое товарищество», акционерную компанию. В 1753 году Семен Петрович — один из «соборных» даниловских

«старцев» — по договору с Козьмой Ивановичем и его братом Стефаном (также входившим в «совет»), включив в долю «сторонних» людей вроде Алексея Олончанина (вероятно, Алексея Семеновича Копнина-Кутейкина, проверенного партнера из Петербурга) и «иных себе единоправных», с санкции настоятеля «взя под свое смотрение при Пигматской пристани графа Шувалова отправление трески в Санкт-Петербург и надзирание моржины и ворванья сала». К указанному начинанию делец «присовокупил <...> пристани и строение новоманерных судов», а партнеров из выговских «соборных» управленцев, как с возмущением отметил современник, «принял во общество» [Гурьянова, 1989: 238].

Нужно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, очередная казенная монополия на все без исключения «поморские промыслы», отданная, согласно указу от 6 июля 1748 года, для П. И. Шувалова, вопреки прежним политически окрашенным прожекам создавалась не ради содержания «Грунландских китоловных промыслов», которые признаны исключительно неэффективными и убыточными для казны. Право на их ведение давалось любому: «не сыщется и кто из партикулярных людей к производству их другие охотники, которые можно при первом случае на несколько лет отдать и без платежа в казну нашу пошлин?». Во-вторых, что важнее, впервые формат монополии в России не ограничивал участие в ассоциировании только дворянами или представителями зарегулированной российской купеческой «торговой сотни». У старост выговских промысловиков появилась юридическая возможность долевого участия (в качестве партнеров) в прибыли компании и сбыте продукции северных промыслов в масштабах всей Российской империи — доселе невозможная [Полное собрание..., 1830: XII, 878].

Вместе с тем в лице господина П. И. Шувалова интересы местного населения приобрели весьма своеобразного защитника. Вскоре он уже жаловался сенаторам, что промысловики-охотники и местные посредники «с промыслов своих сало, ворванье и кожи, уповательно, мимо Конторы его Господина, Генерал-Лейтенанта Сенатора и кавалера, учрежденной у города Архангельскаго, отвозя в разныя места, посторонним продают, из которых покупателей некоторые, уповаемо, потаенно разным Остзейским, другие же и к здешним портам, брав из посторонних таможен выписи, а именно: из Олонецкой, Шуйской, Толвуйской и Повенецкой, явно провозят и продают, а сверх того и из Шлиссельбургской таможи ж даются выписи, по которым могут под видом того сала, кое, якобы, в промысле бывает на Ладожском озере, провозят подлежащее в Контору его Господина Генерал-Лейтенанта и Сенатора». Из списка таможен ясно, почему Выговская *обитель*, расположенная административно за пределами Беломорья, имела до той поры реальное преимущество в возможностях внутреннего сбыта продукции промыслов [Полное собрание..., 1830: XIII, 188–190].

Таким образом, промысловые артели заонежских погостов (к которым формально относились и промышлявшие на Белом, Баренцевом и Карском морях выгорецкие артели), имея таможи в Повенецком, Толвуйском и Шуйском погостах Онежского озера, ведя промысел также на Ладоге через Олонецкую и Шлиссельбургскую таможию, до определенного момента в значительной степени обходили контроль. Поэтому 1 февраля 1750 года, адресовав указ в поморские волости, Сенат решил спорное постановление «о недаче посторонним, кроме посланных от Конторы его прикащиков, на сало и другие

товары, принадлежащие к салным промыслам, выписей», подтвердить новыми указами. «Что же принадлежит и до сала, кое промышленяют на Ладожском озере, то для одной имоверности и пресечения тайнаго из других мест, под видом онаго провоза, и оное промышленникам, привозя в Шлиссельбург, продавать за надлежащую по договору цену определенному от него Господина Генерал-Лейтенанта Сенатора и кавалера прикащику», в порядке, аналогичном установленному в Беломорье, у Архангельска [Полное собрание..., 1830: XIII, 188–190].

Акционирование общей собственности *монастыря* вызвало конфликты, в том числе и с другой стороны. Присвоение в своих целях формальными «собственниками» пожертвований, привозимых в Пигматку на счет всей монастырской общины, спровоцировало затяжной кризис в *обители*, в течение 1750–1770-х годов [Гурьянова, 1989: 238]. Однако на фоне предшествующих казенных проектов деятельность компаньонов выглядит успешной: монополия П. И. Шувалова на продукцию северных промыслов в течение двадцати лет, до уничтожения откупов, интегрировала ключевые отрасли народного хозяйства севера, распространилась на промыслы Зауралья и Поволжья [Там же: XVI, 32–35, 37–38]. Говоря о конструктивном сотрудничестве с государством, мы не можем, впрочем, исключать и то, что выговский опыт судостроения по восточному берегу Онежского озера, на Вянгинской, Пигматской и Повенецкой пристанях был также связан с государственной «корабельной» повинностью. Еще в 1700 году в отписке царю Петру I новгородский митрополит Иов жаловался на разорение и оставление местными крестьянами, при активной поддержке соседствующих выговлян, корабельных «кумпанств великого государя», расположенных в волостях Хутынского, Вяжицкого и Тихвинского монастырей [Юхименко, 2002: 31–33].

Как известно, затея с «кумпанствами» на этом закончилась, однако особые отношения с российским правительством, в той или иной форме, защищали многих выгоречан от возвращения в крепостную зависимость к монастырям. Формальная приписка выгорецких «пустынников» к обслуживанию доменного завода в Повенце после создания олонечких петровских заводов в 1703 году была в этом смысле не так важна, как именно царский указ от 13 августа 1704 года об учреждении первой промысловой монополии — «меньшиковской компании». Уже в сентябре того же года выговцы впервые получили официальный указ за подписью А. Д. Меншикова, губернатора Ингерманландской губернии, в котором содержалось разрешение прислать «письмо за руками» с изложением просьб. В то время «вольным людям» свободный торг добычей морских промыслов был запрещен, а «в Поморские монастыри» велено было «отнюдь с них ничего не имать» [Полное собрание..., 1830: IV, 264]. Данилову же была обещана защита от всякого «утеснения» в трех указах А. Д. Меншикова и Петра I от 21 июля 1710, 12 мая 1711 и 5 марта 1714 годов, «когда посылаются от них люди в уезд и на море и в города ради промыслов, для покупки и для торгу», чтобы не терпеть «от всяких чинов, а паче от духовного, обиды и в вере помещательство» [Юхименко, 2002: 43–47; 2008: 485].

Закрытие Повенецкого завода из-за низкого качества продукции означало устранение одного из рациональных обоснований особого статуса Выгореции в Российском государстве. Когда такая опасность впервые возникла в 1723 году (момент создания на Выгу знаменитых «Поморских ответов»), выговские

рудознаты открыли для Демидовых крупнейшее месторождение руд на Алтае. А вскоре после этого в 1727 году некий крестьянин Выгозерского погоста, Мартемьян Колчин взял предприятие Повенца в долгосрочную аренду. Решением властей он был все-таки закрыт в 1738 году, накануне «разорения» выгорецких скитов экспедиционной комиссией. Вероятно, это и подтолкнуло перенос коммерческого судостроения из Повенца в Пигматку. Здесь надо заметить, что среди петербургских купцов, определенных в староверии, в 1773 году фигурировал Михаил Иванович Колчин, которого ранее, после смерти отца и матери Ирины Васильевой, записал в двойной оклад брат Петр [Каменева, 2013: 87]. Находился ли с ним в родстве заводчик Мартемьян; являлись ли родственники Ивана Колчина «записными» или «потаенными раскольниками», история умалчивает.

Вместе с тем, если староверческая скитская кооперация по постройке новоманерных *галиотов* и более традиционных *лодей* для обширных водоемов, продолжавшая в 1727–1738 годах прежнее речное и каботажное судостроение *барок* и *шкутов*, не встречала коллективного сопротивления выгорецян, то торгово-промышленной деятельности 1750–1760-х годов неудачи (наподобие крушений на Свирских порогах), поданные как личные провалы Семена Петровича, неоднократно фиксировались в скупых упоминаниях «Лексинского летописца» [Юхименко, 2008: 65–66]. В. В. Брызгаловым обнаружена документация Архангелогородской таможни на следующие суда, принадлежащие Данилову к 1748 году: галиот «Сокол» постройки 1725 года; шкут «Преподобный Саватий» 1725 года; буюр «Лебедь» 1725 года; щербот «Гликерия», построенный в 1729 году; галиот «Морж», построенный в 1735 году. По всей видимости, одна из старейших «новоманерных» шхун в России, «Преподобный Саватий», была построена в 1724 году крестьянином Толвуйского погоста Иваном Елизаровым, на реке Шуйке. Во второй половине XVIII столетия, благодаря протекции П. И. Шувалова, поморы вернули себе право строить старинные суда, и далее в документах фигурируют «лоды» [Брызгалов, 2014: 50–52].

### **Хождение по краю: выводы о кризисе самокритичности в системе**

Обоснованно ли вести речь о гонениях на староверов как факторе, закрывшем выходы для эволюции иных беспоповских северных общин? Живая связь с морем будущего общежитства, своеобразного «бутылочного горлышка» адаптации, пророчески выразилась в предыстории выговцев. По преданиям, отец Пимин, возглавивший в карельском Березовом Наволоке одну из ранних «гарей» после правительственной осады и взятия Соловецкого монастыря, встречался с Даниилом Викуличем, будущим основателем Данилова общежитства. В ходе прощания, он велел Даниилу пересечь в лодке с весел на корму, «зانه ты будешь кормник и правитель добрый христианскому многому народу Выговской пустыни». Община староверов-поморцев, не уникальная в этом отношении, отождествлялась с «кораблем», а ее предводитель — с «кормчим», как и в видениях Игнатия Соловецкого о четырех крупнейших северных «гарях» в истории России: «четыре корабля великие, полны последнего народа христианского, аки по морю, по воздуху плывуще, под руководством самого отца Игнатия, отца Пимена, отца Германа, и отца Иосифа» [Филиппов, 1862: 34, 45–46]. Параллели подобным художественным образам существовали в раннем христианстве и в современном староверии протестантизме, в том числе в русском сектантстве, но нетипичны для российского старообрядчества в целом.

Иные члены заправлявшей судовым делом «соборной» верхушки Данилова, вроде подвизавшегося неоднократно на шпицбергенских промыслах Амоса Кондратьевича Корнилова, воспринимались общиной как заступники; другие — нет. Нельзя исключать, что противостояние было вызвано столкновением интересов тех лидеров, кто успешно провел выговский «корабль» (единственный в своем роде!) меж «подводных камней» истории XVIII века, стремясь к его хозяйственной самодостаточности, — и тех, кто был почти крепостнически зависим от городских *благодетелей*, видевших в Данилове «духовный курорт». Такая интерпретация полемиического подтекста, содержащегося в выговских нарративах и хрониках, находит подтверждение в факте того, что *общежительства* ненадолго пережили прекращение своей промысловой активности, связанной с постепенной ликвидацией государством *скитов* Выгореции с 1830-х годов [Есипов, 1861: 47; Рыбников, 1867: 44; Мошина, 1997]. Основанный на логике негаций, этот вывод отождествляет границы уникального выговского казуса с исключительностью сложного, комплексного судового промысла даниловцев.

Новые, уточненные данные не столь драматично, как считалось ранее, являют события сезона 1835–1836 года, когда две лоды: «Святой Федор» и «Зосима и Саватий» одновременно потерпели крах у Шпицбергена (что попало в публикацию Джорджа Ламота). Выговские суда напоследок упоминаются в 1852 году, когда в норвежский Хаммерфест привели уцелевшие после цинги члены экипажа посланный год назад на промысел «Святой Николай». Корабль был возвращен Норвегией российскому консулу; но к хозяину не вернулся. Именно в тот сезон 1851 года там же, на Шпицбергене, произошло знаменитое «смертоубийство» среди артели кемского судна «Григорий Богослов», с которым связывают конец поморских промыслов на «Грумманте». За этим скандальным происшествием осталась незамеченной его связь с разгромом Выговской пустыни, чьи артели оставили, помимо изб и крестов, самый явный и однозначно идентифицируемый след на острове Эдж: «сия изба староверска» [Брызгалов, 2014: 52].

Мы наблюдаем здесь связь, обратную влиянию социотехнической системы на рост масштаба и прогресса староверческого сообщества на Выгу. Именно кооперация на основе ценностей и правил «старой веры» [Маркелов, 2008: 219–222, 413–416; Юхименко, 2008: 374–378, 652–653] обеспечивала устойчивость промыслов на суровой периферии европейской Арктики, в непубличном пространстве, где возрастали не только финансовые риски, о которых рассуждал П. О. Богославский. Чиновников не смущало то обстоятельство, что, нанося удары по староверию, они фактически уничтожали эффективную кооперацию в регионе, способную к организации морских экспедиций и трансграничной торговле с соседней Скандинавией. География соответствующей инфраструктуры, представляющая и доступ, и средства для выговских промыслов, возможно, была осмысленно ликвидирована с целью лишить крупнейшее сообщество хозяйственной свободы. Полный разгром ключевых скитов в 1848–1857 годах, под аккомпанемент Восточной (Крымской) войны, совпал с окончательным упадком активной заморской русской торговли в Поморье.

Таким образом, синергетическая парадигма, способная объяснить определяющее значение личной культуры, норм и институтов маргинальной позицией максимизирующей мобильность исторических акторов, в том числе их положением в физическом пространстве [Буровский, 2013: 85], также,

в соответствии с принципом обратной связи в кибернетике, раскрывает взаимную обусловленность успеха староверия инновативными технологиями. Экзистенциальный кризис церковного Раскола, спровоцированный экстремальным религиозным конфликтом в русском обществе, индуцировал в XVII–XVIII столетиях колонизацию российских окраин, где условия «фронта» критически ограничивали устойчивость определенных, эволюционно-адаптивных социальных форм. Неоднозначным фактором оставалась враждебность общества к диссидентам, оказавшимся в меньшинстве, что привело к созданию ими самостоятельной контркультуры, ставшей «дрожжами» народной самоорганизации. Только оказавшись полезными для населения в ходе естественной селекции, выговские староверы смогли переломить изоляционистский тренд и развить технологии и инфраструктуру, аккумулирующую силы целого региона [Елизарков, 2019].

Парадоксальным образом значение государственного давления на староверов кажется амбивалентным. Постепенно ослабевающий прессинг вел к прогрессу их социотехнических структур, при нарастающей традиционности в культуре. Однако новый виток террора, судебных преследований и церковных гонений второй трети XIX столетия практически уничтожил крупные северные хозяйственные коммуны, оставив в силе только подпольные общины *старой веры* в городах. Нужно отметить, что репрессии XIX века в количественном отношении сильно уступают даже XVIII столетию и не известны таким числом «гарей» [Романова, 2012: 254–262], поэтому смену положительного влияния экстремальных условий отрицательным воздействием на хозяйство невозможно объяснить одним увеличением карательных санкций выше некоего оптимального предела. Тезисы автора в том, что свою роль тут сыграло и снижение порога катастрофичности в сознании самих выговцев, и качественное закрытие окружающей среды: прежний доступ к свободным ресурсам был упразднен.

#### **Список источников и литературы**

*Богославский П. О.* О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1859. 179 с.

*Бородкин А. В.* Из истории развития старообрядческой экономической модели второй половины XVII — начала XX вв. // Экон. журн. 2009. № 16. С. 116–123.

*Брызгалов В. В., Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Выговское старообрядческое общежитие: морской зверобойный промысел в Арктике в XVIII–XIX вв.: (письменные и археологические источники) // Культура русских в археологических исследованиях = Culture of Russians in Archaeological Researches. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 49–63.

*Буровский А. М.* Контрастность, мозаичность, динамизм среды и эволюция // Эволюция Земли, жизни, общества, разума / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. В. Марков. Волгоград: Учитель, 2013. С. 58–97.

*Гурьянова Н. С.* Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1989. С. 221–245.

*Гурьянова Н. С.* «Описание о нелепых случаях и необычных пустынножитию действиях, внесшихся от своевольников» // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 225–246.

*Елизарков Н. А.* Выговские староверы: традиционное судостроение и судостроение Беломорско-Онежского бассейна // Рябининские чтения — 2019: материалы VIII конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2019. С. 51–53.

*Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия: в 2 т. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1861. Т. I. 654 с.

*Каменева Е. А.* Петербургские старообрядцы в XVIII — первой половине XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 288 с.

*Керов В. В.* «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-Информ, 2004. 654 с.

*Ковальчук А. В.* Об экономической свободе, северных морских промыслах и архелогородском губернаторе Е. А. Головцыне (1760–1770-е гг.) // *Образы аграрной истории России IX–XVIII вв.* М.: Индрик, 2013. С. 230–255.

*Майнов В. В.* Поездка в Обонежье и Корелу. СПб.: Тип. В. Демакова, 1877. 318 с.

*Максимов С. В.* Год на севере: в 2 т. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859. Т. 1: Белое море и его Прибрежья. 638 с.

*Максимов С. В.* Год на севере. М.: Изд. П. К. Прянишникова, 1890. 698 с.

*Маркелов Г. В.* Выгорецкий Чиновник: в 2 т. Т. 2: Тексты и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 552 с.

*Мошина Т. А.* Из истории судостроения и промыслов Выговского старообрядческого общежития // *Старообрядчество: история, культура, современность: тезисы.* М.: Наука, 1997. С. 151–154.

Наказ Олонецкого уезда от выгорецких раскольников // *Сборник русского исторического общества.* Т. 115. Материалы Екатеринбургской законодательной комиссии. Т. 10. СПб., 1903. С. 149–151.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. 1830. Т. IV: 1700–1712; Т. XII: 1744–1748; Т. XIII: 1749–1753; Т. XV: 1758 — 28 июня 1762; Т. XVI: 28 июня 1762 — 1765.

*Поньрко Н. В.* Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // *Исследования по древней и новой литературе: сборник, посвященный 80-летию акад. Д. С. Лихачева.* Л.: Наука, 1987. С. 297–303.

*Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. д. и. н., проф. Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 409 с.

*Расков Д. Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 344 с.

*Романова Е. В.* Массовые самоожжения старообрядцев в России в XVII–XVIII веках. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2012. 288 с.

Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв.: монография. СПб.: Алетейя, 2012. 312 с.

*Рыбников П. Н.* Из путевых заметок по Петрозаводскому и Повенецкому уездам // *Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год.* Петрозаводск, 1867. Ч. 3. С. 30–53.

Сведения о раскольниках, извлеченные из указов в Новгородскую губернскую канцелярию и Олонецкую воеводскую // *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете.* М.: Университетская тип., 1862. Кн. 4. Отд. 5. С. 11–32.

*Соколовская М. Л.* Крестьянский мир как основа формирования выговского общежития // *Старообрядчество в России (XVII–XX веков): сб. науч. тр.* М.; Л.: Наука, 1999. С. 269–279.

*Филиппов И. Ф.* История Выговской старообрядческой пустыни (с 11 портретами и двумя видами обитателей). СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. 480 с.

*Челищев П. И.* Путешествие по Северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева. СПб.: Тип. В. А. Балашова, 1886. 315 с.

*Шевелкин И. И.* Поморские раскольничьи скиты (из путевых записок) // Русские ведомости. 1866. № 53. С. 5–7.

*Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: 2 т. М.: Языки русской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.

*Юхименко Е. М.* Изветные челобитные на выговских старообрядцев 1699 года // Старообрядчество в России (XVII – XVIII века). М.: Церковь, 1994. С. 198–209.

*Юхименко Е. М.* К биографии выговского писателя Мануила Петрова // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. С. 53–67.

*Юхименко Е. М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: в 2 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2008. 688 с.

*Яковлев Г. Я.* Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины (с приложением «карты Суземка раскольнического» и «Летописца Выговского»). М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. IV, 169 с.

#### *Сведения об авторе*

#### **Елизарков Никита Александрович**

специалист Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, независимый исследователь

#### **Nikita A. Elizarkov**

Graduate of the Institute of History of St. Petersburg State University;  
independent researcher

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.005

УДК 821.0:398

#### **Е. Е. Ямаева**

### **ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРНОГО АЛТАЯ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТА ОЛЕНЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ТАЕЖНОГО ОЛЕНЕВОДСТВА (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ И НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ)<sup>1</sup>**

#### **Аннотация**

Устная история сохранила уникальные сведения о приемах охоты, поимки и доместикации диких оленей у алтайцев в начале XX века, а также о существовании оленеводства у древнего населения региона. Привлечение сравнительных фольклорных и этнографических материалов по народам Сибири обнаруживает связь диких оленей с духами-хозяйками природы. На петроглифах Калбак-Таш

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-09-40048 «Пазырыкская культура в XXI веке: новые интерпретации и концепции».

отразились древние представления о женщинах, покровительствующих охоте. Анализ изображений зоо- и антропоморфных персонажей в контексте предметного окружения позволяет выявить разнообразные методы охоты, которые можно «считывать» на основе сравнительных исследований охоты у самодийцев, практиковавшихся в недавнем прошлом. Эти сведения позволяют по-новому интерпретировать археологические материалы пазырыкской культуры Горного Алтая, в которой культ оленя занимал важное место.

**Ключевые слова:**

*пазырыкская культура, Горный Алтай, тубалары, устная история, охота, олени, петроглифы Калбак-Таш, эпоха бронзы и железа.*

**Elizaveta E. Yamaeva**

**PAZYRYK CULTURE OF MOUNTAIN ALTAI:  
ON THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE DEER CULT  
AND EXISTENCE OF TAIGA REINDEER HUSBANDRY  
(INTERPRETATION BASED ON ORAL HISTORY AND CAVE PAINTINGS)**

**Abstract**

Oral history has preserved unique information about the methods of hunting, capture and domestication of wild deer among Altai people at the beginning of the 20th century, as well as the existence of reindeer husbandry in the ancient population of the region. Attraction of comparative folklore and ethnographic materials on the peoples of Siberia reveals the connection of wild deer with the spirit-mistresses of nature. Shrines Kalbak-Tash contains a large number of drawings with a hunting plot. An analysis of images of zoomorphic and anthropomorphic characters in the context of the subject environment reveals a variety of hunting methods that can be «read» based on comparative studies of hunting among Samoyeds practiced in the recent past. This information allows us to reinterpret the archaeological materials of the Pazyryk culture of Mountain Altai, in which the deer cult occupied an important place.

**Keywords:**

*Pazyryk culture of Altai, tubalars, oral history, hunting, deers, petroglyphs Kalbak-Tash, era of bronze and iron.*

**Вводные замечания**

Пазырыкская культура Горного Алтая является не только одной из самых ярких страниц в истории этого региона, но и одной из самых загадочных. Вызывают интерес вопросы происхождения этой культуры, этнической принадлежности ее носителей, их занятия и мировоззрение. Прекрасные кони в «рогатых масках», удивительные женские парики с изображениями оленей и т. д. давно стали маркерами этой культуры. Рога и линии щечных поверхностей конской маски, найденной в первом Пазырыкском кургане, например, имитируют северного оленя [Полосьмак, Баркова, 2003: 107]. Зафиксировано использование пуха северного оленя в изготовлении войлока, найденного в первом Туэктинском кургане, а также в некоторых предметах утвари [Полосьмак, 2001; Полосьмак, Баркова, 2003: 105].

Как известно, существует несколько мнений о происхождении и распространении оленеводства. Согласно первой теории, одомашнивание оленя произошло чуть ли не после одомашнивания собаки. Сторонники второй точки зрения датируют появление оленеводства I тыс. до н. э., поскольку на изображениях Большой Боярской писаницы у скотоводов Южной Сибири в это время имелись домашние олени. Согласно третьей точке зрения, олень был одомашнен в Скандинавии и Сибири лопарями, самодийцами и тунгусами на рубеже н. э. под влиянием степного коневодства скифских и тюркских народов. При этом

территорией возникновения оленеводства все называют Саяно-Алтайское нагорье [Вайнштейн, 1975; Шнирельман, 1980: 175–190; Рассадин, 2018].

Одной из дискуссионных является проблема существования у пазырыкцев таежного оленеводства. Некоторые исследователи этой культуры допускали наличие очень незначительной доли оленеводства в общем секторе хозяйственной деятельности. Другие ученые отрицали роль оленеводства в занятиях пазырыкцев.

Территория Саяно-Алтая, Монголии и Казахстана в скифскую эпоху была представлена археологическими памятниками с весомыми различиями, но объединенными в единую этнокультурную общность [Тишкин, 2003: 17, 37]. Локальные памятники имели свои особенности. Климатические условия Северного Алтая, который алтайцы называют Аба-Тъыш или Аба, вероятно, способствовали возникновению здесь культуры таежных собирателей, охотников и рыболовов. Могло ли здесь в те далекие времена существовать таежное оленеводство?

### **Фольклорные источники**

Приведем рассказ о том, как алтайцы (тубалары) охотились на маралов и приручали их. В фольклорном тексте содержатся уникальные сведения о строительстве загона, содержании в нем диких оленей, их подкармливании и доместикации. Сначала идет подробный рассказ о гоньбе оленей: «Первого оленя поймали на вершине горы, когда он, уставший от преследования, завяз в глубоком снегу. Затем решили найти и поймать других оленей. Добрались до местечка *Куртучак-ёзёк*, что находится возле *Пестю Айанг*, и увидели оленей. Переночевали здесь. Отдохнули. На следующий день поймали двух оленей в местности *Алты-Сём*. Снег был очень глубокий. Приволокли зверей до стана лишь на четвертый день. Затем вновь отправились в сторону Куртычака, добрались до *Юстюю Куртучак*, переправились на другой берег *Сымылты*, поймали еще одного оленя. Погода испортилась. Снег был слишком глубок. Пошел снег с дождем *тъанмыр тьяап баштаган*. С трудом приволокли оленя лишь на пятый день. Подкармливали зверей, собирая траву с горы, разгребая снег. Решили построить более удобный загон. Шесть товарищей отправились строить загон и построили его в течение трех дней. В течение четырех дней перегоняли зверей на новое место. Загон находился в удобном месте, тут протекал ручеек. В течение многих дней кормили оленей — сеном, овсом. Они стали почти ручными. Мы продали оленей русскому (человеку) из Едигана, державшему оленей, то есть занимавшемуся мараловодством» [Славный род..., 2015: 7–8].

К слову об охоте на маралов гоном, у шорцев, например, отсутствуют сведения о поимке марала «голыми руками» и содержании их в загоне [Дыренкова, 2012: 98]. Совершенно очевидно, что тубалары прекрасно владели приемами преследования оленей гоньбой, их ловли и приучения, однако здесь речь идет о маралах, а не северных оленях.

Согласно другому преданию, предки некоторой части алтайцев в древности занимались оленеводством. Некогда был каган по имени Адый. У него было четверо сыновей — Аба, Кара-батыр, Байат и Чалканду. Байат жил в местности Байат, Чалканду жил по реке Лебедь, Кара-батыр жил в степи, на юге. Сын, которого звали Аба-каан, жил в северной части Алтая. Он разводил оленей. Каган Адый призвал сына на войну. Аба-каан отправился на юг и участвовал в военном походе. Война длилась долго. Оставшиеся дома старики и дети умирали. Начался падёж оленей. Малолетние дети Аба-каана, девочка и мальчик,

не могли справиться с оленями. Девочка хотела подоить оленуху — важенку, но та пнула ее копытом, и она умерла. Молоко вылилось. Оставшееся на доньшке молоко мальчик с размаху брызнул вслед убежавшей оленухе. Сам же мальчик превратился в птицу. У важенки возле хвоста появилось белое пятно. Вернувшийся из похода Аба-каан запретил заниматься оленеводством. Он велел почитать оленей. С тех пор предки алтайцев стали заниматься скотоводством [Ялатов (ПМА), 2000].

В данном тексте появление белого пятна вокруг хвоста оленухи объясняется тем, что мальчик брызнул оленьим молоком из подоюного ведерка. Подтекстом этих мотивов могут служить ритуальные действия, совершаемые участниками обряда в отношении оленухи/оленя, которые в трансформированном виде дошли до наших дней.

В эпических сказаниях алтайцев ритуальные действия также не конкретизируются. В сказании «Алтын-Бизе», записанном от тубаларской сказительницы Н. Черновой, сообщается краткое описание жертвоприношения оленя/марала небесному божеству. «На заячью петлю *ургуч*, поставленную стариком, попался марал. Старик Барал (букв.: Марал; диал., на алтайском *Марал* Олень) и старуха Алтын-Туулай (букв.: Золотая Зайчиха; серый заяц *туулай*) принесли его в жертву. Марала подвели за рога к железному тополю, у корней тополя убили, сделали божеству *кудаю* жертву и сами немного поели. Утром видят — кругом полно скота и народа, хозяйством управляет Ак-Сагал, и народом управляет Каралдай-Мёкё, семиголовый Дьелбеген берегом реки владеет. Жена рождает сына. С семью клыками рыжий *тьеерен* жеребец, обходя свой табун, стоит на вершине белой тайги» (пересказ Е. Ямаевой) [Алтын-Бизе, 1965: 76]. В сказании «Кан-Таджи» железный тополь называется собственным именем Алтын-Чогор. Богатырь «на шести местах раскидывает алтарь *сан* и молится: “Алтын-Чогор, мать моя!”, — спрашивал, есть ли выход из положения?» [Аносский сборник, 1995: 156, 164]. В сказании «Алтын-Мизе» дается следующее описание этого эпического локуса: «железный тополь *темир терек* без сучьев, нижний конец его, т. е. корни, в нижнем мире, а верхний конец пророс в верхний третий мир, т. е. в небо» [Там же: 98]. Таким образом, в эпической традиции алтайцев древнейшая архетипическая модель — мировая ось / мировой столб — представлялась в виде железного тополя «без сучьев» / железного столба. Один из вариантов этой модели — железный столб и привязанный к нему олень. В традиционных верованиях алтайцев железным колом (= столбом) *Темир Казык* или Золотым Колом *Алтын Казык* называлась Полярная Звезда. В индоиранской мифологии Полярная звезда называлась Гвоздем в середине неба *Мех-и мийан Асман* [Рак, 1998].

### Наскальные рисунки

Помимо указанных фольклорных источников, материалом для исследования служат композиции наскального искусства из Кызыл-Тал, Калбак-Таш, Елангаш и рисунки сопредельной Монголии.

Научное название марала — *Cervus elaphus* Linn, 1758 [Ешелкин, 1974]. На алтайском языке олени обозначаются терминами *марал*, *сыгын*, *куран*, *мыйгак*, которыми, как правило, называют благородных оленей — *маралов*. Благородные олени большей частью становились персонажами наскальных рисунков и оленных камней, являющихся частью скифского наследия Сибири. В предварительном

порядке отметим, что название оленя *сыгын* на алтайском языке вполне можно сопоставить с названием скифского народа *саки*. Дикие северные олени *Rangifer tarandus valentinae* flerov по-алтайски называются: белое дикое животное *ак кийик*, бело-серое дикое животное *ак боро кийик*; животное с серой шерстью *боро тюктю мал*. Дикие северные олени до 1970-х годов еще обитали в бассейне Телецкого озера. В настоящее время их популяция увеличилась. Таким образом, в приведенном выше устном тексте, рассказанном Н. К. Ялатовым, речь идет о северном олене и оленеводстве.

Впервые гипотеза о домашнем оленеводстве древних жителей Горного Алтая была высказана И. И. Ешелкиным, который привел в качестве примера наскальный рисунок с изображением человека, сидящего на олене [Ешелкин, 1974, рис. 30]. Условное изображение человека, сидящего на олене, имеется на скале Чагаан-Салаа в Монголии [Кубарев, Цэвэндорж, 2005: 192, рис. 226]. Изображение оленя, которого можно принять за северного (судя по рогам), зафиксировано на памятнике Калбак-Таш [Кубарев, 2011, рис. 333, 368]. На этом же памятнике есть изображение оленей (без опознания вида), орнаментированных таким образом, что, кажется, на их спину накинута покрывало [Кубарев, 2011, рис. 285]; нами зафиксирован такой рисунок оленя, отсутствующий в указанной книге В. Д. Кубарева. Нельзя не отметить рисунки «коров» с рогами оленей на памятнике Калбак-Таш [Кубарев, 2011, рис. 743, 429].



Памятник Кызыл-Тал. Фото Е. Е. Ямаевой, 2019 г.

В ходе исследования памятника Кызыл-Тал в Горном Алтае были нами обнаружены изображения оленей с «треугольниками» на спине. На спинах оленя имеются по две треугольные «закрашенные» фигуры. Один «треугольник» идет

от спинной части, другой — от шейной. Оба треугольника «закрепляются» в районе брюха животного. Далее «висят» две полоски. Треугольные полоски на шее и на спине напоминают картину из современного оленеводства, селькупского и тофаларского (рис.).

Однако надо иметь в виду, что в таежной зоне Саян упряжного оленеводства не существовало. Значит ли это, что мы неправильно интерпретируем рисунок? Знание об упряжном или верховом оленеводстве могло появиться только в случае, если вообще существовало оленеводство. Примером может служить интерпретация рисунков из наскального искусства Елангаш. В книге «Петроглифы Монголии» (в табл. 64) помещены рис. 1 и 6, на которых, по мнению исследователя, изображены жилища [Окладников, 1980: 28]. Возле «жилищ» нарисованы фигуры, напоминающие бревна с обрубленными сучками, а также геометрические фигуры в виде косых крестов. Возможно, это оленевязы, например, такие, какие были в древности у тофаларов [Пугачев, ЭР].

Внимательное изучение всех «оленьих» рисунков из Калбак-Таша, представленных в книге В. Д. Кубарева [Кубарев, 2011], обнаружило такую закономерность, как сочетание фигур оленей (маралов) с антропоморфными фигурами, которых условно можно назвать женщинами в длинных юбках. Оговоримся, что речь не идет о лесном оленеводстве, но, скорее, может идти о мировоззрении, связанном с оленями и женщинами. Все рисунки мы сгруппировали по методу функциональной устойчивости, предметного окружения и получили варианты «сочетаний» или ассоциативных связей.

1. Изображения охоты на дикого оленя скрадом, с помощью щитка прямоугольной или квадратной формы (рис. 187, 188, 189, 195, 213, 225, 233, 213, 225, 233, 303), треугольной, конусообразной, округлой формы (рис. 89, 115, 150, 187, 188, 202, 294, 313, 321, 324), с помощью ловушек (рис. 73) или засеки (рис. 156, 285, 335). На одном рисунке мы видим так называемый щиток на плече мужчины (рис. 340), на другом — под щитком ноги человека (рис. 188). Здесь же рядом со щитками изображена антропоморфная фигура, которую мы принимаем как женщину с воздетыми вверх руками (рис. 188). Выделяются рисунки, изображающие охоту гоньбой на лыжах. «Лыжниками» мы условно обозначили антропоморфные фигуры с подогнутыми ногами. Фигура нарисована в позе лыжника, отталкивающегося с помощью лыжной палки (рис. 204, 213). Отметим, что охота на дикого оленя скрадом, с помощью щитка до недавнего времени практиковалась самодийцами. Щитком охотились в лесной зоне [Тихонова, 2005: 497; Тучкова, 2005: 346]. У тофаларов в древности на диких оленей могли охотиться и те охотники, которые имели домашних оленей. «Олень <...> давал огромное преимущество при езде по крутым горам, гольцам, россыпям и моховым болотам <...>. Олень особенно ценен при охоте за дикими оленями, водящимися летом на самых крутых гольцах в Саянах» [Пугачев, ЭР].

2. Совместные изображения антропоморфных фигур (женщин) и диких оленей встречаются на Калбак-Таше чаще всего (рис. 150, 156, 173, 288, 303, 315, 322). Причем можно заметить, что на всех рисунках есть нечто особенное, отличное от других в том, что касается оленей или женщин. На одном рисунке женщина с воздетыми руками изображена рядом с олененком и оленем, в подмышках у нее некие шарообразные отростки. На рис. 315 на шее оленухи видим пять вертикальных полос начиная с головы до лопаток. Женщина нарисована сзади, это создает видимость того, что она подгоняет оленуху. На рис. 288 женщина находится рядом с оленухой, в животе которой изображен

оленинок, то есть беременной самкой. Женщина стоит так близко к ней, что одной рукой касается ее шеи. На рис. 150 женщина также нарисована слитно с оленухой: она «сидит» на ее спине. Еще на двух рисунках женщина рядом с оленухами (три оленухи на рис. 156), на которых имеется три круга (на теле и вдоль тела) на одной линии, которые можно принять за изображения созвездия Орион (рис. 156, 173). На всех рисунках женщины изображены с воздетыми вверх руками и рядом с оленями, только на одном наблюдается совершенно идиллическая картина: женщина нарисована без рук (словно с опущенными руками), к ней мордочками тянутся олень/оленуха с детенышем с одной стороны и маленькое животное, типа козленка, с другой стороны. Стереотипный рисунок имеется на памятнике Зеленое озеро в Усть-Коксинском районе. По мнению Е. П. Маточкина, рядом с женщинами-прародительницами изображена рожающая женщина и олень [Маточкин, 2010: 77].

Таким образом, из разнообразия вариантов выделены всего две группы. Первая группа рисунков изображает сцену охоты на оленя. Очевидно, хозяйство, ориентированное на таежную охоту на оленя и рыболовство с долей земледелия, существовавшее в Горном Алтае в конце неолита и в бронзу, явилось основой охотничьих сюжетов. Вторая группа рисунков — олени и женщины. Хозяйство, ориентированное на собирательство и охоту, определяло мировоззрение и культовую практику аборигенного населения. Эта группа рисунков могла быть первой на святилище Калбак-Таш. В Горном Алтае пока не найдены изображения людей с оленьими рогами на головном уборе. Такие рисунки, посвященные прародительнице-оленухе (женщине-оленухе), были обнаружены на памятнике Чулуут в Монголии [Новгородова, 1982: 61, 63]. Изучению женщин-прародительниц уделили внимание М. А. Дэвлет и Е. П. Маточкин [Дэвлет, Дэвлет, 2005; Маточкин, 2010]. Типовые рисунки, изображающие женщин с оленем/оленухой, могут быть интерпретированы с точки зрения культовой практики шаманов. Энци, например, считали, что прародительница или первая шаманка была женщиной-оленухой [Лопуленко, 2005: 614; Тихонова, 2005: 539]. Н. В. Лобанова, исследовав антропоморфные образы в наскальном искусстве Кольского полуострова, отметила связь антропоморфов с животными, природой, космосом [Лобанова, 2013: 14]. А. В. Бубенцова также упоминает, что в сценах ритуала участвуют животные [Бубенцова, 2013]. Типологические исследования сюжетов и персонажей петроглифов Канозера обнаруживают устойчивые связи между элементами композиции, что обусловлено общей мировоззренческой основой древних обитателей Севера [Колпаков, Шумкин, 2012].

Формирование этих образов в наскальном искусстве М. А. Дэвлет и Е. П. Маточкин ограничили эпохой бронзы — временем зарождения культа матери-прародительницы [Дэвлет, Дэвлет, 2005: 141; Маточкин, 2006]. Э. А. Новгородова предлагает чуть более раннюю датировку указанных рисунков (неолит — начало энеолита) [Новгородова, 1982: 63, 64]. Утонченный художественный стиль изображения оленей, лосей с удлинёнными туловищами и мордочкой, с маленькой головкой и тонкими ногами утверждается в наскальном искусстве и бытовых рисунках в конце неолита и начале бронзы.

### **Заключение**

Рассмотренные материалы свидетельствуют о культе оленя у древнего населения Саяно-Алтая, который оформился еще в эпоху бронзы и имел автохтонное происхождение. Если и было домашнее оленеводство, то им,

вероятно, занималась лишь какая-то группа населения. Нет сомнения в том, что культ оленя имел большое значение в жизни людей того времени. Святилище Калбак-Таш вначале сформировалось как святилище женщин-прародительниц, связанных с оленями. При исследовании данной темы мы также имели в виду, что одновременно с культом оленя в Горном Алтае существовал и культ быка, наивысший расцвет которого приходится на середину II тыс. до н. э. Считается, что почитание быка появилось примерно в III тыс. до н. э. Если культ быка был почти официальным, то почитание оленя и его культ, скорее всего, занимали сосуществующее положение. Позже, в конце эпохи бронзы — начале железа, бык все же уступил место скифскому маралу.

Если обратимся к историко-культурной ретроспективе, то необходимо вспомнить, что в мифах селькупов в качестве прежних предков фигурирует народ туба, живший некогда на юге. Судя по этнографическим материалам, предки тубаларов, зафиксированные в китайских источниках как *дубо*, предпочитали охоту на лыжах. Рисунки на Калбак-Таше и на ряде других памятников Горного Алтая свидетельствуют о том, что в эпоху бронзы аборигены края обладали различными приемами охоты на оленей, которые сегодня сохранились только у северных оленеводов, а также у тубаларов Горного Алтая. Следует принять во внимание и мнение В. И. Молодина, согласно которому прародина самодийцев могла быть расположена «в регионе между Средней Обью и Енисеем, ориентировочно — вокруг треугольника «Надым — Томск — Красноярск — Енисейск» [Молодин, 2005: 41]. На известном отдалении они находились от иранцев (а также более древних индоевропейцев), так что контакты с ними могли быть слабыми или опосредованными [Там же]. Такое влияние имело место еще в эпоху развитой бронзы через угров и ирано-самодийцев. В качестве наиболее древнего, автохтонного населения часть протосамодийцев повлияла на формирование генотипа алтайцев наряду с пазырыкцами Горного Алтая. Что касается искусства, то в более отдаленные времена зафиксированы некоторые сходства в наскальном искусстве Сибири и европейской части Севера [Бубенцова, 2012].

В наступившую эпоху раннего железа, с распространением культуры пазырыкцев — скотоводов и воинов, образ марала как наиболее почитаемого и одновременно жертвенного животного приобретает новые канонические черты — черты скифо-сибирского звериного стиля. Согласно сохранившемуся в алтайском эпосе материалу, основу древнего ритуала жертвоприношения составляли столб, жертвенный марал, пища, преподносимая верховному божеству, и совместная трапеза участников. Столб был представлен в виде железного тополя «без сучьев». Моделирующая роль железного столба/тополя (в индоиранской мифологии Железного Кола — Полярной Звезды) свидетельствует о том, что эпический материал также должен был «соответствовать» канонам скифо-сибирского стиля.

Было ли оленеводство у народа, который оставил свои ритуальные рисунки на Калбак-Таше, и тем более у пазырыкцев — вопрос еще открытый. Тем не менее косвенные, малочисленные сведения устной истории и сохранившиеся с древности наскальные рисунки свидетельствуют в пользу теории существования таежного оленеводства у народа, населявшего Горный Алтай до распространения пазырыкской культуры.

### Список сокращений

ПМА — полевые материалы автора

### Список источников

Алтын-Бизе. Алтайское героическое сказание / Исп. Н. Т. Черноева. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1965. 128 с.

Аносский сборник / сост. Н. Я. Никифоров. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1995. 264 с.

Славный род Чунжековых из рода мундус / сост. Э. А. Белекова, Н. С. Махалина. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2014. 224 с.

Ялатов Н. К. Рассказ о предках, занимавшихся оленеводством в древности. В древности животное с серой шерстью *Озогыда боро туктю мал*: ПМА / [записала Е. Е. Ямаева в 2000 году]; Н. К. Ялатов (1927–2002), урочище Коркобы Шебалинского района, род кара-майман.

### Список литературы

Бубенцова А. В. Петроглифическое культурное наследие Северо-Запада России: Семантика петроглифов Канозера // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2013. № 4 (29). С. 169–173.

Бубенцова А. В. Сравнительный анализ наскальных рисунков долины р. Ангары (эпохи неолита) и петроглифического комплекса Канозера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 149. С. 163–170.

Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. II. Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии // Сов. этнография. 1975. № 5. С. 37–52.

Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с. (Кунсткамера — Архив». Т. VI).

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетейя, 2005. 470 с.

Ешелкин И. И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах Юго-Восточного Алтая // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, 1974. Вып. 11. С. 63–77.

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таш I. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 443 с.

Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск; Улан-Батор; Юджин: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 639 с.

Лобанова Н. В. Антропоморфные образы в наскальном искусстве Северной Фенноскандии // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 3–15.

Лопуленко Н. А. Нганасаны // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 557–619.

Маточкин Е. П. Петроглифы Зеленого озера памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии, 2006. № 2. С. 104–114.

Маточкин Е. П. Святилище «Зеленое озеро»: Сакральные изображения и объекты // Алтай сакральный. Культурные и археоастрономические смыслы древних святилищ. Барнаул: Артика, 2010. С. 71–79.

Молодин В. И. От древних культур к современным народам // Народы Западной Сибири / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М.: Наука, 2005. С. 18–56.

Новгородова Э. А. В стране петроглифов и эдельвейсов. М.: Знание, 1982. 80 с.

Окладников А. П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 229 с.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-Пресс, 2001. 336 с.

Пугачев М. И. Тофалария. Оленеводство. Питание оленевода. URL: [http://www.tofalaria.ru/history-olenevodstvo\\_4.htm](http://www.tofalaria.ru/history-olenevodstvo_4.htm) (дата обращения: 03.02.2020).

Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.; М., 1999. 560 с.

Рассадин И. В. Особенности оленеводства у народов саянской горной страны в прошлом и настоящем // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3. С. 136–141.

Тихонова М. В. Энцы // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 493–501.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнуал: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. 430 с.

Тучкова Н. А. Селькупы. Материальная культура // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 329–346.

Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М.: Наука, 1980. 334 с.

#### *Сведения об авторе*

**Ямаева Елизавета Еркиновна**

доктор исторических наук

Горно-Алтайский государственный университет

**Elizaveta E. Yamaeva**

Doctor of Historical Sciences, Gorno-Altai State University

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.006

УДК 903.27

**В. А. Лихачёв**

#### **НОВЫЕ НАХОДКИ СКОПЛЕНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ НА КАНОЗЕРЕ (ПЕРИОД 2017–2019)**

##### **Аннотация**

За период 2017–2019 годов на скалах Канозера было выявлено пять новых групп петроглифов и значительное количество неизвестных ранее изображений в уже задокументированных скоплениях петроглифов. Обнаружению петроглифов

способствовало применение методики фотограмметрии, а также тщательная ночная фотосъемка скал с петроглифами. В данной публикации представлены находки пяти новых групп петроглифов. Общее количество выбивок в них (группах) более 40. Эти находки расширяют наши представления о стилистическом разнообразии петроглифов Канозера, о диапазоне высот, на которых выбивались стилистически близкие петроглифы. В данной работе вводятся в научный оборот новые мотивы и композиции наскальных изображений, как имеющие аналоги, так и ранее не характерные для Канозера.

**Ключевые слова:**

*Канозеро, петроглифы, наскальные рисунки, Фенноскандия, новые находки, археология, наскальное искусство, фотограмметрия, объекты культурного наследия.*

**Vadim A. Likhachev**

**NEW FINDINGS OF CLUSTERS OF PETROGLYPHES ON CANOZERO  
(PERIOD 2017–2019)**

**Abstract**

For the period 2017–2019 five new groups of petroglyphs and a significant number of previously unknown ones in already documented panels of petroglyphs were revealed on the rocky islands of the Kanozero Lake. The discovery of petroglyphs was facilitated by the use of photogrammetric techniques, as well as careful night photographing of rocks with petroglyphs. This publication presents findings of five new panels with more than 40 petroglyphs in total. These findings expand our ideas about the stylistic diversity of the Kanozero petroglyphs, about the range of heights above level of the lake on which stylistically close petroglyphs were made. In this work, new motifs and compositions of rock carvings are introduced, both having analogues and previously not typical of Kanozero.

**Keywords**

*Kanozero, rock carvings, documentation of petroglyphs, new finds, rock art, photogrammetry, objects of cultural heritage.*

**Введение**

Наскальные рисунки Канозера расположены на островах озера Канозеро (озерное расширение реки Умба) в южной части Кольского полуострова (Мурманская область). Наряду с такими скоплениями, как Альта, Немфорсен, Винген, Беломорск и Онежское озеро, они относятся к крупным скоплениям петроглифов «охотничьей традиции» Фенноскандии [Шумкин, 2000; Poikalainen, 2004; Gjerde, 2010; Колпаков, Шумкин, 2012; Лобанова, 2015; Janik, 2017 и др.], количество рисунков в которых превышает 1000, и являются третьим известным на Кольском полуострове местом находки наскального искусства (рис. 1).

Петроглифы Канозера были обнаружены во время экспедиции краеведческого музея Ловозерского ГОКа (п. Ревда) волонтером музея Юрием Ивановым [Иванов, 2001; Лихачев, 2007, 2011]. С 1997 по июнь 1999 года петроглифы исследовались экспедициями музея Ловозерского ГОКа [Likhachev, 2018], с сентября 1999-го — Кольской археологической экспедицией (рук. В. Я. Шумкин).

Поиск и документация петроглифов ведется с момента их открытия в 1997 году. Некоторые результаты исследований публиковались в ряде статей и книг [Колпаков et al., 2008; Gjerde, 2010; Лихачёв, 2011]. Наиболее полным каталогом изображений Канозера является книга «Петроглифы Канозера» [Колпаков, Шумкин, 2012], где по состоянию на 2011 год определено более 1200 выбивок в 18 группах на трех островах и одном «материковом» скальном выходе [Колпаков, Шумкин, 2012: 16].



**Рис. 1.** Расположение некоторых скоплений петроглифов Северной Фенноскандии (охотничья традиция):  
1 — Канозеро; 2 — Беломорск; 3 — Онежское озеро; 4 — Поной; 5 — Рыбачий; 6 — Альта; 7 — Форсельв; 8 — Немфорсен; 9 — Винген.  
Иллюстрация на основе космоснимка Google Earth В. Лихачёва

Летом 2017 года сотрудники музея «Петроглифы Канозера» начали работы по документации петроглифов, продолжив их летом 2018-го и летом и осенью 2019 года. За данный период были выявлены и задокументированы пять новых групп петроглифов (Каменный 8, Каменный 9, Каменный 10, Еловый 7, Горелый 5), открыты неизвестные ранее изображения практически во всех других группах на островах Каменный (Каменный 1, Каменный 3, Каменный 4, Каменный 5, Каменный 7), Еловый (Еловый 1, Еловый 3, Еловый 4, Еловый 6) и Горелый (Горелый 1, Горелый 2, Горелый 3, Горелый 4). Собран материал для уточнения деталей многих задокументированных ранее изображений и микрорельефа скал с петроглифами на всех известных скоплениях (рис. 2, 3).

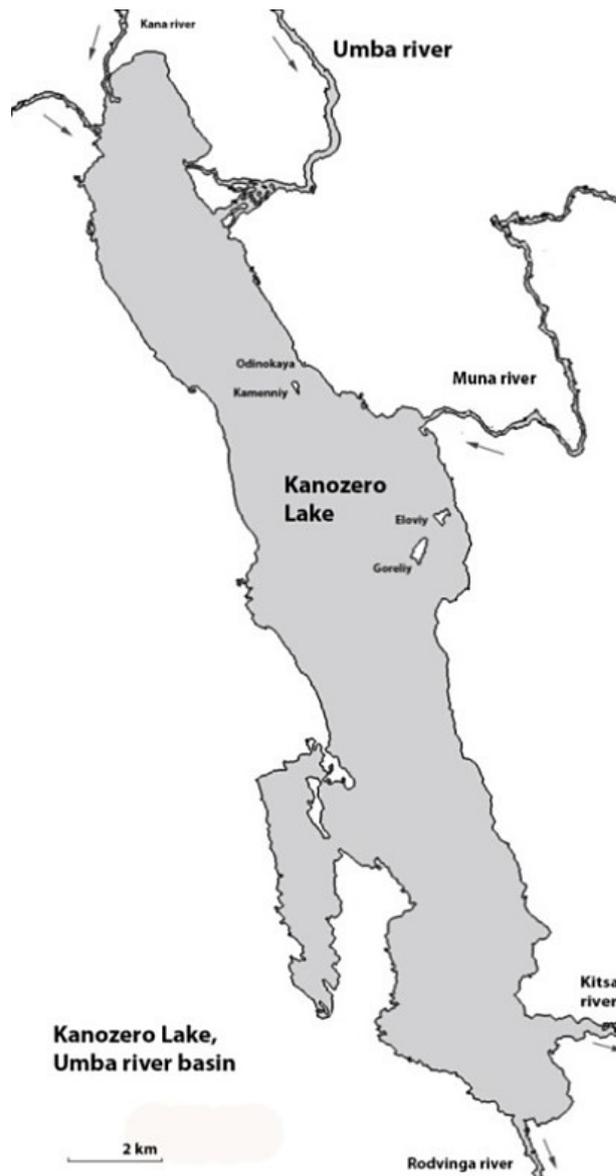
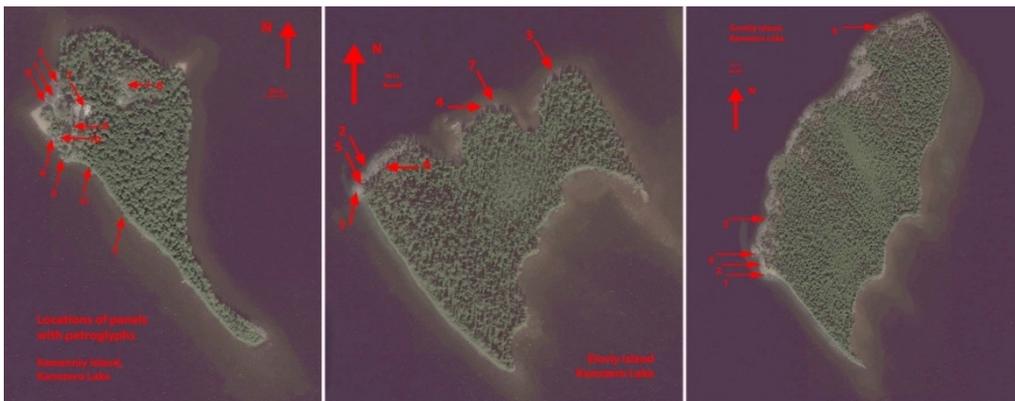


Рис. 2. Карта Канозера. Иллюстрация В. Лихачёва



**Рис. 3.** Расположение групп на островах Канозера: Каменный (1); Еловый (2); Горелый (3). Иллюстрация на основе космоснимка Here WeGo В. Лихачёва

Выявление новых изображений и уточнение старых во многом стало возможно благодаря применению новых методик документации, в первую очередь фотограмметрии [Лихачёв, 2017]. Успеху способствовал чрезвычайно низкий уровень воды в озере летом 2018 и 2019 годов, а также возможность работы на скоплениях в темное время суток в августе и сентябре.

### Метод выявления

В качестве методов документации петроглифов использовались ночная фотосъемка и фотограмметрия.

Ночная фотосъемка выполнялась под разными углами по отношению к поверхности скалы с петроглифами в комбинации с освещением с различных сторон отдельного петроглифа или группы петроглифов.

Фотограмметрия представляет собой создание 3D-модели из серии фотографий поверхности скалы с петроглифами с помощью программного обеспечения [Rabitz, 2013; Meije, 2015; Лихачёв, 2017]. В данном случае использовалась программа Agisoft Photoscan. Дальнейший анализ 3D-моделей осуществлялся с помощью программы MeshLab.

Создание 3D-моделей и их последующий анализ позволяет запечатлеть значительные участки скал с петроглифами с точной фиксацией микрорельефа, расположения петроглифов относительно друг друга, сделать проекции контуров скал. Также данная методика вкупе с ночной съемкой дает возможность обнаружить и проследить слабые выбивки, наложения выбивок. Проанализированные в программе Meshlab модели с помощью программных фильтров (например, Radiance scale) позволяют выявить изображения при моделировании «эффекта протирки» (рис. 36). По снимкам, полученным в результате анализа 3D-моделей, можно делать прорисовки изображений в графических редакторах и выводить схемы для публикации. 3D-модели также можно использовать в компьютерных презентациях, в музейных программах презентации, для распечатывания объемных копий на 3D-принтерах с последующим их экспонированием.

### Новые группы

Во время полевого сезона 2017 года были обнаружены и задокументированы две новые группы с петроглифами (Каменный 8, Каменный 9). В июле 2018 года

была выявлена группа Еловый 7, в июне 2019 года — камень KS1 (Kamenniy Stone 1) с предполагаемой выбивкой на острове Каменный, 26 июля 2019 года — группа Каменный 10, а 28 сентября — группа Горелый 5.

Новые группы острова Каменный: Каменный 9, Каменный 8 и Каменный 10 (рис. 4, 5).



**Рис. 4.** Расположение новых выявленных групп с петроглифами. Иллюстрация на основе космоснимка Here WeGo В. Лихачёва



**Рис. 5.** Расположение новых выявленных групп с петроглифами. Фото В. Лихачёва

### ***Каменный 8.***

Документация петроглифов начата в июне 2017 года. Группа расположена на самой высокой точке острова Каменный — его скалистой вершине, на высоте 18 м от уровня озера. Устные сообщения о нахождении выбивок на данной скале поступали и ранее, но документального подтверждения опубликовано не было. На данный момент в группе выявлено шесть петроглифов: пять из них антропоморфных, одно изображение похоже на лодку. Об одном из петроглифов можно говорить с уверенностью, что это женский антропоморф. Два изображения образуют композицию.

Петроглифы тематически и по стилю близки к выбивкам на скале Одинокая и некоторым петроглифам острова Еловый (Еловый 3), острова Горелый (Горелый 1) и Каменный 7, Каменный 6. Петроглифы находятся на самой высокой точке острова Каменный, на высоте 18 м над уровнем зеркала озера (рис. 6–9).

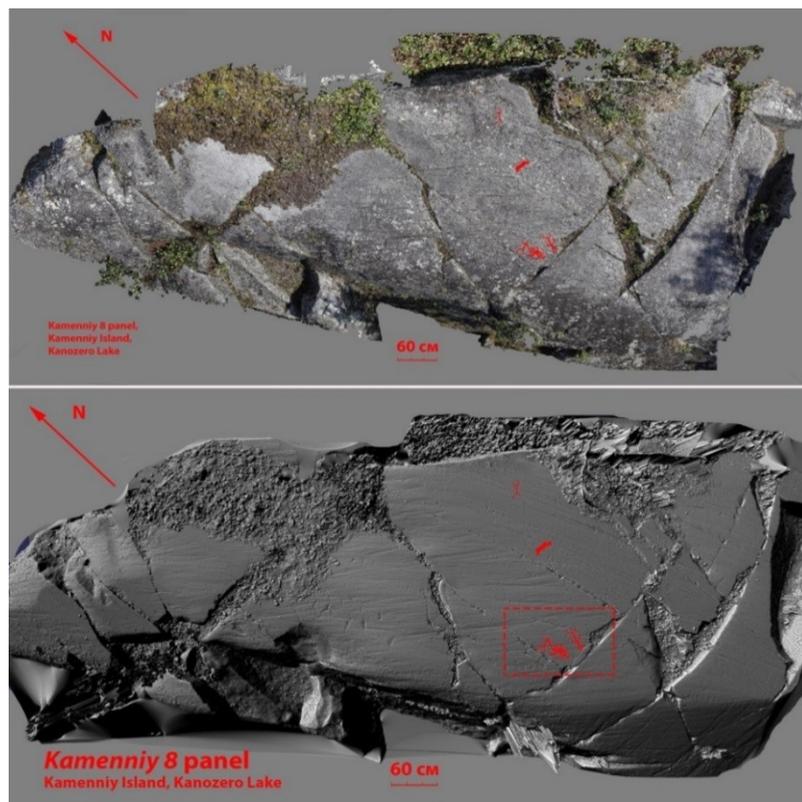


**Рис. 6.** Вид на скопление петроглифов в северо-западном направлении. Фото П. Горбачёва, 2018 г.

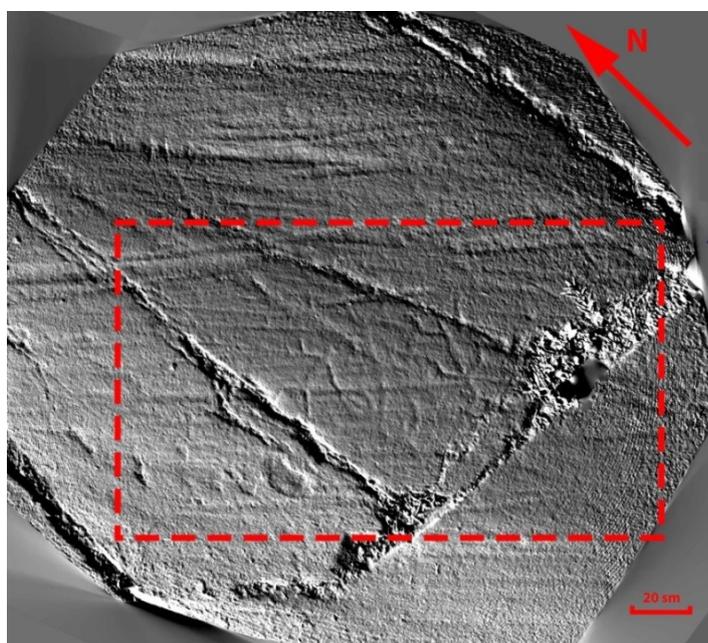
### ***Каменный 9.***

Группа петроглифов выявлена в июле 2017 года. Выбивки представляют собой чашечные углубления (около 15 штук). Размер чашечного углубления варьирует от 2,5 до 4 см, глубина — 1,5–2 см. Характер выбивки: края сильно сглажены.

Петроглифы расположены на той же скале, что и группа Каменный 1, но на нижнем уступе у воды. Максимальная высота над уровнем зеркала озера, где встречаются выбивки, около 1,5 м.



**Рис. 7.** Схема скопления группы Каменный 8 на 3D-модели



**Рис. 8.** Некоторые петроглифы группы Каменный 8 на 3D-модели. 3D-обработка В. Лихачёва



**Рис. 9.** Некоторые петроглифы группы Каменный 8. Ночная съемка. Фото В. Лихачёва

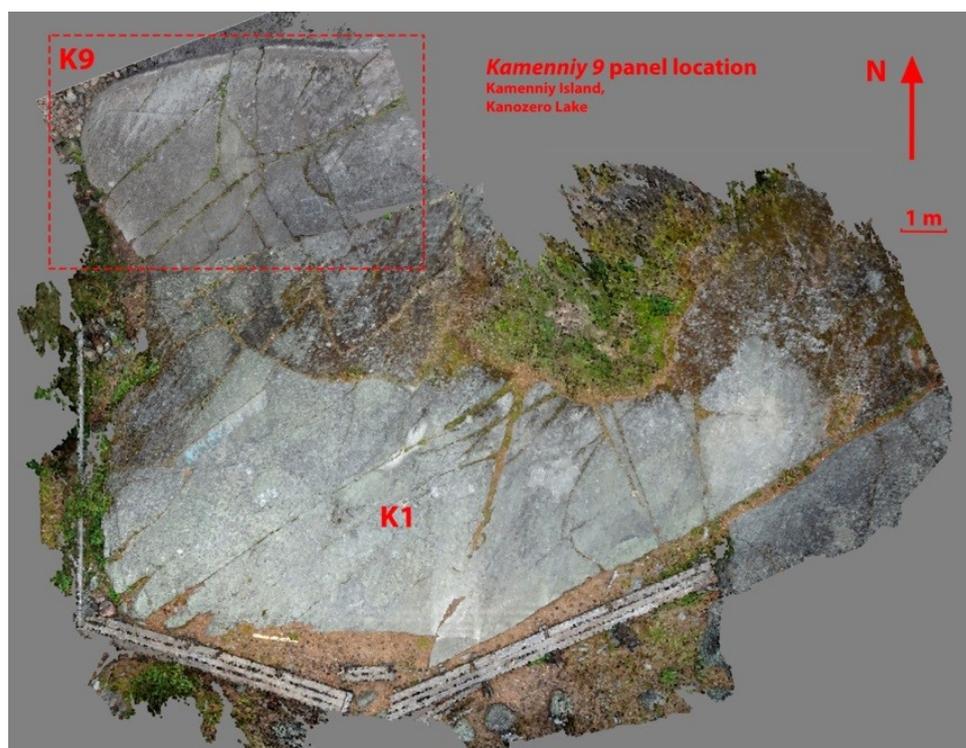
Возможно, рядом существовали другие менее глубокие выбивки, которые не сохранились, поскольку данный участок скалы сильно затирается весенними ледоходами. Рядом с чашечными углублениями выбиты надписи туристов, вероятно, поэтому данные петроглифы не были замечены ранее. Мы предполагаем, что данные чашечные углубления могли использоваться для небольших жертвоприношений. К скале можно было подплыть на лодке и оставить небольшую жертву, не поднимаясь к петроглифам, расположенным выше на других скалах.



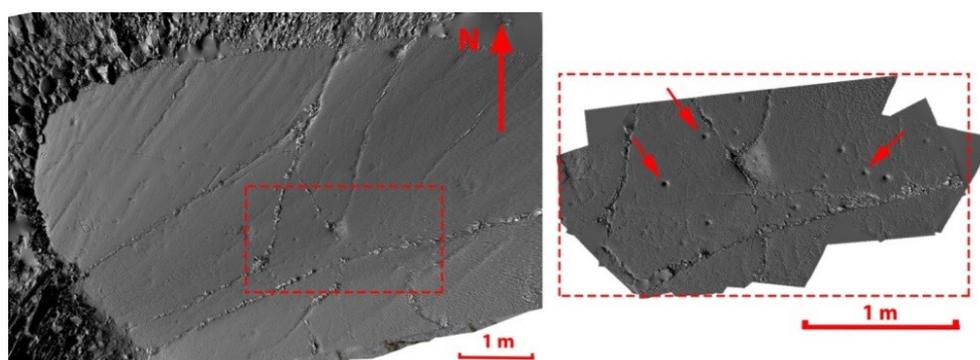
**Рис. 10.** Общий вид на скалу. У подножия скалы, ближе к каменной косе, расположена группа Каменный 9. На верхней площадке скалы, перед соснами расположена группа Каменный 1. Фото В. Лихачёва, 2018 г.

Чашечные углубления встречаются среди петроглифов Канозера (например, в группах Каменный 1, Каменный 7, Каменный 4, Еловый 1).

По данным Кольской археологической экспедиции, всего их насчитывается 70 [Колпаков, Шумкин, 2012: 290]. Петроглифы данного типа являются самой распространенной выбивкой среди наскальных рисунков бронзового века Южной Фенноскандии (в особенности ее южной части). В этом регионе не редки находки групп петроглифов, состоящих исключительно из чашечных углублений (рис. 10–14).



**Рис. 11.** Расположение группы Каменный 9 относительно группы Каменный 1. Скриншот с 3D-модели. Обработка В. Лихачёва



**Рис. 12.** Группа Каменный 9 и ее увеличенный фрагмент (стрелками показаны некоторые чашечные углубления). Скриншот 3D-модели. Обработка В. Лихачёва



**Рис. 13.** Чашечные углубления — основной тип выбивок группы Каменный 9. Фото В. Лихачёва



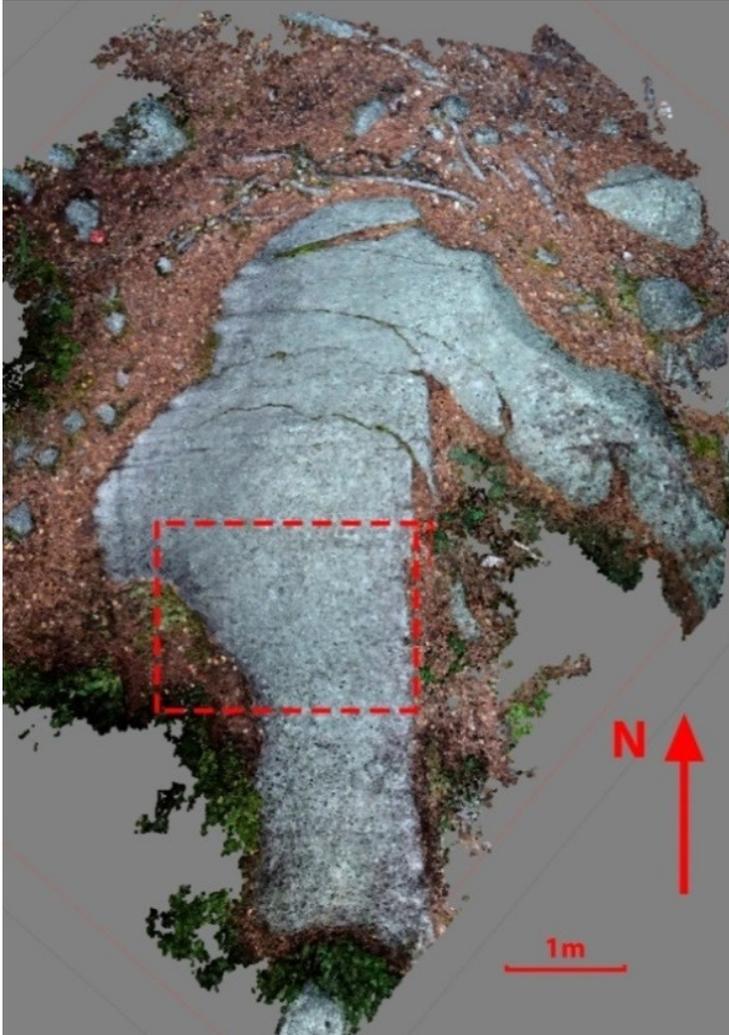
**Рис. 14.** Группа Каменный 9. Отдельное чашечное углубление. Фото В. Лихачёва

#### ***Каменный 10.***

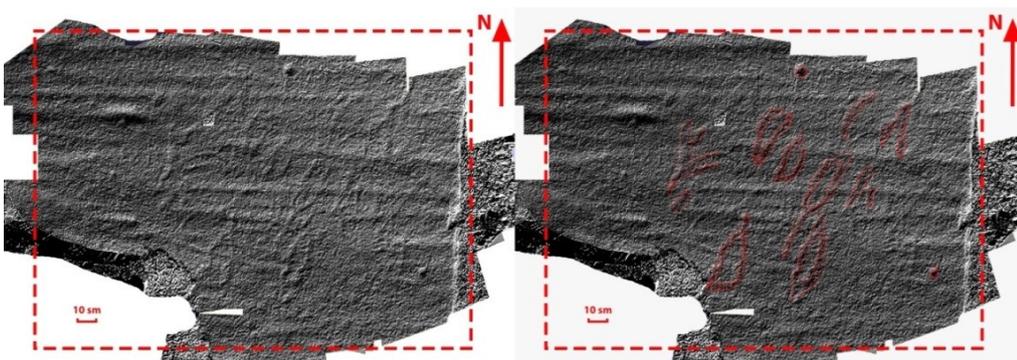
Группа выявлена 26 июля 2019 года. Данное скопление петроглифов расположено к северо-востоку от группы Каменный 4, между группами Каменный 4 и Каменный 6, на высоте около 3 м над уровнем зеркала озера, на 1 м выше ближайшего скопления Каменный 4. Каменный 10 и Каменный 4 отделены друг от друга озерными наносами (валуны и галечник, местами покрыты почвой и растительностью). Поверхность скалы сильно эродирована, поэтому выбивки плохо распознаваемы. Несколько петроглифов представляют собой веретенообразные контурные изображения, похожие на следы снегоступов в группе Каменный 1. Также угадываются антропоморфная фигура в фас, неясная фигура, похожая на лодку, и ряд чашечных углублений. Всего выявлено более десяти петроглифов (рис. 15–20).



**Рис. 15.** Расположение группы Каменный 10 относительно группы Каменный 4. Вид с северной стороны. Фото В. Лихачёва



**Рис. 16.** Скриншот с 3D-модели группы Каменный 10. В красном квадрате выделено место скопления петроглифов. Обработка В. Лихачёва



**Рис. 17.** Скриншот с 3D-модели группы Каменный 10. Фрагмент скалы с петроглифами. Обработка В. Лихачёва



**Рис. 18.** Группа Каменный 10. Фрагмент скалы с петроглифами. Ночное фото В. Лихачёва, 2019 г.



**Рис. 19.** Фрагмент группы Каменный10. «Веретенообразные» контурные фигуры. Ночное фото В. Лихачёва, 2019 г.



**Рис. 20.** Фрагмент группы Каменный 10. Неясная «антропоморфная» фигура и чашечное углубление. Ночное фото В. Лихачёва, 2019 г.

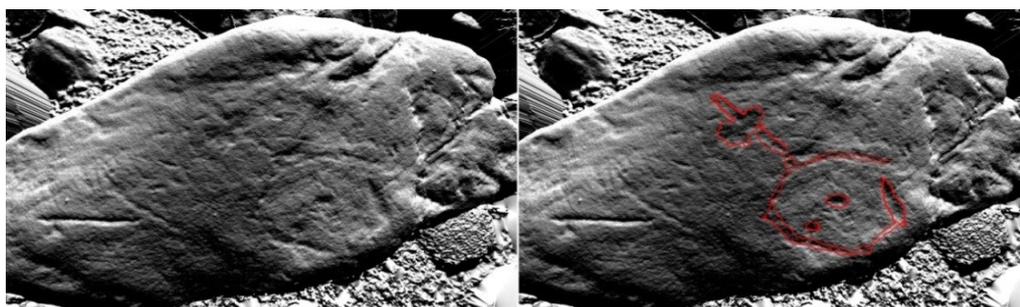
***Отдельный валун KS1.***

Выявлен в июне 2019 года. Расположен у воды между группами K5 и K2. Камень сильно эродирован: заглажен прибойной волной и покрыт шрамами от весенних ледоходов.

Горная порода — метаперидотит — подобна той, из которой состоят скалы острова. Предполагается, что на камне есть выбивка — «неровный овал с чашечным углублением посередине». Сделать уверенное экспертное заключение о том, что на камне есть петроглиф, либо опровергнуть это предположение на данный момент сложно. Камень расположен в прибойной зоне (рис. 21–23).



**Рис. 21.** Камень с предполагаемым петроглифом KS1. Общий вид. Фото В. Лихачёва, 2019 г.



**Рис. 22.** Камень с предполагаемым петроглифом KS1: слева — скриншот с 3D-модели; справа — предполагаемый рисунок обведен. Обработка В. Лихачёва, 2019 г.



**Рис. 23.** Камень с предполагаемым петроглифом KS1. Ночная съемка под различными углами освещения. Фото В. Лихачёва, 2019 г.

#### ***Еловый 7.***

Группа обнаружена в августе 2018 года. Расположена на отдельном скальном выходе между группами Еловый 4 и Еловый 3.

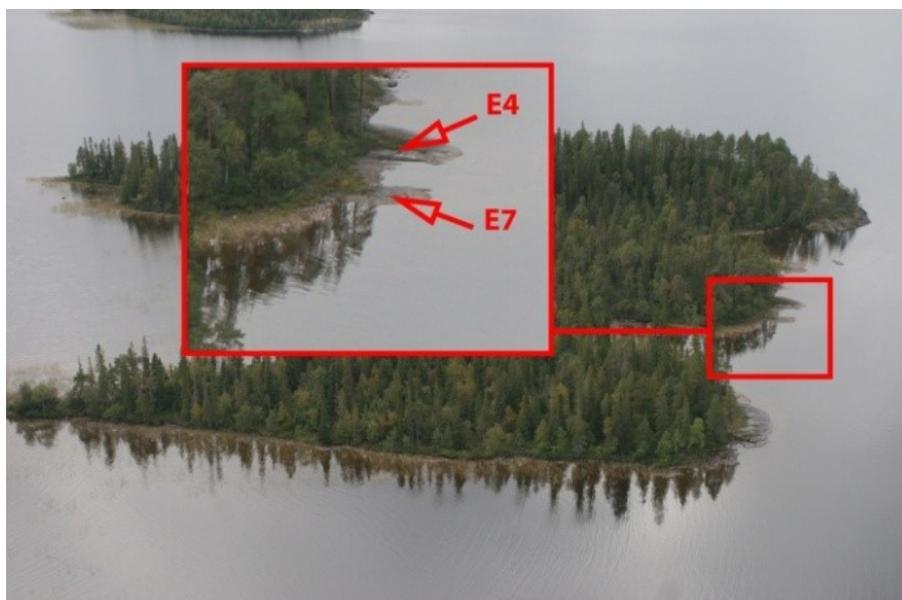
В группе представлены изображения лодок с лосиноголовыми форштевнями и сцены морской охоты с них на белух. Размер изображений — от 20 до 60 см (лодки). На данный момент можно различить изображения шести лодок и четырех белух и одно неясное изображение с кругом. Глубина изображений 3–10 мм. Поверхность скалы сильно эродированная. Группа расположена близко к воде, поэтому часто заливается (рис. 24–32).



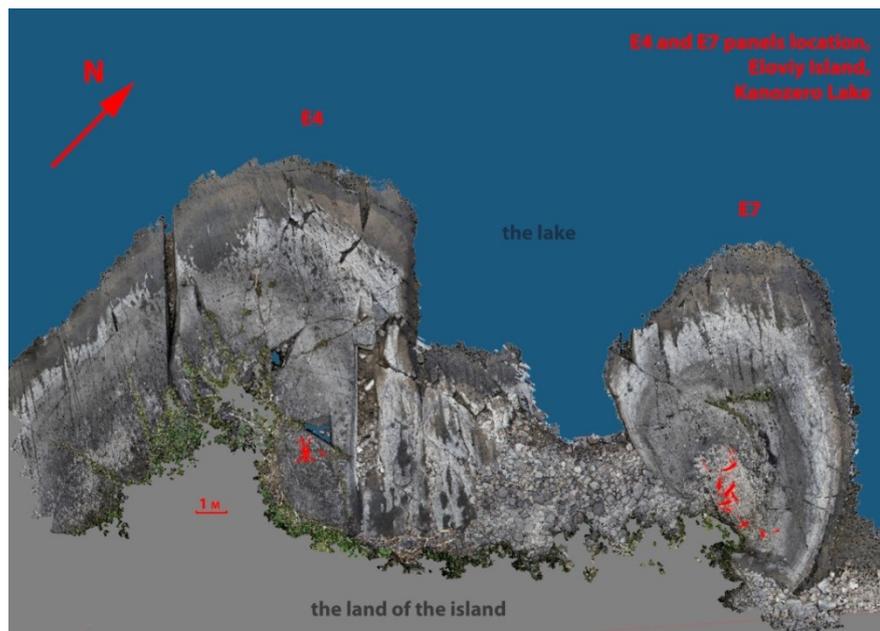
**Рис. 24.** Расположение групп с петроглифами. Остров Еловый. Фото и комментарии В. Лихачёва



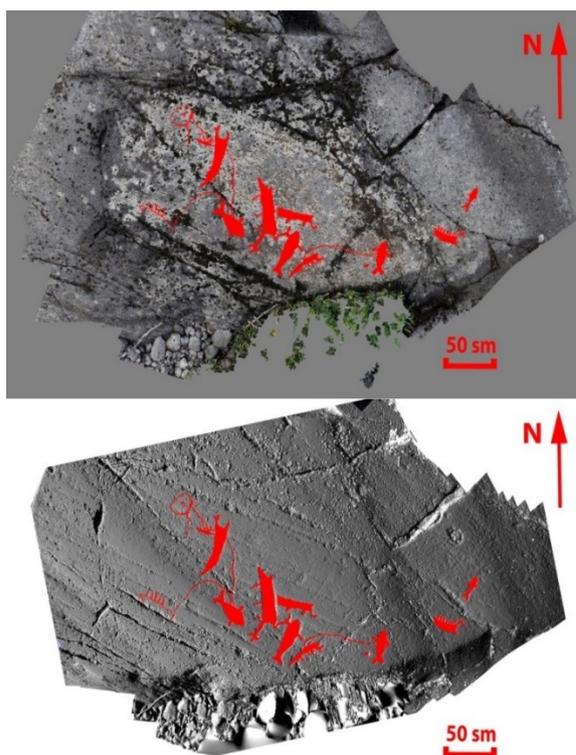
**Рис. 25.** Расположение группы Еловый 7. Космоснимок. Иллюстрация на основе космоснимка Here WeGo В. Лихачёва



**Рис. 26.** Расположение групп Еловый 7 и Еловый 4. Фото И. Георгиевского. Иллюстрация В. Лихачёва



**Рис. 27.** Группы Еловый 4 и Еловый 7 с расположением петроглифов. Скриншот с 3D-модели. Обработка В. Лихачёва



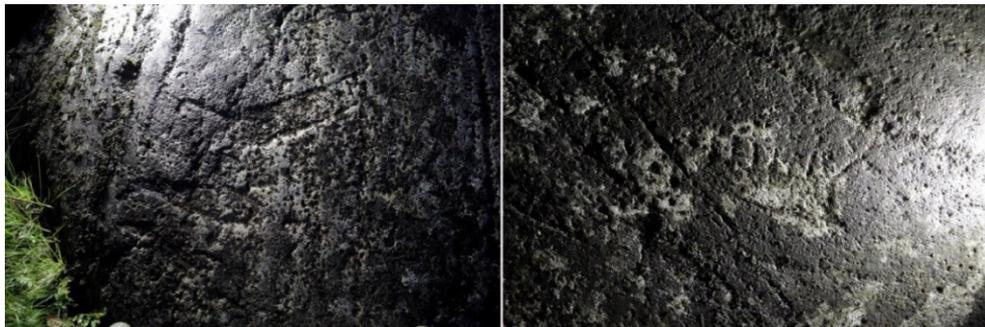
**Рис. 28.** Петроглифы группы Еловый 7. Прорисовка на скриншоте с 3D-модели: сверху — с текстурой; снизу — без текстуры. Обработка В. Лихачёва



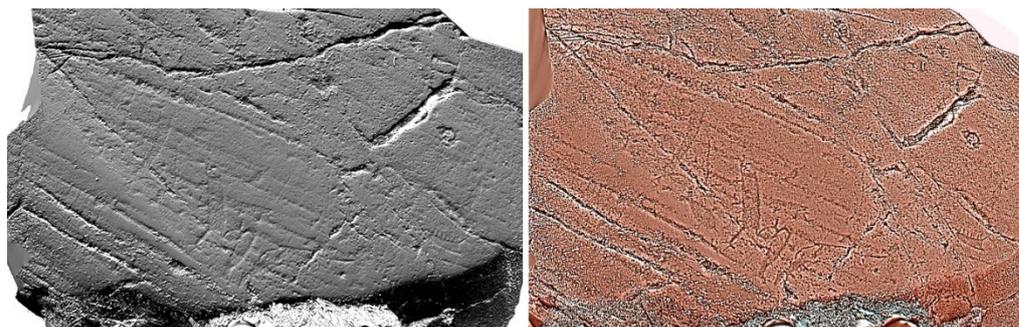
**Рис. 29.** Вид на скалу с группой Еловый 7 со скалы группы Еловый 4. Фото В. Лихачёва, 2018 г.



**Рис. 30.** Петроглифы группы Еловый 7: слева — в момент открытия до расчистки скалы ото мха; справа — после расчистки скалы ото мха. Фото В. Лихачёва, П. Горбачёва, 2018 г.



**Рис. 31.** Некоторые петроглифы группы Еловый 7 после расчистки скалы. Ночная съёмка. Фото В. Лихачёва, август 2018 г.



**Рис. 32.** Петроглифы группы Еловый 7. Скриншот с 3D-модели: слева — без текстуры с тенями; справа — с фильтром radiance scaling. Обработка В. Лихачёва

### ***Горелый 5.***

Группа Горелый 5 расположена в северной части острова. В группе представлена контурная фигура; предполагается, что это изображение лодки. Размер фигуры около 50 см. Рядом, возможно, фрагменты выбивок других фигур. Петроглиф расположен в прибойной зоне, поэтому не был выявлен ранее. Обнаружение стало возможным вследствие чрезвычайно низкого уровня озера в сентябре 2019 года. Аналогов данной выбивке на Канозере ранее не выявлено (рис. 33–37).



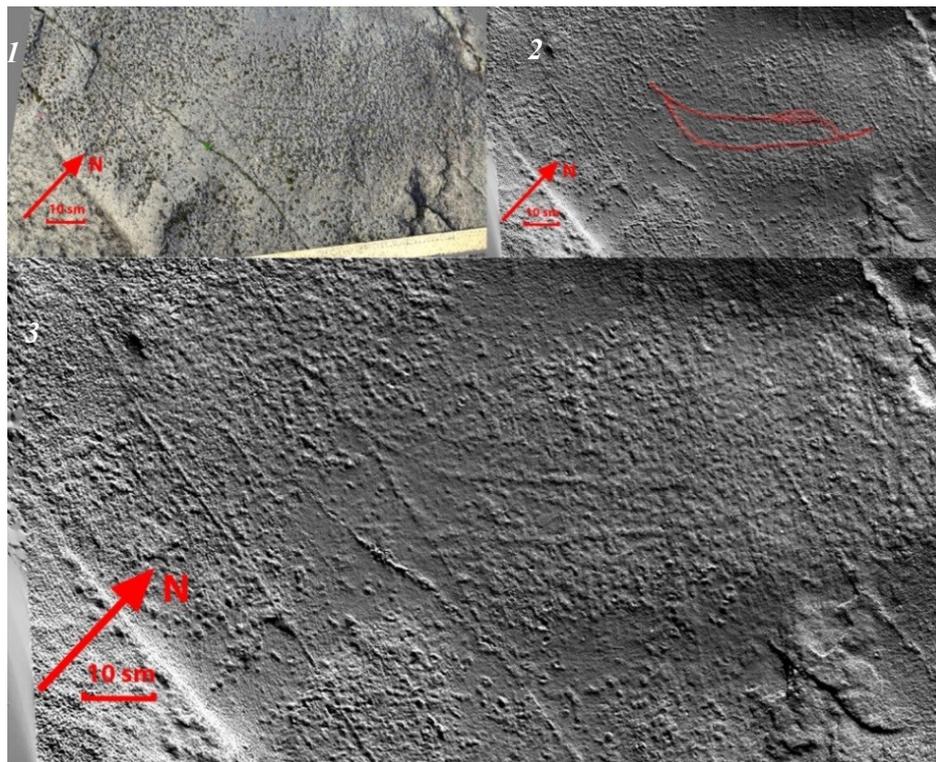
**Рис. 33.** Расположение группы Горелый 5. Иллюстрация на основе космоснимка Here WeGo В. Лихачёва



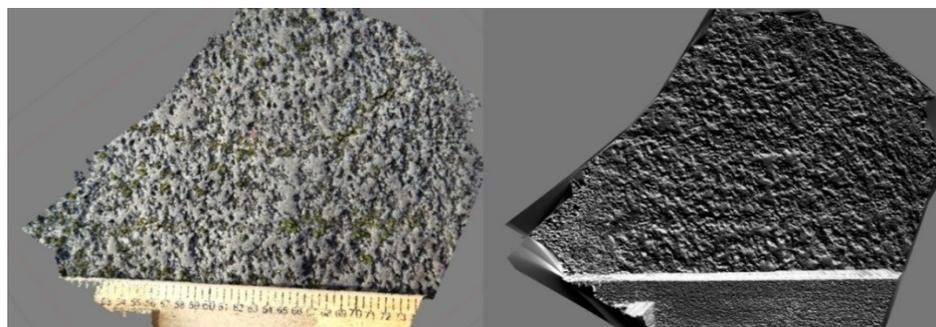
**Рис. 34.** Вид на скалу с группой Горелый 5. Фото В. Лихачёва, 2019 г.



**Рис. 35.** Вид на скалу с группой Горелый 5. Петроглиф в центре кадра. Длина линейки 1 м. Фото В. Лихачёва, 2019 г.



**Рис. 36.** Контурный петроглиф «лодка» (?). Группа Горелый 5. Скриншот с 3D-модели: 1 — с текстурой, 2 — без текстуры с подкраской, 3 — без текстуры с тенями. Обработка В. Лихачёва, 2019 г.



**Рис. 37.** Фрагмент контурного петроглифа «лодка» (?), задняя часть. Группа Горелый 5. Скриншот с 3D-модели: слева — с текстурой (линейка в см); справа — без текстуры. Обработка В. Лихачева, 2019 г.

### **Некоторые выводы**

Несмотря на значительную обследованность скал островов Канозера, выявление новых групп оказалось возможным в силу ряда причин, среди них:

- 1) падение уровня воды в озере;
- 2) применение новых методик — фотограмметрии и тщательной ночной фотосъемки;

3) непредвзятость в отношении таких выбивок, как «чашечные углубления», что позволило выявить группу Каменный 9. К сожалению, данный тип выбивок нередко выпадает из внимания российских исследователей.

Обнаруженные скопления рисунков имеют аналоги среди ранее выявленных. Высотные данные о расположении групп петроглифов могут быть полезны в выстраивании относительной хронологии и периодизации петроглифов.

Самая высокая на данный момент группа Каменный 8 (18 м) имеет аналоги с относительно низко расположенной группой скалы Одинокая (высота 1–1,5 м). Крупные изображения лодок и композиции морской охоты группы Еловый 7 (0,3–0,5) также имеют аналоги на различных высотах (группы Каменный 1 — выше 4 м, Каменный 7 — выше 8 м). Данные наблюдения свидетельствуют о том, что выбивание стилистически близких петроглифов происходило на высотных отметках в весьма широких диапазонах — от 0 до 8 м и от 1,5 до 18 м.

Выявленные группы необходимо поставить на учет, выделить охранные зоны. Камень KS1 с предполагаемым петроглифом возможно вывезти в музей. Работы по документации выявленных групп необходимо продолжить.

### **Благодарности**

Благодарю за помощь в выявлении и документации новых наскальных рисунков специалиста музея «Петроглифы Канозера» Павла Горбачёва, директора музея Владимира Перевалова, а также волонтеров, работавших на Канозере летом 2017 и 2018 годов: Григория Ильина, Дмитрия Канунникова, Наталью Мальцеву, Ирину Йохна, Анастасию Ильину и других. За помощь в редактировании статьи благодарю археолога Надежду Лобанову (ИЯЛИ КарНЦ РАН).

### **Список сокращений**

ГОК — горно-обогатительный комбинат

ИЯЛИ КарНЦ РАН — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

### **Список литературы**

*Иванов Ю. О.* Некоторые проблемы изучения наскальных рисунков Кольского полуострова // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 4: [Великая каменная летопись (новая находка наскальных изображений на Кольском полуострове)]. С. 23–25.

*Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

*Лихачёв В. А.* Петроглифы Канозера // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 4: [Великая каменная летопись (новая находка наскальных изображений на Кольском полуострове)]. С. 5–20.

*Лихачёв В. А.* Петроглифы Канозера: новые методы изучения и новые находки // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 9, вып.12. С. 113–120.

*Лихачёв В. А.* Петроглифы оз. Канозера: история открытия // Кольский сборник. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2007. С. 146–154.

*Лихачёв В. А.* Рисунки Канозера: открытие, изучение, сохранение / Кольский центр охраны дикой природы; Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН. Апатиты, 2011. 126 с.

*Лобанова Н. В.* Петроглифы Онежского озера. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2015. 440 с.

*Шумкин В. Я.* Новые петроглифы Кольского полуострова // Археологические открытия 1998 года. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 68–69.

*Шумкин В. Я.* Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о работах на наскальном комплексе «Петроглифы Канозера» в Мурманской области в 2008 г. / Ин-т истории материальной культуры РАН. СПб., 2009. 21 с.

*Gjerde J.* Rock Art and Landscapes: studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia. PhD: University of Tromsø. 2010. URL: [https://www.researchgate.net/publication/47421062\\_Rock\\_art\\_and\\_landscapes\\_studies\\_of\\_Stone\\_Age\\_rock\\_art\\_from\\_northern\\_Fennoscandia](https://www.researchgate.net/publication/47421062_Rock_art_and_landscapes_studies_of_Stone_Age_rock_art_from_northern_Fennoscandia) (accessed 14.01.2020).

*Janik L.* Rock art as an independent evidence of prehistoric marine hunting: the case of harpoon and float in the rock art of Eastern Scandinavian Peninsula, Russia and Bangudae, Korea // Whale on the rock / S. Lee (ed.). Ulsan: Ulsan petroglyphs museum. 2017. P. 101–109.

*Kolpakov E., Murashkin A., Shumkin V.* The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica XXV. 2008. P. 86–96.

*Likhachev V.* Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation. Adoranten // Yearbook of the Scandinavian Society for Prehistoric Art (Sweden) / Museum of Rock Carvings. Tanum. 2018. P. 48–71. URL: <http://www.rockartscandinavia.com/kanozero-petroglyphs-history-of-discovery-and-investigation-by-vadim-likhachev-aa141.php> (accessed 14.01.2020).

*Meijer E.* Structure from Motion as documentation technique for Rock. Adoranten // Yearbook of the Scandinavian Society for Prehistoric Art (Sweden) / Museum of Rock Carvings. Tanum. 2015. P. 66–73. URL: <http://www.rockartscandinavia.com/structure-from-motion-as-documentation-technique-for-rock-art-by-ellen-meijer-aa110.php> (accessed 14.01.2020).

*Poikalainen V.* Rock art of Lake Onega. Tartu, 2004. 63 p.

*Rabitz M.* Photogrammetric scanning of rock carvings. Adoranten // Yearbook of the Scandinavian Society for Prehistoric Art (Sweden) / Museum of Rock Carvings. Tanum. 2013. P. 110–115. URL: <http://www.rockartscandinavia.com/photogrammetric-scanning-of-rock-carvings-by-mette-rabitz-aa90.php> (accessed 14.01.2020).

#### *Сведения об авторе*

##### **Лихачёв Вадим Алексеевич**

аспирант факультета дизайна и искусств Университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия); специалист по сохранению объектов культурного наследия МАУК музей-заповедник «Петроглифы Канозера», пос. Умба

##### **Vadim A. Likhachev**

Post-graduate student of the Faculty of Design and Arts of the University of Lapland (Rovaniemi, Finland). The specialist for preservation of the cultural heritage, The Kanozero Petroglyphs museum, Umba town

**И. С. Пустовойт, Т. Н. Жуковская**

**ОРГАНИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА И БЫТА  
ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. С. УВАРОВА В ОТНОШЕНИИ  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ  
В 1811–1821 ГОДАХ**

**Аннотация**

Статья рассматривает деятельность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова по реорганизации обучения в Педагогическом институте в перспективе его преобразования в университет. На основе архивных материалов ведомственного и университетского делопроизводства представлены этапы создания интеллектуальной и материальной базы будущего университета: приобретение и перестройка зданий, в том числе Двенадцати коллегий, создание новых кафедр, устройство лабораторий, улучшение быта и борьба с болезнями и смертностью среди студентов.

**Ключевые слова:**

*С. С. Уваров, Санкт-Петербургский университет, Педагогический институт, реформы просвещения в первой четверти XIX века, быт студентов, здания университета, лаборатории, библиотеки.*

**Ivan S. Pustovojt, Tatyana N. Zhukovskaya**

**ORGANIZATION OF UNIVERSITY SPACE AND EVERYDAY LIFE  
OF ITS INHABITANTS: THE ACTIVITIES OF S.S. UVAROV REGARDING  
THE ST. PETERSBURG UNIVERSITY AND ITS PREDECESSORS IN 1811–1821**

**Abstract**

The article considers the activities of the Curator of the St. Petersburg educational district S. S. Uvarov in the reorganization of education at the Pedagogical Institute with a view to transforming it into a university. Based on archival materials of departmental and university office work, the stages of creating the intellectual and material base of the future university are presented: the acquisition and reconstruction of buildings, including the building of Twelve collegiums, the creation of new departments, the establishment of laboratories, the improvement of life, and the fight against diseases and mortality among students.

**Keywords:**

*S. S. Uvarov, St. Petersburg University, Pedagogical Institute, educational reforms in the first quarter of the 19th century, student life, university buildings, laboratories, libraries.*

История университетского образования в столице Российской империи в XIX веке была бы совершенно иной, если бы во главе столичного учебного округа в период либеральных реформ просвещения оказался не европейски образованный и энергичный С. С. Уваров, а кто-либо другой. Санкт-Петербургский университет был обязан ему своим статусом, общественным влиянием и даже местоположением, поскольку именно по его проекту в феврале 1819 года он был преобразован из Главного педагогического института [Жуковская, 1998; Жуковская, Пустовойт, 2019].

Насколько компетенции Уварова, его идеи и стратегии отразились на внешнем облике университета, мы рассмотрим, оценивая пространственный и бытовой аспект деятельности университетской корпорации. Пространственный аспект науки часто отступает на второй план в историописании университетов, которое остается по преимуществу институциональным и событийным. В нашем

случае изучение этой проблематики прекрасно обеспечено источниками — документами канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и обширным университетским и ведомственным делопроизводством, хранящимися в ЦГИА СПб и РГИА.

Возглавив Санкт-Петербургский учебный округ в самом конце 1810 года, С. С. Уваров отвечал за состояние всех учебных заведений округа, подведомственных МНП, в том числе за университет, который только предполагалось открыть. Круг его власти был определен «Предварительными правилами народного просвещения» (1803) и Указом об обязанностях Комиссии училищ. Попечитель представлял на утверждение министру народного просвещения кандидатуры профессоров университета и директоров гимназий, один раз в два года осуществлял осмотр училищ округа, участвовал в работе Главного правления училищ, экспертного органа при министерстве, занимался финансовой и хозяйственной частью всех учебных заведений [Галиуллина, 2010: 242; Андреев, Цыганков, 2015].

Уварову предстояла работа по созданию центра подготовки педагогов для училищ не только столичного округа, но и других округов, Главного педагогического института (далее — ГПИ), проект которого был представлен министру народного просвещения А. К. Разумовскому в 1811 году. Базой для такого центра становился Педагогический институт (далее — ПИ), который в год начала управления Уварова находился в трудных условиях. Сказывался недостаток штатных единиц профессоров и преподавателей: для 150 студентов их было всего 12, не считая 4 магистров [ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 666. Л. 1–3]. Неудовлетворительными были условия обучения, содержания и проживания казеннокоштных студентов, размещавшихся как в здании бывшей Учительской семинарии на 6-й линии Васильевского острова, так и в некоторых «покоях», отведенных институту в здании Двенадцати коллегий. Неприспособленность и теснота помещений, особенно студенческих комнат, однообразное питание вместе с перегруженностью учебными предметами становились причиной высокой заболеваемости и даже смертности студентов ПИ в 1805–1811 годах, что отражают архивные дела.

Типичной можно назвать ситуацию, описываемую в донесениях Конференции ПИ попечителю в начале 1811 года: «Конференция имеет честь донести Вашему сиятельству, что окончивший курс наук и находившийся в клинической больнице студент онаго института Григорий Стефановский 26-го минувшего февраля умер от чахотки» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 511. Л. 1]. Через два месяца Уваров вновь извещал министра народного просвещения о том, что «окончивший курс наук и находившийся в клинической больнице студент онаго института Федор Проклимантов сего 9-го апреля умер от чахотки» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 511. Л. 2]. Вскоре попечитель получил от Конференции института еще одно извещение о смерти студента: «Окончивший курс наук студент Яков Касимовский, который назначен был Конференциею в воспитанники Императорской академии наук по части естественной истории и коему позволено было начальством отправиться на время Псковской губернии к помещику Микулину для обучения детей его, сделавшись больным простудю еще до отъезда своего, сего июня 2-го дня умер в клинической больнице» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 511. Л. 4]. Все трое умерших уже окончили трехлетнее обучение в ПИ, на которое государством были затрачены немалые деньги, но оставались в ведении Института и, как можно видеть, не отличались крепким здоровьем. Кроме них за предыдущие 7 лет существования ПИ умерло, судя по архивным данным фонда 13 ЦГИА СПб, еще 8 студентов: Потакинский, Новицкий, Михайловский, Касаткин, Сурковский, Скобников, Кротков, Самарин.

Прежде всего, С. С. Уваров поставил целью улучшить условия обучения: санитарное состояние учебных и жилых помещений, размещение, а также питание студентов и их быт во внеучебное время, поскольку они жили в зданиях Института и редко их покидали. Были закуплены необходимые лекарства, по рекомендации институтского врача штаб-лекаря П. Х. Капгера переоборудован лазарет института. Во всех сложных случаях заболевших студентов отправляли в Обуховскую градскую больницу или клиническую больницу на Литейной улице, но за их состоянием осуществлялось постоянное наблюдение [Жуковская, 2010]. Кроме того, с 1811 года при зачислении в Институт более строго оценивалось физическое состояние поступающих — в перспективе предстоящих им лет обучения и последующей преподавательской деятельности. Благодаря комплексу санитарных мер и контролю за здоровьем поступающих смертность и заболеваемость студентов значительно снизились (в 1812 году умер лишь один студент Андрей Вишняков [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1082]), за последующие годы в делопроизводстве ПИ студенческих смертей во время обучения и вовсе не отмечено.

С. С. Уваров проводит ряд мер по оказанию помощи студентам, в том числе тем, кто уже окончил обучение или готовился к преподаванию в самом институте. Так, магистр Егор Сферин в своем обращении от 24 января 1811 года к Конференции института сообщал о тяжелом материальном положении: «Живя в институте один, не имея никого кто бы разделял со мной издержки на содержание, ежемесячно платя только слуге и прачке до 20 рублей и готовя себе стол не на особенной, но на казенной кухне, а при всем том не имея возможности по своим должностям давать частных уроков, я всегда находил великие невыгоды в содержании себя 57 рублями в месяц. И потому вынужден был большею частью обедать на стороне. Ныне, оставаясь при тех же должностях, я должен ежедневно быть в обеденное время дома и ходить в класс, а таким образом не могу уже получать и прежних, хотя скудных, но необходимых выгод в пропитании себя. Почему не смея испрашивать ничего другого, покорнейше прошу Конференцию по крайней мере позволить мне пользоваться казенным столом при институте, дабы при помощи этого я мог больше содействовать цели, предположенной в образовании прибывших вновь студентов» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 769. Л. 1].

С подобной просьбой обращался и студент Василий Фарфоровский, принятый на службу в ПИ: «Будучи определен для письмоводства по Конференции института сего и комитету испытаний, при нем учрежденному (то есть Комитету, организующему процедуру экзаменов на чин. — *И. П., Т. Ж.*), я получаю по обоим сим местам только 300 рублей в год. При нынешней дороговизне довольствуюсь столь малым окладом, должен я по необходимости во всем терпеть крайний недостаток. На исполнение же своих должностей употребляю не только все утреннее время ежедневно, но нередко и вечернее, занимаясь бумагами на дому. Что само препятствует мне пользоваться сторонними пособиями в содержании своем. Почему покорнейше прошу Конференцию, доколе не сделано будет мне прибавки к жалованью, об исходатайствовании мне у высшего начальства позволения пользоваться казенным столом и квартирой в институте» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 769. Л. 4]. 4 июня 1811 года С. С. Уваров отдает распоряжение, разрешая окончившим студентам, служащим при ПИ, пользоваться здесь же столом и квартирой, «до прибавки к жалованью» [Там же. Л. 5]. Это распоряжение было одобрено министром.

Пользоваться «ежели пожелают казенным столом <...> и на будущее время» за счет Института было разрешено адъюнкту зоологии Ржевскому, магистру Сферину, титулярным советникам Фарфоровскому, Арсеньеву и Левинскому, из числа окончивших ПИ в 1808–1811 годах и уже преподающих в нем [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 769. Л. 6]. Относительно Ржевского, по его просьбе, Уваров распорядился, чтобы ему «провизия отпускалась за деньги по казенным ценам», вместо готовых кушаний, с выплатой последующей компенсации из средств ПИ. Прочие же могли пользоваться «казенным столом вместе со студентами <...> в благодарность их заслуг перед институтом» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 769. Л. 7–9]. По представлению Конференции ПИ Уваров решил вопрос о размещении при Институте и выплате первоначального жалования всем студентам, вернувшимся из трехлетней заграничной командировки и начавшим преподавание [Жуковская, 2013б]. Кроме того, ПИ продолжал оказывать материальную помощь выпускникам, уже распределенным к учительским местам, в том числе в отдаленные губернии, поскольку они еще в течение 6 лет находились в ведении МНП. Такое решение проблем молодых преподавателей наглядно иллюстрирует систему отношений в ПИ как продолжение того «семейного стиля», который отличал малочисленные академические сообщества российских университетов на этапе их становления.

Что касается условий обучения, то к моменту своего реформирования ПИ не располагал помещениями, подходящими для организации учебного процесса нового уровня сложности и для серьезных занятий наукой. Здание Коллегий, где размещались аудитории и жилые помещения студентов и преподавателей, не отвечало потребностям института: крыша протекала, комнаты для студентов были сырыми, печи дымили, да и само здание нуждалось в реконструкции. По соседству, с того же входа в здание Коллегий были квартиры сенатских служащих и других посторонних институту лиц, что усложняло поддержание должного санитарного состояния и вело к нежелательным контактам студентов. Лаборатории и коллекции, необходимые для преподавания естественных наук, нигде было развернуть.

Едва вступив в должность, С. С. Уваров запросил у Конференции ПИ отчета о состоянии материальной базы учебного заведения, его зданий, библиотеки и лабораторий, о численности профессоров, студентов, магистров, о расходах и т. д. [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 985. Л. 2].

Конференция представила развернутое описание, в котором говорилось: «Педагогический институт помещается на Васильевском острове в связи (то есть под общей крышей — *И. П., Т. Ж.*) с разными присутственными местами, именующимися Коллежскими департаментами. Собственного здания не имеет. Есть еще на том же острове в 6-й линии каменный двухэтажный дом с флигелями и пристройкой на дворе деревянного строения, где сперва помещались студенты 1-го отделения института, которые распределены уже на учительские места. Дом сей принадлежит Главному правлению училищ. Ныне в сем доме помещаются три профессора, лаборант физики и письмоводитель хозяйственного комитета, часть библиотеки, часть минералогического кабинета, небольшое зоологическое строение, химическая лаборатория с кабинетом и классом для преподавания химии и хранится Государственная казна, институту принадлежащая. Сословие института состоит из преподающего эстетика, 9 ординарных профессоров, 4 магистров и одного учителя, всего из 15 человек» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 985. Л. 3–4].

В отчете давались характеристики «ученой части» институтского хозяйства, которая включала библиотеку, состоящую «из 1745 авторов, до 4860 томов» и пособий по естественной истории; минеральный кабинет, состоящий из 5 коллекций, подаренных, соответственно, статским советником Раздеришиным (200 штук), академиком В. М. Севергиным (436 штук), берг-гауптманом П. И. Медером (3000 штук), а также купленной у профессора Е. Ф. Зябловского (341 штука) и лейб-медика Крейтона (2805 штук). Среди учебных материалов числились гербарий, состоявший из садовых и оранжерейных растений, «расположенный по алфавиту Линеевых латинских наименований из 1200 растений», а также гербарий «дикорастущих прозябений, собранных студентами института в окрестностях Санкт-Петербурга, содержащий до 300 пород». По части зоологии в фондах находилось «собрание животных в 138 банках, залитых спиртом», коллекция птиц, «отчасти рисованных, но большей частью из перьев под натуру», в 115 рамках за стеклами, подаренная гоф-хирургом И. С. Орлаем, и коллекция из 200 насекомых, подаренная «бывшим попечителем, тайным советником Новосильцевым, в четырех рамках за стеклами, состоящая преимущественно из чешуекрылых насекомых или бабочек».

Кроме того, в распоряжении института были минц-кабинет, химическая лаборатория с кабинетом и «камера-обскура» (простейший оптический прибор, позволяющий воспроизводить изображение объектов). Минц-кабинет включал подаренную коллежским асессором Вертом коллекцию из 542 древних и редких монет и медалей, в числе которых были 16 золотых, 200 серебряных, медные и одна кожаная.

Любопытно, что уже в 1811 году в институте была довольно приличная химическая лаборатория, которая включала несколько помещений для опытов, хранения инструментов, посуды, термометров и реактивов. В лаборатории имелись 7 печей — 2 духовые, 2 капельные, 1 пузырьная, 1 малая и 1 большая «отражательные печи», а также аппараты для дистилляции, для растворения воды, «несколько снарядов для выпаривания из меди», пневматический аппарат, газометр и пр.

Материально-хозяйственная часть ПИ находилась в ведении особого Хозяйственного комитета, состоявшего из трех профессоров, члены которого избирались Конференцией и утверждались попечителем. На хозяйственную деятельность комитету полагался из казначейства определенный денежный фонд, комитет назначал казначея и делопроизводителя [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 985. Л. 14–16].

Расходная часть бюджета ПИ в 1811 году выглядела следующим образом (табл. 1) [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 985. Л. 13].

*Таблица 1*

Ведомость сколько и на какой предмет отпускается в институте сумм

	Рублей	Копеек
Директору, профессорам, магистрам и учителю	23100	
Секретарю конференции	600	
На содержание студентов	29973	75
На канцелярию расходы	500	
На издержки по учебной части	5600	
На пансион ученым чиновникам	600	
Итого	65773	75

Также важно отметить, что ПИ, существовавший с 1804 года как «отделение университета» и подготовляемый в 1811–1816 годах к преобразованию в главную педагогическую школу, всё еще не имел собственного здания, которое бы соответствовало его назначению, и вынужден был арендовать недостающие помещения или ютиться в мало подходящих. Институту первоначально досталась лишь часть здания Двенадцати коллегий, предназначенного для других целей и не освобожденного от занимающих его разных ведомств и служб. Эти помещения затем унаследовал Петербургский университет.

В 1809–1818 годах попечители столичного округа Н. Н. Новосильцев и С. С. Уваров активно подыскивали для университета готовый вместительный дом и параллельно обсуждали идею строительства обширного комплекса зданий в центре города на казенных землях [Столпянский, 1919: СХП–СХШ]. С. С. Уваров осматривал дом барона Раля на Мойке с целью его приобретения, но по каким-то причинам покупка не состоялась. Также обсуждался проект территориального соединения университета с Академией наук на Стрелке Васильевского острова [Жуковская, 2010: 44]. Этим проектам не суждено было осуществиться, скорее всего, из-за недостатка финансирования.

После преобразования ПИ в ГПИ Уваров снова выступил с проектом его перемещения в центр города, но проект не был поддержан, поскольку предложенный участок являлся «границей императорских садов» [Жуковская, Пустовойт, 2019: 114–116]. Университет получил постоянное пространственное существование, как известно, лишь в 1837 году, когда была закончена перестройка для него здания Двенадцати коллегий с учетом нового назначения. С этого момента университет помещался во всем здании, имел собственную просторную домовую церковь, Актовый зал, аудитории, помещение библиотеки и пр. Правда, около 20 лет, до 1859 года, Петербургский университет делил это здание со вторым Главным педагогическим институтом [Курылев, Жуковская, 2019].

Реорганизация учебно-вспомогательных подразделений ПИ осуществлялась под контролем Конференции, вникавшей во все бытовые детали. Так, 30 марта 1812 года Конференция делала представление Уварову о необходимости «по причине всегдашнего дыма переделать в институтской кухне очаг и железный над оным купол, равно вновь сделать от него вверх четыре трубы и выбелить всю кухню» и сообщала, что для этих работ «приговорены мастера за сто девяносто рублей», которые можно выдать «из остаточных сумм Института» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 1]. Своим распоряжением от 1 мая попечитель утвердил эти работы, но деньги предложил взять из суммы, отпускаемой в институт на непредвиденные издержки [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 2]. Кроме того, как он, в свою очередь, докладывал министру А. К. Разумовскому, среди необходимых «перестроек и починок в здании, ныне Педагогическим институтом занимаемом», нужно было «починить крышу, от ветхости которой делаются многие течи, исправить кухню, отделать несколько квартир для чиновников, переменить спальные комнаты студентов, перевести домашнюю больницу в иные покои», сделать «другие распоряжения для внутреннего устройства и чистоты» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136. Л. 1].

Назначенный директором института Е. А. Энгельгардт по поручению попечителя к июню 1812 года подготовил записку о необходимых перестройках и ремонтах в здании Коллегий. Он сообщал, что, «осмотрев помещение и расположение оногo, <...> нашел в сем последнем некоторые значительные неудобства, требующие неотлагательного исправления». Директор указывал на недостаток «квартир для чиновников Института», а главное, «комнат, в которых

студенты в свободные от классов часы могли бы собираться как для упражнения себя в учебных предметах, так и для бесед между собою или с проходящими к ним в воскресные часы посетителями». Он обращал внимание на «недостаток места для хранения архива и письменных дел Института, которые по сей причине должны храниться у секретаря Конференции, от чего <...> нередко произойти могут великие проволочки и потеря времени». Кроме того, Энгельгардт отмечал, что «расположение спален в покоях, не имеющих ни свежего воздуха, ни довольного света, должно иметь весьма вредное влияние на здоровье студентов. К тому же спальни разделены в разных частях дома и, не имея близкого между собою сообщения, нужный надзор делается весьма затруднительным» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 1].

Директор предложил значительно расширить помещения, занимаемые студентами, отделить комнаты для дневных занятий от спален, обустроить помещения для отдыха и свободного общения студентов. Он, в частности, писал: «Относительно важнейшей и нужнейшей из сих статей, расположения спален, я считаю весьма удобным поместить оные в длинную галерею, ныне столовою занимаемую, так как сие уже сделано в другой таковой же галерее. При сем одна из занятых ныне под буфет двух комнат должна быть назначена для дежурного смотрителя, а другая обращена быть может в гардероб для хранения лишних студенческих вещей и для умывания. По исчислению моему в сих двух галереях свободно поместить можно сто кроватей, так чтобы перед каждою оставалось еще около  $\frac{1}{2}$  аршина места. Таковым перемещением спален в галереи очистятся ныне под спальни занимаемые комнаты, которых с включением проходных передних имеется 13». Речь идет о здании Коллегий и нижней галерее его центральной части, которая впоследствии была перестроена. Места для спален, по проекту Энгельгардта, отделялись от столовых и буфетов, выделялись помещения для кладовой, «в которой также настоят великая надобность», одно помещение предлагалось «оставить в виде общей передней для свободного сообщения». Еще 4 комнаты, «на площадь выходящие (то есть на современную Менделеевскую линию. — *И. П., Т. Ж.*), <...> употребить на пребывание студентов в не классное время», — писал Энгельгардт. Отведение нескольких помещений для внеаудиторных занятий и общения довольно многочисленного контингента студентов директор считал необходимым «для здравия молодых людей». Прежде студенты все внеучебное время проводили в своих тесных спальнях, не имея мест для сидения, кроме кроватей. При новом порядке «воздух в спальнях мог быть в течение дня и больше всего вечером переменяемым и очищаемым открытием окошек и проч. Сего теперь сделать невозможно, потому что студенты не имеют никакого убежища, кроме спален. С другой стороны, нет возможности, чтобы студенты, сидя всегда на кроватях своих, имели бы как постели, так и платье свое в должной опрятности и чистоте; равным образом нет также и возможности, чтобы молодые люди, будучи лишены всех удобностей, возымели охоту упражняться учебными предметами» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 3].

Важно также, считал Энгельгардт, что, отведя для дневных занятий студентов просторные помещения «и устроив в оных столы с ящиками, в которых могли бы, каждый особенно, хранить нужные им книги и бумаги, ожидать и требовать можно, чтобы занимались они полезным образом и чтобы все вещи их содержались в надлежащем порядке. Впрочем, помещение здесь студентов на несколько часов дня не мало не препятствует расположить в шкафах по стенам

часть библиотеки, а именно ту, которая наиболее во всегдашнем употреблении» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 3–4]. Можно заметить, что предложение о разделении внеаудиторного пространства на дневную и ночную зону, с приданием «дневной» зоне всех атрибутов зоны для продолжения научных занятий или свободного общения, выдержано в духе просвещенной педагогики конца XVIII века.

Для помещения архива Е. А. Энгельгардт предлагал «определить одну из комнат, ныне библиотекою и минеральным кабинетом занимаемых, и в коих собирается Конференция». Библиотеку же «по теперешнему ее пространству» он рассчитывал поместить в остающихся двух комнатах с расположением части ее в комнате «для репетиций и обыкновенного пребывания студентов». Отведенная для архива комната должна была служить и кабинетом директора, или, как писал Энгельгардт, «пристанищем во время приезда моего в Институт для рассмотрения письменных дел и бумаг, которые, по мнению моему, должны всегда оставаться при Институте». А «для свидания с теми из особ, к Институту принадлежащих, которые могут иметь какую-либо надобность в личном со мною объяснении, для большей же удобства и дабы частым проходом через аудиторию не прерывать лекций, нужно будет открыть заделанную ныне дверь, выходящую в одну из вновь назначенных столовых».

Директор разрабатывает ряд мероприятий, существенно улучшающих состояние вспомогательных учреждений ПИ. Во-первых, пишет он, «больницу считаю я удобным перенести в часть галереи, которая ныне служит спальней для некоторых из студентов. Будучи совершенно отдалена от прочих комнат, галерея сия для больницы весьма удобна. Перемещением же ее выигрывается три комнаты и одни сени, из коих с малыми издержками сделать можно две небольшие квартиры для одиноких чиновников». Во-вторых, директор предлагал «привести всю кухню в лучший вид и вообще устроить ее так, чтобы можно было удобно наблюдать в оной чистоту и опрятность». Для этого «очаг перенести от наружной стены в середину кухни, сам же очаг устроить по правилам графа Румфорда (Б.-Т. Румфорд — англо-американский изобретатель, теплофизик. — *И. П., Т. Ж.*) обделанными котлами, от чего кроме совершенной чистоты, произойдет нарочитое сбережение дров. Сверх того, нужно будет еще устроить особенный маленький очаг для приготовления кушанья для больных, а для сбережения дров плоскую пирожную печь для пирожного и разного поджаривания, на что ныне употребляется большая хлебная печь. А дабы прибавить в самой кухне свету, то предполагаю я на средней стене, где теперь стоит очаг, сделать большое венецианское окошко» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 4–5].

Техническое усложнение проекта и множественные перепланировки, удорожающие его стоимость, оправдывались соображениями гигиены и важности создания условий для более свободных и углубленных занятий студентов вне аудиторий. Впрочем, Энгельгардт пояснял, что найден субподрядчик, готовый выполнить за те же деньги более сложные работы: «Хотя всем сим и прибавилось почти вдвое против подряженной прежде за 150 рублей работы, однако сыскался подрядчик, который приемлет на себя исправить всю со включением сего прибавка работу за самую ту цену, которая прежде условлена была, заплатив от себя прежнему подрядчику за начало им сделанное, сколько по расчету придется» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 6].

В своем проекте директор Института разработал детальную схему перепланировки имеющихся площадей с расширением пространства для квартир профессоров, о чем написал в докладе: «Считаю я удобным обратить равномерно в жилье большую комнату, подле квартиры профессора Кукольника находящуюся, которая хотя сначала и назначена была для оптического класса и устройства камеры обскуры; но по положению ее, как удостоверяет сам Кукольник, к сему совсем неудобна. Комната сия по пространству с некоторую отделкой дает довольно просторную квартиру для помещения одного или двух неженатых чиновников. Таковую же квартиру устроить можно над классной залой первого отделения, которая для числа слушателей от 30 до 40 человек слишком высока и потому в зимнее время холодна бывает<sup>1</sup>. Сими способами прибудет вновь четыре квартиры для одиноких чиновников. Что же касается до двух вновь приобретенных квартир в верхних этажах, то можно бы оные устроить нераздельно для двух семейных чиновников. Для хозяйственной же удобства как сих, так и двух прежних таковых же квартир, в сем же этаже профессорами Лодием и Кукольником занимаемых, нужно будет на чердаке устроить 4 довольно просторных чулана из досок, для всякой поклажи и дабы можно было легко всегда содержать лестницы в надлежащей чистоте» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 3–6]. Это описание показывает, что с начала 1810-х годов большая часть преподавателей ПИ, а впоследствии университета, компактно проживали в здании Коллегий (это подтверждают и адресные книги Петербурга), рядом со студентами, что делало академическое сообщество более монолитным, а пространство деятельности и быт «ученого сословия», в которое вписывались и студенты — общими.

Сообщив о выявленных неудобствах в здании Коллегий и предложив оптимальные перестройки, Е. А. Энгельгардт к 19 июня 1812 года, подготовил общую сметную документацию на проведение работ на сумму 7678 рублей [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 8]. Он настаивал на скорейшем рассмотрении проекта и начале его выполнения, поскольку июль «благоприятствует успешному производству работ». В тот же день он получает одобрение Уварова на реализацию проекта [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 9].

С. С. Уваров направил предложения Энгельгардта и смету строительных работ в зданиях ПИ на утверждение министра А. К. Разумовского, прибавив: «Издержку сию я считаю необходимой, ибо если и приобретен будет новый дом для института, то прежде двух или трех лет, считая со времени приобретения его, нельзя им будет совершенно воспользоваться, и институт будет оставаться в нынешнем здании, которое так ветхо и запущено, что внутренний порядок института и даже здоровье студентов весьма от того страдают» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136. Л. 2–3]. Рассмотрев проект, А. К. Разумовский 23 июня ответил Уварову, что строительные работы на сумму свыше 7 тысяч рублей из хозяйственных сумм ПИ нужно согласовать с Комитетом министров. Не предлагая уменьшить сумму издержек, он просил составить новую смету. «Впрочем, — добавлял он, — желательно было бы сделать перестройки и починки только самые необходимые,

---

<sup>1</sup> О «большой зале», впоследствии перестроенной, где читались лекции не только 1-му отделению студентов, но и публичные лекции для всех желающих, вспоминал бывший профессор эстетики И. И. Мартынов, предшественник Энгельгардта в статусе руководителя ПИ [Записки И. И. Мартынова, 1872: 133–135].

как потому что Институт временно помещается в нынешнем здании, так и для того, что, хотя при Институте находятся экономические суммы, но они потребуются на содержание самого Института; почему с истечением сроков настоящих контрактов на разные по оному поставки, цена вещам несравнимо превзойдет ту, что по штату института назначена и в оный отпускается». Последняя фраза отражала беспокойство высших чиновников по поводу начавшейся войны и неизбежной инфляции [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 11]. 9 июля 1812 года Комитет министров утвердил ходатайство попечителя о перестройках в Институте на сумму до 7000 рублей, которые дозволено было «употребить из экономических сумм института» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136. Л. 10].

Этот первый значительный проект перестройки здания Коллегий под нужды обучения осуществить в полной мере не удалось, по обстоятельствам военного времени. Ввиду нехватки средств было решено исправить только «самое важное», но и эти работы вскоре пришлось остановить, поскольку уже в сентябре 1812 году было принято решение об эвакуации Института из-за возможного движения неприятеля к столице. План эвакуации, разработанный Уваровым, хроника переезда 120 человек студентов и преподавателей водным и сухим путем и пребывания их в Петрозаводске находят отражение в непрерывной переписке попечителя с директором Е. А. Энгельгардтом. Во время четырехмесячного пребывания в дороге и в месте эвакуации учебная деятельность Института не прерывалась, а часть книг, приборов и даже мебели, привезенных с собой эвакуированными, были оставлены Олонецкой губернской гимназии [Жуковская, Калинина, 2012].

К решению хозяйственных вопросов стало возможно вернуться только в 1815 году. Но отпущенный на ремонт помещений ПИ в здании Коллегий фонд был уменьшен в два раза. В инструкции министра А. К. Разумовского Уварову было указано о выделении лишь 3373 рублей «на необходимо нужные переделки и починки» в покоях, «занимаемых здешним Педагогическим институтом в здании старых коллегий» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1656. Л. 2]. «Ветхость здания» и непригодность для «принятия в институт полного количества учащихся» требовали ускорить работы. Уваров снова предложил Конференции объявить торги и найти подрядчика, который бы взялся за выполнение ремонта института по приемлемой цене, поскольку прежняя сумма в 7595 рублей стала «отяготительной для институтских расходов» [Там же: Л. 5]. В перестройки он просил включить лишь то, без чего в ближайший учебный год нельзя было обойтись, а затем снова провести торги для определения общей суммы расходов [Там же: Л. 6].

5 ноября 1815 года Хозяйственный комитет докладывал Конференции, что по результатам проведенных торгов, в которых участвовали «санкт-петербургский мещанин Галакшин, мещанин Серебряков и санкт-петербургский купец Добрецов, за всю работу по проекту, «последний цену объявил 3600 рублей, что больше архитектурской сметы в 227 рублей» [Там же: Л. 3]. Уваров дает согласие на заключение подряда с купцом Добрецовым на указанную сумму расходов и распоряжается «сверх сметы 227 рублей купцу Добрецову выдать из доходов институтских текущего 1816 года» [Там же: Л. 7].

Одновременно по инициативе С. С. Уварова начинаются работы по благоустройству и ремонту территории, прилегающей к зданию Коллегий. Это было вызвано «требованиями полиции о починке мостовой напротив здания института», которая, как и освещение этого участка, находилась в ведении ПИ,

а не городской думы. 2 июля 1815 года Хозяйственный комитет сообщал, что «крестьянин графа Воронцова Федор Тимофеев» по итогам торгов «определил цену 220 рублей со всем казенным материалом» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1621. Л. 1]. С. С. Уваров утвердил этот подряд и сумму вознаграждения «крестьянину Федору Тимофееву для починки мостовой напротив института за объявленную им цену» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1621. Л. 2]. Таким образом, в летние месяцы 1815 года минимальное благоустройство и перестройка здания под нужды Института были сделаны.

В исследованиях пространственно-временных характеристик университетских сообществ делается акцент на нормативном упорядочении времени университета посредством расписания, на определении циклов внутри всего срока обучения, каждого учебного года, недели, дня. Мы имеем возможность представить организацию преподавания в ПИ детально, со всеми ее особенностями, благодаря тому, что в первый же год попечительства Уваров вел постоянную переписку с Конференцией по поводу оптимизации преподавания: это были корректировки содержания обучения, утверждение нового учебного плана, распределение предметов между отделениями и приглашение новых профессоров.

Важной задачей, по мнению Уварова, был пересмотр содержания преподаваемых предметов и учебных программ ПИ. Попечитель начал заниматься этим уже в январе 1811 года и предложил Конференции «сделать надлежащее распоряжение относительно распределения предметов, составляющих предварительный курс наук в Педагогическом институте, между профессорами и часов для преподавания, назначая при том для русского и латинского языков во всякий учебный день по часу для каждого и принимая в уважение, что успехи студентов весьма много зависят от хорошего расположения времени. А что касается до Закона Божьего, назначаемого вновь между предметами, о сем приняты будут впоследствии надлежащие меры» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 1]. Список предметов, составлявших предварительный курс наук в Педагогическом институте, иллюстрируют данные (табл. 2) [Там же: Л. 2].

*Таблица 2*

Список предметов, составлявших предварительный курс наук  
в Педагогическом институте

Предмет	Примечание
Закон Божий	
Логика	Эти три предмета неразлучны
Метафизика	
Этика	
Всеобщая история	Особенно Российского государства
Всеобщая география	
Общая естественная история	
Начальные правила математики	
Латинский язык	Грамматика
Русский язык	
Французский язык	Словесность
Немецкий язык	

Вскоре Конференция представила попечителю проект расписания с распределением занятий по дням недели, обозначением предметов и имен читающих их профессоров, с указанием количества часов на каждый предмет. Вышло так, что некоторые профессора оказались не задействованными в преподавании, к примеру, профессор политических наук М. А. Балугьянский, профессор статистики К. Ф. Герман, профессор химии А. И. Шерер. Но они оставались загружены как члены Комитета испытаний, а профессор К. Ф. Герман также и как член Хозяйственного комитета [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459]. При распределении учебных занятий с включением и рисования как «предмета необходимого» получилось, что российской словесностью воспитанники заниматься должны были в неделю 6 часов, латинской также 6, французским и немецким языками, как и математикой, по 4 часа; на общую естественную историю отводилось 2 часа, на общую географию и, в частности, российскую, как и на философские науки — по 2; Закон Божий и рисование преподавались также по 2 часа в неделю. У студентов было по 6 часов занятий ежедневно [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 3].

Расписание часов и преподаваемых в ПИ учебных предметов, иллюстрирует предлагаемая ниже табл. 3 [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 6].

Таблица 3

Расписание часов и учебных предметов,  
преподаваемых в Санкт-Петербургском педагогическом институте

Дни	Поутру		После обеда	
	от 8 до 10 ч	от 10 до 12 ч	с 14 до 15 ч	с 15 до 16 ч
Понедельник	Философия	Математика	Российская словесность	Латинский язык
Вторник	Российская словесность (8–9) Латинский язык (9–10)	География	Рисование и черчение	
Среда	Французский язык	Общая естественная история	Российская словесность	Латинский язык
Четверг	Немецкий язык	Французский язык	Российская словесность	Латинский язык
Пятница	Закон Божий	Математика	Российская словесность	Латинский язык
Суббота	Немецкий язык	Всеобщая история, в частности, российская	Российская словесность	Латинский язык

Как видно по табл. 3, учебный день в ПИ разделялся на две части: от 8 до 12 утра и после обеда — от 14 до 16 часов. В день проводилось по три-четыре занятия, устанавливалось шесть учебных дней в неделю. Эта традиция распределения учебного времени сохранилась потом в университете, по крайней мере, до конца 1830-х годов. Позже, в 1812–1815 годах, было расширено преподавание черчения и рисования в 1-м отделении ПИ, то есть для заканчивающих курс обучения [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 750. Л. 1–2].

Вскоре попечитель, озабоченный отсутствием законоучителя «в том важном месте, каков Педагогический институт, где готовятся наставники юношества», представил министру А. К. Разумовскому собственный проект преподавания Закона Божьего [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 4–7]. Считая, что «закон божий есть душа истинного просвещения», Уваров ставил высокие требования к личности законоучителя. Он писал: «Преподающий должен сам быть убежден в святости религии, чувствовать всю важность возложенной на него обязанности, должен быть убежден, что одна только история церкви может пролить свет на всемирную историю» [Там же: Л. 6]. Проект был одобрен министром, в качестве законоучителя в ПИ был приглашен священник Владимирской церкви, выпускник Московской славяно-греко-латинской академии, протоиерей Симеон Платонов.

Полный курс обучения в ПИ составлял по-прежнему три года. Учебный год начинался в августе, заканчивался в июне. В ПИ, помимо выпускников духовных семинарий, предполагалось принимать учеников, окончивших гимназии. В первой половине 1811 года в Институте обучалось 80 человек, в процессе набора, к августу, количество студентов возросло до 100. Через три года был произведен новый набор студентов.

В течение 1818 года, уже после преобразования ПИ в ГПИ, по инициативе Уварова там организуются публичные курсы для вольнослушателей и тех, кто желал поступить в будущем в университет. 26 марта 1818 года Конференция ГПИ представила попечителю расписание этих курсов [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 203. Л. 1], которое было впоследствии утверждено министром. В дальнейшем публичные курсы открывались регулярно, это повышало авторитет ГПИ, а затем и университета. Их расписание составлялось для каждого факультета. Расписание публичных курсов на 1818 год отражено в табл. 4 [Там же: Л. 2].

Таблица 4

Расписание публичных курсов на 1818 год

Дни/Часы	От 4 до 7 часов пополудни		
Понедельник	От 4 до 5 — естественное и уголовное право, <i>Куницын</i>	От 5 до 7 — арифметика и геометрия, <i>Чишов</i>	
Вторник	От 4 до 5 — естественное и уголовное право, <i>Куницын</i>	От 5 до 7 — начальные основы физики, <i>Соловьёв</i>	
Среда	От 4 до 5 — французская словесность, <i>Тилло</i>	От 5 до 7 — римское и российское право, <i>Кукольник</i>	
Четверг	От 4 до 6 — российская словесность, <i>Бутырский</i>	От 6 до 7 — немецкая словесность, <i>Раунах</i>	
Пятница	От 4 до 5 — логика, <i>Галич</i>	От 5 до 6 — политическая экономия, <i>Плисов</i>	От 6 до 7 — всеобщая и всероссийская статистика, <i>Герман</i>
Суббота	От 4 до 5 — всеобщая и российская география, <i>Арсеньев</i>	От 5 до 7 — всеобщая и российская история, <i>Рогов</i>	

Из табл. 4 видно, что в расписании публичных курсов отсутствует преподавание Закона Божьего, но оно включает основные предметы университетского курса, по которым чиновникам надлежало выдержать экзамен.

Организация учебного процесса требовала решить проблему недостатка учебных пособий. Этот недостаток восполнялся путем разовых или систематических закупок книг. Так, 7 марта 1812 года Конференция ПИ представила на рассмотрение попечителя обращение профессора-классика Ф. Б. Грефе, который «для успешнейшего преподавания» латинского языка просил снабдить воспитанников нужными пособиями, «как-то: Латинскими лексиконами, Латинскими грамматиками и по несколько экземпляров сочинения Горация и Саллюстия». Конференция сделала представление о необходимости покупки «10 экземпляров Латинских лексиконов и по 30 экземпляров каждой из прочих упомянутых книг» из сумм, «на учебную часть Института назначенных» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 780. Л. 1]. 8 марта Уваров дал согласие на закупку учебных пособий, что могло улучшить постановку преподавания латыни, без которой он не представлял университетского преподавания [Там же: Л. 2]. Впоследствии в 1819–1821 годах он настойчиво внедряет латинский язык, требуя знания его от поступающих. Пополнение библиотеки повышало статус и образовательные возможности ПИ как «отделения университета».

Изменение структуры преподаваемых наук требовало создания новых кафедр, что было закреплено Уставом ГПИ, утвержденным в декабре 1816 года. В 1816 году была открыта кафедра российской словесности (ранее преподавание этого предмета было совмещено с преподаванием эстетики). Уваров сообщал министру А. К. Разумовскому, что «он полагает необходимым учредить при Санкт-Петербургском Педагогическом институте особую кафедру российской словесности, которой «доселе не было», и назначить на нее ординарного профессора, служащего при Главном правлении училищ, бывшего профессора Санкт-Петербургской духовной семинарии, коллежского асессора Толмачёва», с жалованьем 1500 рублей в год [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 169. Л. 1]. Я. В. Толмачев, питомец Харьковского коллегиума, впоследствии в течение 4 лет преподавал в Киево-Могиланской духовной академии философию, догматическое и нравственное богословие, герменевтику, церковную историю, чтение Священного писания, высшее российское и латинское красноречие, одновременно с «еврейским, греческим, немецким и французским языками, чистой и смешанной математикой, экономией, гражданской историей и географией, с успехом превосходным» [Там же: Л. 3–4]. Иначе говоря, Толмачёв представлялся универсальным преподавателем и Уваров возлагал на него большие надежды, которые впоследствии не оправдались.

В марте 1818 года открываются две кафедры восточных языков с приглашенными из Франции преподавателями — Ш. Деманжем и Ф. Шармуа. Оба молодых француза были приглашены на должности ординарных профессоров самим Уваровым, по рекомендации знаменитого ориенталиста А. И. Сильвестра де-Саси. Деманж обучал арабскому и армянскому языкам, а Шармуа персидскому и турецкому, молодым ученым сразу же было положено полное профессорское жалование в размере 2000 рублей и 500 рублей квартирных денег [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 235. Л. 2].

Попечитель уделяет много внимания созданию кафедры астрономии, причем, еще до преобразования ГПИ в университет. Так, в октябре 1818 года Уваров пишет министру А. Н. Голицыну: «В учреждении Главного Педагогического института не сделано никакого распоряжения касательно астрономии, хотя сия

важная наука входит в состав и занимает первое место в кругу наук математических» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 202. Л. 1]. Он обращает внимание, что вообще в России, в том числе в Академии наук, эта отрасль науки находится в шатком положении: «На сей предмет теперь не находится никаких пособий для желающих посвятить себя сей науке, так что если б мы лишились Шуберта и Вишневого, то не имели бы никакого способа их заменить». Он предлагает «в отвращение сего значимого неудобства» учредить при ГПИ кафедру астрономии, «с препоручением ее академику Вишневскому, имеющему сверхобширные познания и способность преподавать на русском языке» [Там же: Л. 2]. Попечитель подкреплял свое предложение тем, что теоретические занятия профессор может сочетать с практическими в академической обсерватории, находящейся «частно в ведомости Вишневого». Обращаясь в Главное правление училищ и к министру, Уваров ходатайствовал о назначении Вишневскому полного профессорского жалования в размере 2000 рублей [Там же: Л. 8]. В. К. Вишневский был родом из Речи Посполитой, в 1803 году был приглашен в Академию наук на должность помощника директора обсерватории и вскоре, благодаря своему уникальному зрению, был признан одним «из самых ревностных и искусных астрономов-наблюдателей». С 1806-го по 1815 год по поручению Академии наук он объехал всю европейскую Россию, определил широту и долготу около 300 важнейших географических пунктов [Григорьев, 1870: 23–24]. Таким образом, ГПИ, а потом и университет получили кафедру астрономии, которая на тот момент не во всех действующих университетах была замещена.

Вишневскому приходилось не только наставлять студентов в практическом наблюдении, но и приобретать астрономические приборы. Так, в связи с прошением вдовы академика П. Б. Иноходцева, поданном на имя министра в декабре 1818 года, о приобретении оптических инструментов ее мужа Вишневский был назначен экспертом и способствовал оценке и приобретению для ГПИ «двухфутового телескопа с микрометром», «трехфутовой ручной трубы» и «астрономических часов» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 52]. После осмотра Вишневский высказал заключение, что все инструменты сделаны известными иностранными мастерами, находятся в хорошем состоянии и нуждаются только в чистке. Что касается до их практического употребления, то, по мнению эксперта, они могли быть помещены в музей одного из высших учебных заведений или лицея и служить для преподавания «начальных оснований астрономии и космографии». За телескоп двухфутовый «работы известного английского художника Джеймса Шорта, который стоил по прейскуранту 35 гиней, ныне, поскольку уже несколько был в употреблении», Вишневский предложил уплатить владелице 400 рублей; за прилагающийся к телескопу «гелиометр простой», который у Шорта стоил 15 гиней, было предложено «только 150 рублей», за «трехфутовую ахроматическую трубу Доллондову» — 70 рублей, за часы астрономические работы известного французского часового мастера Лепота — 300 рублей. Итого: 920 рублей» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 53]. Однако отсутствие свободных сумм помешало ГПИ и Петербургскому университету самому купить эти приборы у вдовы П. Б. Иноходцева. Главное правление училищ предложило приобрести их Харьковскому университету, в котором, как было сказано, «ныне будет находиться и профессор астрономии» (то есть была открыта и замещена соответствующая кафедра).

Новые дисциплины, по расчетам Уварова, могли привлечь новых обучающихся. Если иметь в виду, что в ГПИ астрономия и восточные языки

не были необходимостью, поскольку учителям не приходилось преподавать их в гимназиях, то этот эпизод можно считать отражением долгосрочных планов попечителя в отношении открытия в столице полноценного университета.

В этой перспективе под руководством профессора М. Ф. Соловьева и его помощников была реорганизована и Химическая лаборатория [Жуковская, 2017: 296–297]. Еще в 1818 году Главное правление училищ по представлению Уварова распорядилось выделить из экономических сумм Департамента народного просвещения 2829 рублей на ее обустройство в «Островском» доме Департамента (старом здании с пристройками на 6-й линии, о котором уже упоминалось). Перестройка здания для нужд химической лаборатории была поручена архитектору Шретеру, который должен был «представить комитету счет издержкам» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19. Л. 74–75]. К 1821 году в университете была оборудована полноценная лаборатория аналитической химии, позволявшая студентам вести научно-исследовательские работы, были закуплены необходимые приборы и реактивы.

«Топос» и «хронос» университета представляют собой конструируемое символическое пространство, которое соотносится с видимой и используемой суммой объектов. Для Петербургского университета визуальное и материальное пространство существования было оформлено в десятилетие попечительства С. С. Уварова. Его визуальные и ценностные границы (здания, интерьеры, библиотеки, естественнонаучные музеи, коллекции, лаборатории и проч.) были в это время существенно расширены, что позволило этому материальному комплексу в дальнейшем стать основой для академического роста. Было упорядочено и время универсантов, которое становилось все более насыщенным научными занятиями.

#### **Список сокращений**

ГПИ — Главный педагогический институт  
МНП — Министерство народного просвещения  
ПИ — Педагогический институт  
РГИА — Российский государственный исторический архив  
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив  
г. Санкт-Петербурга

#### **Список источников**

Записки И. И. Мартынова // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, изданный В. Кашпиревым. СПб.: Тип. Майкова, 1872. Ч. 2. Паг. 2. С. 276–390.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Журналы по Главному правлению училищ за 1819 год.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19: Журналы по Главному правлению училищ за 1820 год

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Дела об утверждении расписания.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136. Л. 1. Дело о перестройке здания Педагогического института. 17 июня — 30 июля 1812 г.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 169. Дело об учреждении при Педагогическом институте кафедры русской словесности и о назначении на эту кафедру профессора Я. В. Толмачева.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 202. Дело об учреждении в Главном педагогическом институте кафедры астрономии и о поручении преподавания астрономии академику В. К. Вишневному.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 203. Дело о разрешении устройства при Главном педагогическом институте публичных курсов.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 235. Дело о награждении орденами профессоров Петербургского университета И. Ф. Деманжа и Ф. Ф. Шармуа.

ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 666. Именной список чиновников Педагогического института для помещения в Адрес-календарь Академии наук. Октябрь 1810. Л. 1–3.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 769. Л. 1. О разрешении преподавателям института на пользование казенным столом.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 985. О числе комнат в здании Государственных коллегий, занимаемых институтом.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1621. О починке мостовой перед зданием института.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1656. О выделении денег на ремонт здания института.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. О расписании учебных предметов для предварительного курса.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 511. О смерти студентов Спб. Педагогического института.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 750. Об обучении воспитанников Педагогического института рисованию и черчению.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 780. О покупке для студентов Педагогического института 10 экз. латинских лексиконов и по 30 экз. грамматик и сочинений Горация и Саллюстия.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 825. Л. 1. О переделках и починках комнат, занимаемых Педагогическим институтом в связи старых коллегий.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1082. О смерти студента Андрея Вишнякова.

### **Список литературы**

*Андреев А. Ю. Цыганков Д. А.* Попечитель императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История, история русской Православной церкви. 2015. № 4 (65). С. 70–97.

*Галиуллина С. Д.* Деятельность попечителя учебного округа // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 1. С. 24–244.

*Григорьев В. В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. 432, 96, СХХП, 15 с.

*Жуковская Т. Н., Калинина Е. А.* Эвакуация Петербургского педагогического института в 1812 году // 1812 год в судьбах России и Европы: сб. тр. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2012). СПб.: Фонд «Европейское наследие», 2012. С. 135–145.

*Жуковская Т. Н.* Петербургский университет в городском пространстве первой трети XIX в. // Социальная история. Ежегодник. 2009 / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2010. С. 45–46.

*Жуковская Т. Н.* Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // Клио: журн. для ученых. 2013а. № 10 (82). С. 15–25.

*Жуковская Т. Н., Пустовойт И. С. С. С.* Уваров и его проекты 1811–1821 гг. (к 200-летию преобразования Главного педагогического института

в университет) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. № 7, вып. 17. С. 113–129.

*Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Петербургского университета // Очерки по истории Петербургского университета. Вып. VII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 56–74.*

*Жуковская Т. Н. Химия в Петербургском университете в первой трети XIX в.: границы науки и ее представители // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XXXVIII Междунар. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (30 октября — 3 ноября 2017 г.). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2017. С. 296–297.*

*Жуковская Т. Н. Peregrinatio academica: подготовка профессорантов Санкт-Петербургского университета в Европе в начале XIX в. // Вестник СПбГУ. 2013б. № 3. С. 30–42.*

*Курьлев С. С., Жуковская Т. Н. Главный педагогический институт (1828–1859): проблемы административной и социальной истории // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. № 7, вып. 17. С. 130–143.*

*Столянский П. Н. К истории зданий Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет в первое столетие. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Пг.: 2-я Государственная тип., 1919. Т. I: 1819–1835. С. CVII–CXLVII.*

#### ***Сведения об авторах***

##### **Пустовойт Иван Сергеевич**

магистрант

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

##### **Жуковская Татьяна Николаевна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

##### **Ivan S. Pustovoit**

Undergraduate of Institute of History of Saint-Petersburg State University

##### **Tatyana N. Zhukovskaya**

PhD (History), Associate Professor of the Institute of History of Saint-Petersburg State University

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.008

УДК 378. 94 (47)

#### **А. В. Ашихмин**

### **НЕМЕЦКАЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА В ПРОФЕССОРСКОЙ КОРПОРАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

#### **Аннотация**

Рассматриваются процессы социального и профессионального взаимодействия немецких профессоров внутри академического пространства на примере Санкт-Петербургского университета в первой трети XIX века. Дано представление о жизни и деятельности преподававших здесь немецких ученых с учетом

новейшей историографии и малоизученных неопубликованных источников. Произведена попытка осмыслить скрытые и явные конфликты, возникавшие между немецкими и местными профессорами, по вопросам университетской жизни. Сделан вывод о том, что немецкая наука в значительной степени повлияла на становление традиций отечественной высшей школы в первой трети XIX века.

**Ключевые слова:**

*немцы в России, немецкие профессора, Санкт-Петербургский университет, русско-немецкие академические связи, немцы в Санкт-Петербурге.*

**Andrey V. Ashikhmin**

**GERMAN ETHNO-CONFESSIONAL GROUP  
IN THE PROFESSORIAL CORPORATION OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY  
IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY**

**Abstract**

The article examines the processes of interaction between German professors and Russian academic reality on the example of St. Petersburg University in the first third of the XIX century. It gives a vision of life and work of the most prominent German professors, taking into account the latest historiography and little-studied unpublished sources. An attempt is made to understand the cultural and social interaction between German and local professors in the framework of University life. It is concluded that German science significantly influenced the formation of the traditions of the Russian higher school in the first third of the XIX century.

**Keywords:**

*Germans in Russia, German professors, St. Petersburg University, Russian German academic relations, Germans in St. Petersburg.*

Начиная с середины XVIII века иностранные профессора в российских университетах играли довольно большую, если не решающую роль в формировании профессиональной корпорации. В первую очередь этот процесс был обусловлен тем, что немецкая модель университета являлась своего рода эталоном для развития научно-педагогических учреждений на территории Российской империи. Иностранные профессора, по приблизительным подсчетам современных исследователей, составляли около 40 % от общего состава профессорских сообществ Московского, Казанского, Харьковского и Петербургского университетов [Феофанов, 2011: 12]. Несмотря на то, что данная статистика нуждается в серьезном уточнении по отношению к каждому отдельно взятому университету (включая Виленский и Дерптский с их давними европейскими традициями и, как следствие, бóльшим числом иностранных профессоров в составе), она в полной мере отражает состояние европеизации университетов Российской империи в рассматриваемый период, а также взаимовлияния, определившего особый путь взаимодействия иностранных и местных профессоров в условиях российской академической действительности.

Историография вопроса представляет как общие по характеру монографии, энциклопедические справочники и труды конференций, так и специальные статьи, посвященные отдельным вопросам жизни и деятельности иностранных профессоров в университетах Российской империи, в частности, в Санкт-Петербурге. К первой группе работ следует отнести труды А. Ю. Андреева [Андреев, 2009; 2004], Ф. А. Петрова [Петров, 1997], В. Г. Диц, А. В. Гарзавиной и И. А. Новицкой [Немецкие ученые..., 2004], Н. Я. Олесич [Многонациональный..., 2010], а также сборники статей, вышедшие по итогам конференций [Российское государство..., 2007; Санкт-Петербургский..., 2009]. Ко второй группе работ можно

отнести статьи Ю. Д. Марголиса [Марголис, 1995: 132–145], С. И. Посохова [Посохов, 2008: 264–276], И. П. Кулаковой [Кулакова, 2008: 190–204], Т. В. Костиной и А. А. Костина [Костин, Костина, 2014: 108–117; Костина, 2015: 400–410], Е. А. Вишленковой [Вишленкова, 2009: 83–100], Т. Н. Жуковской и К. С. Казаковой [Жуковская, 2017: 180–181; Жуковская, Казакова, 2018: 225–271] и др.

Вопрос о том, каким образом этноконфессиональный состав российских университетов влиял на трансформацию европейской университетской модели в России с учетом местных социокультурных особенностей, по-прежнему остается открытым. В заданном контексте весьма важно понять, как немецкие профессора, которые являлись самой многочисленной этноконфессиональной группой среди профессоров в Российской империи в исследуемый период, влияли на развитие университетских отношений. В данной работе мы ограничимся рассмотрением деятельности немецких профессоров Петербургского университета, не претендуя на исчерпывающее обобщение просопографического характера, что невозможно в рамках небольшой статьи.

Источниковая база изучаемой темы включает документы ведомственного и университетского делопроизводства, отложившиеся в фондах РГИА и ЦГИА СПб (мемории и журналы Конференции / Совета профессоров, служебную переписку университета с канцелярией попечителя учебного округа, отчеты, планы преподавания, конспекты студентов, формулярные списки профессоров и пр.), эго-документы (мемуары, дневники, личную переписку) и опубликованные сочинения немецких профессоров.

В конце XVIII — начале XIX вв. на территории Священной Римской империи германской нации наблюдался кризис перепроизводства научных кадров. Империя, объединявшая больше сотни различных немецких государств, не могла найти применение столь большому количеству ученых. Заметим, что этот факт не являлся решающим в вопросе высокой территориальной мобильности немецких интеллектуалов, но в контексте культурных тенденций эпохи Просвещения и раннего романтизма он был очень важен. Некоторые немецкие ученые, закончившие местные университеты, испытывали потребность реализовать свою «просветительскую миссию» в России. Тем более что форсированные реформы в сфере образования начала царствования Александра I обещали широкую возможность для личной реализации. Включение России в единое европейское образовательное пространство без немецких ученых-посредников было невозможно. В ходе трансфера немецких образовательных моделей на российскую почву происходило взаимовыгодное и эффективное взаимодействие акторов этого процесса.

Фактически, активное сотрудничество немцев с российской академической средой имеет глубокие корни, однако в реалиях начала XIX века определяющими стали два вышеупомянутых фактора перемещения ученых-немцев в Россию. В Петербурге это происходило во многом благодаря плодотворной деятельности на посту попечителя учебного округа С. С. Уварова, стремившегося организовать университет в столице на рубеже 1810–1820-х годов, следуя немецкой модели университетов [Вишленкова и др., 2012: 29].

Немецкие профессора, приезжавшие в Россию, не испытывали дефицита в общении с соотечественниками, поскольку здесь издавна существовали целые группы земляческих объединений, через которые во многом и происходила социально-культурная адаптация немцев. Особенно широко такой формат

культурной интеграции был распространен в Петербурге. Например, Христиан фон Шлецер, впервые прибыв морем в Петербург, уже знал, куда ему идти и к кому с каким вопросом обратиться. Его переписка этого времени с отцом, историком Августом Шлецером, свидетельствует о существовании «маленькой Германии» в столице Российской империи [Шлецер, 2018: 145–157].

Изучая немцев как этноконфессиональную группу в составе профессорской корпорации Петербургского университета (в 1804–1816 гг. — Педагогический институт, в 1816–1819 гг. — Главный педагогический институт), следует иметь в виду наличие особой формы связей, как социальных, так и ментальных, оформившихся в землячество, т. е. сеть неформальных объединений уроженцев отдельных немецких территорий, а также всех петербургских немцев, которая основывалась на понимании общности исторической судьбы раздробленных германских земель.

Невозможно утверждать, что немцы как-то по-особому относились друг к другу в рамках академической корпорации, но в случае «общего противника», как было в ноябре 1821 года в «деле о профессорах», они объединялись в группу, поскольку появлялась нужда вспомнить об общих исторических корнях. Во время «следствия» над обвиненными в вольнодумстве профессорами министр народного просвещения А. Н. Голицын в своих записках также объединяет двух немцев в группу: «Профессорам Герману и Раупаху дано было время и средства к оправданию, хотя учение их признавалось само по себе вредным» [РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 40. Л. 6]. Это устойчивое представление А. Н. Голицына о существовании «немецкой группы» среди профессоров находит многократное отражение в делопроизводственных текстах: «Раупаха и Германа не только отстранить [от преподавания — А. А.], но и выслать из России» [Там же: Л. 13]. В докладной записке на имя императора Александра I по «делу о профессорах» А. Н. Голицын также пишет о Германе и Раупахе, сливая их фигуры воедино с целью представить вольнодумство иностранцев как организованное течение [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 382. Л. 474–476]. Предложение о высылке из России представителей опасной и организованной группы не выглядит чрезмерно суровым, как выглядело бы выдворение одного мирного профессора.

Таким образом, с точки зрения администраторов просвещения, немцы-профессора представляли единую этническую группу. Так же мыслили их коллеги в ситуациях, затрагивающих личные интересы (во время служебных конфликтов, университетских выборов).

Приехавшие в Россию немцы-профессора, разумеется, сразу не могли приспособиться к интеллектуальной и социально-культурной обстановке принимающей среды и слиться с ней. Они продолжали отличаться ментальными и поведенческими особенностями, демонстрируя те качества, которые и определяют образ типичного представителя немецкой культуры: упорядоченность, страсть к нормированию; организационный талант; методичность, опора на авторитет как гарант порядка; честная работа на благо государства, в том числе чужого; систематичность и фундаментализм [Шубарт, 2000: 207–211].

Что касается количественных характеристик группы немецких профессоров и преподавателей, то в Петербургском университете в первой трети XIX века их доля составляла чуть меньше половины от общего состава. Такое положение сохранялось вплоть до середины 1830-х годов, когда было завершено

кадровое обновление и омоложение состава профессоров во всех русских университетах. С этого времени доля иностранцев в университетах начнет сокращаться.

В 1812 году в Педагогическом институте (далее — ПИ) было 16 профессоров. (Термин «профессора» традиционно для первой половины XIX века включает в себя весь преподавательский состав, исключая магистров: это ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкт-профессора, учителя искусств и современных иностранных языков). Из 16 членов ученого сословия 7 были иностранцами. Из них немцами на русской службе были: ординарный профессор химии А. И. Шерер (1771/1772–1824), ординарный профессор статистики К. Ф. Герман (1767–1838), ординарный профессор латинского языка Ф. Б. Грефе (1780–1851). Немцами являлись также преподаватель немецкого языка магистр Карл Шумахер и лаборант Христиан Готлиб Шрадер [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 130]. Если воспользоваться интернет-ресурсом СПбГУ «Биографический словарь профессоров» и задать хронологический диапазон 1804–1834 гг., то мы получим цифру 75 профессоров, преподававших в университете в заданный период, из них 29 — иностранцы. Однако при столь большом временном диапазоне разумеется, что многие профессора не только не преподавали в университете одновременно, но могли вовсе не знать о существовании друг друга. Так, никогда не пересекались, М. С. Куторга, вступивший в должность адъюнкта всеобщей истории в 1834 году, и немец Э. Б. Раупах, навсегда закончивший преподавание истории и покинувший Российскую империю в 1822 году. Следует принять во внимание и то, что ресурс находится в стадии доработки, поэтому не включает абсолютно всех биографий преподающих, встречаются неточности и содержательные лакуны по отдельным представленным в нем биографиям. Среди 29 иностранцев, зафиксированных в базе данных, преобладали немцы, в том числе австрийские и остзейские (14), далее по численности следуют французы (7), карпатороссы (3), англичане (2), также в университетской службе числилось по одному итальянцу, сербу и иранцу.

Наша задача заключается в том, чтобы, используя неопубликованные архивные материалы, представить деятельность наиболее известных немецких профессоров университета первой трети XIX века и выявить особенности социального и профессионального взаимодействия профессоров-немцев со всеми субъектами университетского преподавания и управления.

Рассматривая деятельность немецких интеллектуалов в университете, можно разделить их на условные «поколения», принимая во внимание возраст и время приезда в Россию. Первое поколение немцев в истории российских университетов представлено профессорами Московского университета второй половины XVIII века [Феофанов, 2011: 13], второе — действовало в период 1804–1822 гг., рамки которого ограничены началом реформ в области просвещения и формированием состава кафедр новых университетов, заканчиваясь условно «разгромами» Казанского и Петербургского университетов 1819–1822 гг., после чего количество иностранных профессоров заметно уменьшилось [Жуковская, 2019: 96–111]. Хронологические рамки деятельности в России третьего поколения профессоров можно определить между 1822 годом, временем упадка преподавания, и началом кадровой реформы С. С. Уварова 1834–1835 годов. Говоря о немцах Петербургского университета, мы имеем в виду и тех, кто начал свою карьеру в ПИ, учрежденном в 1804 году как отделение предполагаемого университета,

с соответствующими карьерными перспективами, статусами и установленными для приглашенных окладами жалования, которые были соотносимы с положением чиновников равного ранга в других университетах.

Одним из старейших в нашей выборке немецких профессоров, приехавших в Санкт-Петербург для преподавания, был Карл Федорович Герман (*Carl Theodor Hermann* — нем., 1767–1838), прибывший в Россию в 1795 году. В 1784–1788 годах Герман учился в Геттингенском университете, где занимался историей и статистикой под руководством Августа Людвиг Шлецера [Hermann, ЭР]. Как и большинство выпускников немецких университетов, оказавшихся в России в конце XVIII — начале XIX вв., К. Ф. Герман первоначально не планировал строить академическую карьеру, а был принят в качестве воспитателя детей графа Д. А. Гурьева (будущего министра финансов). Однако в Петербурге Герман быстро стал признанным специалистом по истории государственного хозяйства и педагогом. Он начал преподавать историю и статистику в Морском и Первом кадетском корпусах, затем в Екатерининском институте. Вероятно, благодаря покровительству графа А. Д. Гурьева в 1799–1805 годах К. Ф. Герман занимал должность ректора академической гимназии, вплоть до ее упразднения. Его публикации по государственной и полицейской статистике России, выходявшие на немецком и русском языках, были высоко оценены Академией наук. 27 марта 1805 года Герман был избран адъюнктом Академии по разряду политической экономии и статистики [Иностранные профессора..., 2011: 60]. В этом учреждении он поочередно пройдет все ступени ученой лестницы и в 1835 году станет ординарным академиком. В историографии фигура К. Ф. Германа освещается в основном в контексте истории статистики как науки [Дмитриев, 2017: 433–451] или в связи с его знакомством и взаимодействием с участниками декабристского движения [Скрыдлов, 2017: 250–258]. Нас же интересует его положение в составе профессорской коллегии ПИ и Петербургского университета, где он находился более 15 лет.

Зачисленный благодаря своим выдающимся способностям в штат Академии наук, в 1806 году немецкий интеллектual получает должность экстраординарного профессора в ПИ. Высокие оценки деятельности К. Ф. Германа в историографии опираются не только на его научные труды 1800–1810-х годов, но и на хвалебные отзывы учеников и людей, знавших его как человека, незаслуженно пострадавшего в «деле профессоров» 1821 года. Подобные воспоминания не могут адекватно отразить социальную, а тем более научную репутацию, отличаясь апологетическими оценками и идеализацией. В то же время есть сведения, что К. Ф. Герман любил шумные вечера и карточную игру.

В канцелярии ПИ отложился документ, свидетельствующий о наличии за Германом невыплаченного долга в 564 рубля 21 копейку (эта сумма составляла более трети его годового жалования) [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 500]. В 1809 году в Конференцию института было направлено письмо, в котором в судебном порядке Герману предписывалось погасить долг разным лицам: губернскому секретарю Соколову (178 руб. 75 коп.), кондитеру Волфу (175 руб.) и надворному советнику Бетфейеру (140 руб.). Примечательно, что двое из истцов были немцами, судя по фамилиям. К. Ф. Герман в своем объяснении Конференции утверждал, что все долги были им возвращены [Там же: Л. 3–3 об.]. Очевидно, подобные вещи не могли освещаться в воспоминаниях близких профессору людей, но также не могли остаться незамеченными коллегами по университету. Однако в дальнейшем выдающаяся ученая карьера и образ «изгнанника», несправедливо

осужденного Д. П. Руничем в ходе разоблачения крамолы в университете, сформировали идеализированную репутацию К. Ф. Германа, закрепленную некрологами и биографическими очерками, опубликованными в год его кончины. Эта репутация нашла отражение и в имеющихся источниках личного происхождения [Никитенко, 1839: 4–5].

В 1811 году К. Ф. Герман стал ординарным профессором политической экономии в ПИ. К сожалению, информации о курсах лекций, прочитанных им в этот период, не сохранилось, однако известно, что после преобразования Главного педагогического института в университет в 1819 году он сохранил за собой кафедру и с 1820 года стал читать «Теорию статистики». Спустя год эти лекции стали главным поводом для его обвинения Д. П. Руничем в политической неблагонадежности и разглашении «секретных» сведений о государственном хозяйстве России.

Очевидно, что конспекты, ведение которых студентами со стороны руководства никак не регламентировалось, могли быть построены в свободном формате, а также могли быть частично скопированы друг у друга. Канцеляристы Д. П. Рунича выписывали из студенческих тетрадей все, что могло дискредитировать К. Ф. Германа и Э. Раупаха, в то же время игнорируя места, которые могли бы послужить доказательством лояльности профессоров. Так, было выписано следующее из конспектов лекций Германа: «Народ был прежде правительства, а посему народ важнее оно, ибо оно для него существует, а посему статистика должна рассматривать в государстве состояние народа как предмет важнейший» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 396. Л. 1]. Тезис же: «Религия была основанием всей европейской политики», — находившийся на следующей странице, был пропущен как не подходящий для компрометации профессора [Там же: Л. 3]. В целом, проанализировав некоторые студенческие тетради по статистике, можно понять, какими способами производились фабрикация «дела профессоров» и формирование компромата, в особенности по отношению к немцам. Иностранцев удобнее всего было обвинить в умышленных «противогосударственных» высказываниях, поэтому немецкие профессора оказались наиболее уязвимы в период преследований за «мнения» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 388. Л. 1-24 об.; Д. 394. Л. 1–26 об.].

Не только профессиональное взаимодействие и академические конфликты, но и внешнеполитические обстоятельства могли усилить обособленность профессоров-иностранцев, в том числе немцев, в рамках малочисленных университетских сообществ. В 1812 году Военное министерство начало активно собирать сведения об иностранцах, находящихся на русской службе. Главной целью этого мероприятия являлся отбор «благонадежных» (в отношении профессоров-иностранцев этот термин активно применялся и в 1821-м, и после 1825 года) и выявление «опасных элементов». Последних было «повелено выслать за границу, а тех, которые могли бы разгласить секретные сведения о России — услатить во внутренние губернии, по усмотрению военных властей [Распоряжения..., 1912: 269].

В своем представлении на имя военного министра директор Педагогического института Е. А. Энгельгардт ничего не сообщил о К. Ф. Германе (вероятно, характеристика его «благонадежности» была дана от Академии наук как экстраординарного академика), при этом директор представил характеристики профессора химии Шерера, студентов-немцев Василия Гинца и Павла Шица

[Распоряжения..., 1912: 275], все они были положительными. В рамках той же процедуры обер-прокурор Св. синода А. Н. Голицын прислал министру народного просвещения А. К. Разумовскому списки иностранцев. Среди прочих иностранцев перечислялись немцы, служащие в Педагогическом институте: Ф. Б. Грефе (о нем сказано: «холост, саксонский уроженец, в России с 1805 г., собственности не имеет»), К. А. Шумахер («коллежский ассессор, женат, шесть детей, в России с 1792 г., собственности не имеет»), И.-Г. Шрадер («женат, датский уроженец, в России с 1796 г., имеет двух сыновей и две дочери»), А. Вицман («санкт-петербургский уроженец, отец же его из Лейпцига и умер в российской службе, губернский секретарь при письменных делах Конференции») [Там же: 354–382].

К. Ф. Герман до начала 1820-х годов не давал повода начальству заподозрить его в неблагонадежности, хотя будущий лидер Южного общества декабристов П. И. Пестель был знаком с ним с первых лекций по политическим наукам, прослушанным в 1810 году в Пажеском корпусе. Известно также, что в 1816–1817 годах именно Пестель мог рекомендовать публичные лекции немецкого профессора своим единомышленникам [Скрыдлов, 2017: 251–252]. Таким образом, идеи К. Ф. Германа были довольно востребованы среди военных интеллектуалов и деятелей декабристской конспирации, однако при организации «дела профессоров» 1821 года Д. П. Руничу об этом вряд ли было известно.

Первоначально после обвинения К. Ф. Германа в крамоле и отстранения от преподавания его хотели выслать из России, но Комитет министров эту инициативу не поддержал. После 1821 года немецкий ученый сосредоточился на академической деятельности и при этом продолжил преподавание в женских закрытых учебных заведениях. С 1820 года он был инспектором классов в Обществе благородных девиц и училище Ордена Св. Екатерины) [Никитенко, 1839: 6]. Однако в 1824 году имел место еще один конфликт: К. Ф. Герману было запрещено публиковать свою статью в «Академических записках» (не имеющих цензуры), поскольку руководство Академии наук не решилось дать ход тексту Германа без дозволения министра народного просвещения. Министр не разрешил публикацию [РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 216. Л. 1].

Безусловно, научный авторитет К. Ф. Германа оказывал влияние на коллег и облик немецкой части профессорской корпорации университета. Немецкий профессор, судя по всему, хорошо владел русским языком, о чем свидетельствует выход в 1819 году в свет первого тома его фундаментальной работы «Статистические исследования относительно Российской империи» [Герман, 1819], написанной на блестящем русском языке, опубликованной без указания имени переводчика. Разумеется, если бы таковой имелся, он обязательно был бы указан на титульном листе издания. О научном авторитете Германа свидетельствует также то, что на эту книгу «подписалось» более 50 известных ученых, чиновников и вельмож, фактически профинансировав ее издание, среди прочих — А. Н. Голицын, А. К. Разумовский, В. П. Кочубей, М. А. Милорадович, С. С. Уваров, А. И. Тургенев, Д. Н. Бантыш-Каменский, М. А. Балугьянский, С. П. Трубецкой [Там же].

Немецкие ученые, даже если они всю жизнь прожили в России, все-таки оставались носителями немецкой культуры. Основными факторами сохранения национального самосознания являлись лютеранское вероисповедание (в редчайших случаях — католичество), немецкий язык и память об исторической родине. В то же время ученых отличала способность рассматривать российскую службу

как продолжение академической карьеры и миссии просветителей, начатой на родине. «При сем, как и при всех других ученых занятиях, стремился я к одной и той же цели — быть полезным *второму своему отечеству* (курсив мой. — А. А.) изданием на языке одного статистических сочинений», — писал К. Ф. Герман в предисловии к своей книге.

Достоверным свидетельством определенной обособленности немецких профессоров в российских университетах являются некоторые записи в дневнике немецкого профессора Казанского университета Ф. К. Броннера. 25 апреля 1816 года он пишет: «Но ему [студенту] был сделан строгий выговор за то, что он позднее, чем следовало, стал ходить на лекции (преимущественно немецких профессоров)» [Нагуевский, 1902: 412]. Особое отношение студентов к немецким профессорам, казавшееся автору дневника предвзятым, отмечается Броннером не единожды: «9.XI.1816. Петр Базилев за пропуск в начале месяца немецких лекций был заключен мною в карцер с 8 до 12 ч. Не без сильного сопротивления» [Там же]. Ненависть студентов Казанского университета к инспектору-немцу иногда преступала всякие рамки: «9.X.1814. Когда лучшие студенты окончили завтрак, худшие (исключая Кожевникова, которого нигде не нашли) начали под надзором магистров садиться за стол с большим шумом и ругательствами, направленными против немцев...» [Там же: 316].

Еще одним выдающимся представителем второго поколения немецких профессоров в Петербургском университете был Федор Богданович Грефе (*Gräfe Christian Friedrich* — нем., 1780–1851). В исторической памяти университета известный филолог-антиковед сохранил безупречную репутацию, несмотря на довольно шаткое положение иностранцев после «дела профессоров» 1821 года. Важно подчеркнуть, что большинство немецких профессоров Петербургского университета происходили из духовной среды (Э. Раупах, Ф. Ф. Гедике, Л. И. Пансер, Ф. Б. Грефе), их отцы были пасторами сельских или небольших городских приходов. Это имело следствием как хорошее первоначальное образование, особенно в древних языках, так и взгляд на науку и преподавание как на просветительскую миссию, самоотверженное отношение к своей деятельности, огромная работоспособность.

Ф. Б. Грефе проходил обучение в Лейпцигском университете в 1799–1803 годах. В 1803 году в Дрездене он сдал экзамен на кандидата богословия, в 1805 году получил степень магистра свободных искусств и философии Лейпцигского университета. В 1806 году приехал в Лифляндию, где работал домашним учителем [Gräfe., ЭР]. В 1811 году, когда немецкий интеллектуал обратился к С. С. Уварову с просьбой принять его в штат университета в качестве преподавателя древних языков, его степень магистра свободных искусств была учтена как степень доктора философии. С. С. Уваров, увидев в выходе из Саксонии ценного ученого и преподавателя, обратился к министру народного просвещения А. К. Разумовскому с просьбой принять Ф. Б. Грефе в штат университета, поручившись за него: «Удостоверение мое, что нравственность его соответствует его талантам» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 106].

За все последующее время жизни в России немецкий профессор не оставил ни одного труда на русском языке, ограничиваясь основными языками научной коммуникации своего времени — латынью и немецким. Русский язык Ф. Б. Грефе использовал только в повседневном обиходе, говорил с сильным акцентом, но это не мешало студентам уважать и ценить его как настоящего ученого подвижника. Ф. Н. Фортунатов, учившийся в начале 1830-х годов на историко-словесном факультете университета, вспоминал: «Во все время моего

студенчества проф[ессор] Грефе пропустил только лекции две, или три весной, когда шел по Неве лед, и не было сообщения между частями города (Грефе жил в доме Акад[емии] наук в 7 линии Васильев[ского] остр[ова], а университет помещался, как сказано, по другую стороны Невы в Кабинетной улице). Мало этого: он не опустил ни одной минуты, являясь в университет постоянно ранее времени, назначенного для его лекций. Ему старались подражать в этом отношении, ближайшие его сотрудники» [Фортуатов, 1869: 315–316].

В 1819 году, когда Главный педагогический институт был преобразован в университет, Ф. Б. Грефе занял кафедру греческой словесности, а с 1822 года совмещал ее с кафедрой латинского языка и словесности вплоть до 1836 года [Грефе..., ЭР].

Имея безупречную научную репутацию и сотрудничая также с Академией наук (с 1820 года он — ординарный академик), Грефе считался наставником С. С. Уварова по античным языкам и литературе [Фролов, 1999: 276–277].

В 1817 году немецкому профессору было позволено посвятить императору Александру I издаваемую им греческую поэму “Nonni Panopolitae Dionysiaca” [РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 397. Л. 1], что обусловлено его высоким авторитетом не только в научной, но и в правительственной среде (на тот момент Ф. Б. Грефе являлся кавалером ордена Св. Владимира IV степени) [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1513].

Пример жизни и службы Ф. Б. Грефе является релевантным для характеристики большинства приехавших в Россию немцев-ученых, которые хотели закрепиться в столице Российской империи или в Москве, где условия жизни позволяли чувствовать себя комфортно. В целом, быт профессора первой половины XIX века был прост, это впоследствии стало символичным. Существует точка зрения, что в укоренении аскетического стиля жизни и быта профессоров важную роль сыграло поведение преподававших в университете немцев, часто бессемейных и не стремившихся к приобретению недвижимости [Посохов, 2014: 88].

Казанский университет, в отличие от Петербургского, в первой трети XIX века не был привлекательным местом для многих из приехавших туда немецких интеллектуалов, которые не намеревались пробыть в нем долго, используя восточный университет империи как плацдарм для дальнейшей карьеры. Казанские немцы-профессора, в отличие от большинства петербургских, практически не знали русского языка, или он давался им с трудом. Общались они преимущественно друг с другом, русским же пользовались в исключительных случаях и говорили с серьезным акцентом [Костина, 2007: 81, 102]. Даже в Петербурге немцы старались иметь бытовые дела преимущественно с соотечественниками (булочниками, книготорговцами, цирюльниками и пр.). Профессор Грефе, приобретая книги для университета, заказывал их у немецкого книгопродавца Грефа и приобретал большими партиями (так, в 1818 году он купил у Грефа книг на сумму 225 р.) [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1840. Л. 2].

Что касается готовности и желания немецких профессоров связать свою жизнь с Россией, здесь важными были факторы наличия семьи, количества детей и приобретенной или пожалованной собственности. Иностранные профессора, прожившие в Петербурге более 10 лет, имели, как правило, многодетные семьи. Так, прибывший из Австрии П. Д. Лодий был женат, имел 4 сына и 1 дочь; его земляк В. Г. Кукольник имел 5 сыновей и 1 дочь; М. А. Балугьянский, прибывший в Россию с единственным сыном-младенцем, через 20 лет имел уже 10 детей;

Беллен-де-Баллю имел 5 сыновей и 4 дочери, владел деревянным домом с участком; А. Шумахер имел 6 детей; И.-Г. Шрадер был женат и имел 2 сыновей и 2 дочерей и т. д. [Распоряжения..., 1912: 354–382]. Ф. Б. Грефе в момент приезда в Россию детей не имел, и в формуляре 1805 года показан холостым. Он женился 21 июля 1812 года на К. К. Самсон-Химмельстерн (1788–1864) [Gräfe..., ЭР]. Казанские профессора-немцы, напротив, отличались высоким уровнем социальной мобильности и в большинстве были свободны от семейных обязательств: только 3 из 14 иностранцев, преподававших в Казани в первой трети XIX века, имели детей [Распоряжения..., 1912: 406–419].

В связанной профессиональными и земляческими контактами немецкой профессорской среде имело место поручительство друг за друга. Так, когда в 1830 году немца Гримма утверждали экстраординарным профессором латинской словесности, «некоторые из известных ученых здесь людей отзывались весьма хорошо об ученых трудах его» [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1934. Л. 1]. Очевидно, такой отзыв дал Ф. Б. Грефе.

Еще одним выдающимся ученым, преподававшим в стенах Петербургского университета в первой трети XIX века, был Лаврентий Иванович Панснер (*Pansner Johann Heinrich Lorenz* — нем., 1777–1851). Он также был выходцем из церковной семьи. В 1797–1800 гг. обучался в Йенском университете, который окончил кандидатом богословия. В 24 года Панснер защитил диссертацию на степень доктора философии, что для своего времени было выдающимся результатом. В Петербург Л. И. Панснер приехал для проведения геодезических работ. В 1803–1818 гг. он выполнял различные работы геодезического, картографического и минералогического характера, например, определил точное географическое положение Клина, Твери, Осташкова, Валдая, Великого Новгорода [Иностранцы..., 2011: 119]. 13 мая 1818 года назначен ординарным профессором минералогии в Главный педагогический институт, а после преобразования в университет возглавил кафедру минералогии и геогнозии [ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1856. Л. 1]. В 1820 году немецкий профессор женился на родственнице супруги Ф. Б. Грефе — К. Ю. М. Самсон-Химмельстерн, что подтверждает наличие родственных связей между немцами Петербургского университета [Pansner..., ЭР].

Л. И. Панснер принадлежал к той группе иностранных профессоров, которые после кризиса 1821 года были вынуждены покинуть университет. Как отмечают исследователи, после этого «немецкая» фракция в университете стала более замкнутой [Жуковская, 2019: 105–106]. Последние годы жизни Л. И. Панснер провел в родном Арнштадте, где занимался садоводством.

Таким образом, немецкие профессора поддерживали разнообразные формы связи внутри этноконфессиональной группы: академические, земляческие, дружеские, родственные. Это способствовало тому, что «немецкая группа» профессоров была практически монолитной и единообразной по отношению к остальным этническим группам, представленным в Петербургском университете в первой трети XIX века.

#### **Список сокращений**

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив  
г. Санкт-Петербурга

### Список источников

*Герман К. Ф.* Статистические исследования относительно Российской империи. Часть I: О народонаселении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1819. 325 с.

*Нагуевский Д. И.* Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–1850 гг.). Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. 504 с.

*Никитенко А. В.* Воспоминание о Карле Федоровиче Германе. СПб., 1839. 12 с.

Распоряжения, касающиеся иностранцев, находящихся на службе в ведомстве Министерства народного просвещения // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1912. Т. 139. С. 259–459.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 382. О вредном учении, обнаруженном в преподавании некоторых профессоров.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 388. Тетрадь студента Болкашина.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 394. Тетрадь студента Глаголева.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 396. Тетрадь студента Глинки.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 106. О назначении профессора духовной академии Грефе профессором латинского языка и словесности Педагогического института.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 130. Список профессоров, преподавателей и служащих Педагогического института. 7 июня 1812 г.

РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 40. Справка о профессорах Петербургского университета, обвиненных в 1821 г. Д. П. Руничем во «вредном» преподавании и их дальнейшей судьбе.

РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 216. Дело о запрещении печатания в Академических записках статей академика К. Ф. Германа, как заключающих сведения о внутреннем положении гос-ва.

РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 397. О разрешении профессору Главного педагогического института Ф. Б. Грефе посвятить царю издаваемую им греческую поэму Нонноса “Nonni Panopolitae Dionysiaca”.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1513. О награждении профессора института Грефе орденом Владимира 4-й степени.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1840. О покупке книг для занятий латинским языком.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1856. Об утверждении коллежского советника Панснера в должности профессора минералогии.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1934. Об утверждении доктора философии Гримма экстраординарным профессором латинской словесности.

ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 500. О взыскании денег с профессора Германа по частным долгам.

*Шлецер Х. А.* «У меня и в Москве есть повод быть довольным»: переписка Христиана фон Шлецера с семьей (1796–1824): жизненные миры университетариев, трансфер знания и культуры в России начала XIX века / под общ. ред. А. Каплуновского. М.: НЛЮ, 2018. 570 с.

*Фортуатов Ф. Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы // Русский архив. 1869. Вып. 1. Стб. 305–340.

## Список литературы

*Андреев А. Ю.* «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Отечественная история. № 2. 2004. С. 37–55.

*Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.

*Вишленкова Е. А.* Между «Западом» и «Востоком»: культурно-пространственные ориентации российского университета // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XIX в. / сост. А. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 83–100.

*Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: НЛО, 2012. 656 с.

Грефе Федор Богданович // Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/848-grefe-fedor-bogdanovich.html> (дата обращения: 22.02.2020).

*Дмитриев А. Л.* Карл Федорович Герман: статистик и экономист (к 250-летию со дня рождения) // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2017. № 3. С. 433–451.

*Жуковская Т. Н.* «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, № 2–3. С. 96–111.

*Жуковская Т. Н., Казакова К. С.* Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018. 543 с.

*Жуковская Т. Н.* Студенты-поляки в Петербурге в 1830–1860-х гг.: культурное взаимодействие и конфликты // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы XI Междунар. конф. / отв. ред. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 180–181.

Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.). Биографический словарь / под общ. ред. А. Ю. Андреева. М.: РОССПЭН, 2011. 207 с.

*Костин А. А., Костина Т. В.* Иностранные профессора Казанского университета 1830–1850-х гг. // Гасырлар авазы. 2014. № 3–4. С. 108–117.

*Костина Т. В.* Европейский быт в губернском городе (немецкие профессора в Казани в первой четверти XIX века) // Немцы в России: сб. ст. / под ред. Г. И. Смагиной, Д. Дальманна. СПб.: Росток, 2015. С. 400–410.

*Костина Т. В.* Мир университетского профессора Казани: 1804–1863: дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 226 с.

*Кулакова И. П.* Европейская университетская культура и становление российских университетских традиций в XVIII в. // Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе: К проблемам адаптации западных идей в Российской империи: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2008. С. 190–204. (Россия и Европа. Век за веком).

*Марголис Ю. Д.* Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х гг. XIX вв. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX — начале XX века. Варшава: Urowstzechnianie nauki oświata, 1995. С. 132–145.

Многонациональный мир Петербургского университета / отв. ред. Н. Я. Олесич; Культурный фонд «Знаменитые универсанты СПбГУ». 2010. 281 с.

Немецкие ученые — профессора Казанского университета / сост. В. Г. Диц, А. В. Гарзавина, И. А. Новицкая. Казань, 2004. 180 с.

*Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христианское изд-во, 1997. 180 с.

*Посохов С. И.* Актовые речи профессоров-иностранцев Харьковского университета первой трети XIX в.: трансфер университетской идеи // Вопросы образования. 2008. № 3. С. 264–276.

*Посохов С. И.* Профессорский стиль и качество жизни в университетских городах Российской империи первой половины XIX в. // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1, № 1. С. 78–96.

Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): материалы XI Междунар. конф. Москва, 1–3 ноября 2006 г. / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-пресс, 2007. 480 с.

Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: труды междунар. науч. конф., 23–25 июня 2009 г. / под ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 493 с.

*Скрыдлов А. Ю.* Академик Карл Федорович Герман и истоки декабризма: взгляды ученого на устройство государства и общества // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 250–258.

*Феофанов А. М.* Иностранные профессора Российских университетов второй половины XVIII — первой трети XIX в.: опыт коллективного описания // Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.). Биографический словарь / под общ. ред. А. Ю. Андреева. М.: РОССПЭН, 2011. С. 11–25.

*Фролов Э. Д.* Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук: материалы междунар. конф. СПб.: С.-Петерб. науч. центр РАН, 1999. Т. II. С. 275–285.

*Шубарт В.*, фон. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 446 с.

Gräfe Christian Friedrich // Eric-Amburger-Datebank. Ausländer im vorrevolutionären Russland. URL: <https://amburger.iosregensburg.de/index.php?id=52168&mode=1> (accessed 22.02.2020).

Hermann Karl Gottlob Melchior // Eric-Amburger-Datebank. Ausländer im vorrevolutionären Russland. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=52179&mode=1> (accessed 22.02.2020...).

Pansner Johann Heinrich Lorenz // Eric-Amburger-Datebank. Ausländer im vorrevolutionären Russland. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=52958&mode=1> (accessed 22.02.2020).

### **Сведения об авторе**

**Ашихмин Андрей Витальевич**

магистрант

Санкт-Петербургский педагогический университет им. А.И. Герцена

**Andrey V. Ashikhmin**

Undergraduate

St. Petersburg Pedagogical University named after A.I. Herzen

**А. В. Шех**

## **ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ АВГУСТА 1991 ГОДА В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

### **Аннотация**

Попытка отстранения от власти в августе 1991 года М. С. Горбачева знаменовала собой конец истории СССР. Августовские события заставили народы республик Советского Союза объединиться вокруг республиканских элит, стоявших на защите достижений перестройки. Общественно-политическая ситуация в Мурманской области в августе 1991 года рассматривается на материале региональной прессы. Несмотря на различие позиций разных групп населения, в целом отражалась электоральная поддержка законных властей. Наивысшая степень напряжения в трудовых коллективах области пришлась на утро 21 августа. Политическая элита региона занимала выжидательную позицию. Органам советской власти в управлении одной из милитаризованных областей страны удалось не допустить столкновений, не дать оснований высшему руководству ввести в населенные пункты войска, объявить о введении в регионе чрезвычайного положения.

### **Ключевые слова:**

*Мурманская область, перестройка, общественно-политическая ситуация, ГКЧП, демократия, советское руководство.*

**Alexander V. Shekh**

## **REFLECTION OF THE EVENTS OF AUGUST 1991 IN THE MURMANSK REGION**

### **Abstract**

The attempt to remove from power in August 1991, M. S. Gorbachev actually marked the end of the history of the Soviet Union. The August events forced the peoples of the republics of the USSR to unite around republican elites who defended the achievements of perestroika. The socio-political situation in the Murmansk region in August 1991 is considered on the material of the regional press. It reflects a specific feature of those events in the region. Despite the differences in the positions of different groups of the population, in General, electoral support for the legitimate authorities was reflected. The highest degree of tension in the labor collectives of the region fell on the morning of August 21. The political elite of the region took a wait-and-see attitude. The Soviet authorities in one of the militarized regions of the country managed to prevent clashes, not to give reasons to the top leadership to enter troops in localities, and to declare a state of emergency in the region.

### **Keywords:**

*Murmansk region, perestroika, reforms, socio-political situation, democracy, the Soviet leadership.*

### **Введение**

В начале 1991 года политическое противостояние между общесоюзными и республиканскими властями приняло форму борьбы за «рыночные» условия своего влияния в Союзе и на первый план вышла проблема разграничения полномочий между центром и союзными республиками. Обсуждение проблемы обозначалось как подготовка нового союзного договора. Без ее решения о восстановлении управляемости страной, тем более о реформах, не могло быть и речи. Впервые в российской истории при решении своих задач М. С. Горбачев и его оппоненты предлагали прибегнуть к предложенному в 1988 году Б. Н. Ельциным референдуму.

В рамках сложившейся к началу перестройки коммунистической легитимности, основанной на работе государственных и партийных структур, надежды на решение многих проблем связывались с конструированием в рамках КПСС республиканских компартий. В период 1987–1991 годов далеко не все улавливали нюансы происходивших в политической системе перемен и по-прежнему продолжали считать партию главным звеном в системе управления страной. Не противоречили этому и заявления самого М. С. Горбачева, который высказывался в пользу социалистического развития и обновления методов работы партии. В этой связи движение за создание в РСФСР республиканской коммунистической партии получило широкую поддержку.

Значительную роль в политике стали играть популистские методы работы. Так, отличительной чертой избирательной кампании в 1989 году набравшего популярность кандидата в народные депутаты СССР Б. Н. Ельцина стала борьба с необоснованными привилегиями партийно-советской номенклатуры, оскорблявшими чувство социальной справедливости населения СССР, предпринимались акции по созданию имиджа «справедливого руководителя». Вместе с тем уже в качестве президента России Б. Н. Ельцин размышлял о том, что бороться с привилегиями было не совсем правильно [Ельцин, 1994: 35]. Предвыборные обещания быстро и эффективно решить накопившиеся вопросы контрастировали с печатными высказываниями представителей демократического крыла о неизбежности серьезных трудностей для населения при проведении рыночных реформ.

### **Тревожная ситуация в стране**

10 июля 1991 года звуки фанфар возвестили в Кремлевском дворце съездов об открытии торжественного заседания Съезда народных депутатов РСФСР. Оно было посвящено вступлению в должность первого президента России. С программной речью на торжественном заседании Съезда народных депутатов РСФСР выступил президент России Б. Н. Ельцин, который заявил: «Суть президентского правления — это радикальные реформы через мирные демократические преобразования». На церемонии вступления в должность первого Президента РСФСР выступил М. С. Горбачев, он пожелал ему успеха в практических делах, которые, по его словам, и будут определяться продвижением Российской Федерации, всех входящих в нее республик и регионов по пути удовлетворения насущных потребностей людей [Первый Президент..., 1991].

Несмотря на критику советской партийной и республиканской номенклатуры, политика М. С. Горбачева была, прежде всего, направлена на устранение разрыва между конституционными нормами и политической практикой. Власть приобретала полноценный легитимный характер, имела поддержку народа, основанную на эффективной политике, гарантирующей демократию, высокий уровень качества жизни, а не обусловленную ссылками на Октябрьскую революцию и Отечественную войну [Горбачев, 2006: 183–184].

Столичные события августа 1991 года придали ускорение развитию послесоветской идеологии и политическому строительству. На первом этапе они коснулись изменения роли КПСС, КП РСФСР и коммунистической идеологии, дали толчок развитию других фронтов, движений и партий.

Тревожная ситуация в стране складывалась не спонтанно. 3 мая 1990 года на заседании Политического бюро ЦК КПСС, посвященном подготовке к XXVIII съезду КПСС и Российской партийной конференции, обсуждался

острый вопрос о создании Российской компартии. РКП — это был центральный вопрос политики союзного центра. Шла схватка за Россию, а через это — за партию и государство, не важно, какими они будут. По мнению М. С. Горбачева, сторонники Б. Н. Ельцина «используют все, чтобы добраться к власти в стране, поскольку не удалось это сделать через Съезд народных депутатов СССР из-за сопротивления «сталинско-брежневского агрессивного большинства» (по определению Ю. Афанасьева) [В Политбюро..., 2008: 621].

Можно утверждать, что после провала «путча» критика коммунизма стала доминировать в российской и республиканской политике. Этот процесс шел и ранее, но в 1990 году значительная часть населения разделяла идеи социалистического выбора развития.

В первой половине 1991 года кризисные явления, возникшие на фоне борьбы союзного центра с республиканским сепаратизмом, привели к конфликту внутри руководства СССР. Обозначилось коренное изменение соотношения сил в высшем эшелоне власти. Произошли ликвидация противостояния М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина и окончательное выдвижение на первый план российской политической элиты.

19 августа 1991 года к управлению страной пришел Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР. Полномочия президента Союза ССР М. С. Горбачева с 19 августа были переданы вице-президенту Г. И. Янаеву. Это сделано, как явствовало из опубликованного заявления советского руководства, в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии.

Тактика руководства РСФСР, направленная на противодействие ГКЧП, изначально содержала скептическую оценку коммунистической идеологии. 19 августа в обращении «К гражданам России» Б. Н. Ельцин классифицировал действия «путчистов» как реакцию на «существенное ограничение бесконтрольных прав неконституционных органов, включая партийные», препятствовавших демократическим процессам, в том числе и заключению нового Союзного договора». Это обращение было поддержано Г. Х. Поповым и А. А. Собчаком. 20 августа 1991 года Б. Н. Ельцин дал интервью «Общей газете», в ходе которого пояснил, что новый Союзный договор, подготовленный в Ново-Огарево, должен был положить конец всевластию военно-промышленного комплекса и КПСС. При этом глава государства подчеркнул, что «упоминал» КПСС не просто так: «Не будем закрывать глаза — именно эта партия стала организующей и вдохновляющей силой путча». В газете «Аргументы и факты» была опубликована шифрограмма, полученная: «по телефону от заслуживающего доверия источника», где Секретариат ЦК КПСС 19 августа обращался к ЦК республиканских компартий, обкомам, крайкомам, с призывом поддержать государственный переворот. Из этого следует, что последующие призывы российских СМИ и акции против КПСС не были неподготовленными.

22 августа региональная газета «Полярная правда» опубликовала информационное сообщение КПСС, согласно которому по поручению Секретариата ЦК КПСС заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Ивашко поставил перед исполняющим обязанности Президента СССР Г. И. Янаевым вопрос о незамедлительной встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Констатировалось, что без такой непосредственной встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС руководство партии не может и не вправе

определить свою политическую оценку событий, произошедших 19 августа, и дать членам партии исчерпывающую объективную информацию о развитии ситуации [Запрос Ивашко, 1991]. Впрочем, это не спасло В. А. Ивашко и Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова от критики на встрече с М. С. Горбачевым в Форосе: «С Лукьяновым и Ивашко я беседовал в присутствии Бакатина, Примакова и Черняева, сказал, что они — те два человека, которые могли сорвать путч или, во всяком случае, обнажить его преступный характер» [Горбачев, 2006: 331].

23–24 августа около зданий КГБ СССР и КПСС стали собираться противники ГКЧП. Появились слухи о возможных погромах и насилии над коммунистами. Рассматривались варианты повторения ситуации в ГДР и Румынии. Ситуацию под контроль в столице взял Моссовет. По стране началась волна демонтажа памятников советской эпохи, в том числе Ф. Э. Держинскому, Верховным Советом РСФСР были возвращены исторические названия некоторым городам. 25 августа президентом был подписан указ «Об имуществе КПСС и КП РСФСР», запрещающий операции с партийным имуществом, приостанавливался выпуск партийных периодических изданий. Был отменен пленум ЦК, против которого выступали М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин.

Тем не менее, несмотря на Указ Президента РСФСР «Об имуществе КПСС и КП РСФСР», сотрудники совместного португало-советского предприятия «Кепромар», заключившего с Мурманским областным обкомом партии договор об аренде части помещений еще до известных августовских событий, продолжали работу до 1 января 1992 года согласно закону [Обком закрыт..., 1991].

24 августа М. С. Горбачев сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС [Заявление..., 1991], в этот же день он подписал Указ о прекращении деятельности политических партий в Вооруженных Силах, правоохранительных органах и государственных учреждениях [О прекращении деятельности политических..., 1991б]. Фактически Горбачев поддержал решение президента РСФСР Б. Н. Ельцина от 20 июля 1991 года, принятое еще до событий, связанных с деятельностью ГКЧП [О прекращении деятельности организационных..., 1991а].

### **Обстановка в Мурманской области**

В тревожные августовские дни журналисты «Полярной правды» располагали информацией только из официальных источников по линии ТАСС. Они постарались полнее донести ее до читателей. Жители Мурманской области дома и на работе не выключали радиоприемники, допоздна всматривались в экраны телевизоров, выискивая крупницы информации. С утра 20 августа люди постоянно звонили в «Полярную правду». По официальным каналам редакция не получала материалов от органов власти РСФСР, и она не имела возможности донести до читателей мнение руководства республики. Тем не менее уже 19 августа по Мурманску были расклеены тексты обращения к гражданам России от имени Б. Н. Ельцина, И. Силаева и Р. Хасбулатова. В обращении произошедшие события характеризовались как «правый реакционный антиконституционный переворот» и содержался призыв к всеобщей бессрочной забастовке. Вечером того же дня на площади Пять углов прошел митинг в поддержку этого обращения [Положение чрезвычайное..., 1991].

Бюро Мурманского обкома КП РСФСР в своем обращении заявляло, что последние события, происходящие в Советском Союзе, вызвали большую тревогу и беспокойство у людей. Складывающееся положение с каждым днем становится все более тревожным и непредсказуемым. Население, измученное тяготами повседневной борьбы за существование, испытывало новые и новые потрясения, отнюдь не способствующие спокойной и мирной жизни. В этой ситуации обком обращался к чувству ответственности, здравому смыслу, к присущим мурманчанам сдержанности и рассудительности и не сомневался, что предстоящие чрезвычайные сессии Верховного Совета СССР и РСФСР примут взвешенные ответственные решения. Все возникающие проблемы необходимо решать исключительно конституционным путем [Обращение бюро..., 1991].

Внешнее спокойствие в Мурманской области было обманчивым. Напряжение нарастало с каждым часом. Уже к середине первых суток население области стало испытывать информационный голод, что не могло не вызвать сомнений в истинности неоднократно передаваемых одних и тех же официальных сообщений о законности власти ГКЧП. В 11 часов утра 19 августа группа депутатов областного Совета: Меньшиков, Марарица, Зайцев, Владимиров, Лосинский — и представители «Демократической России» Цветков и Жосан через приемную вице-президента РСФСР Руцкого уже получили обращение Б. Н. Ельцина «К гражданам России», позже оно было опубликовано в газете «Кировский рабочий» [К гражданам России, 1991]. Это же воззвание и сообщение о созыве 21 августа чрезвычайной сессии российского парламента стали поступать по различным каналам, в том числе из западных средств массовой информации. Попытка активистов сразу же довести эти документы до сведения населения через областной телерадиокомитет не удалась, поскольку руководство комитета (В. В. Демидова) сослалось на их неофициальность.

Вечером 19 августа по областному радио, несмотря на запрет ГКЧП входить в центральное вещание, было передано обращение руководителей к населению республики. В ночь с 19 по 20 августа народный депутат Л. Б. Гуревич передал по телефаксу 11 документов, включая первые три указа президента РСФСР. Официальных сообщений так и не поступило. Ночью в медеплавильном цехе ГМК «Североникель» в знак протеста против антиконституционного переворота одна из бригад отказалась от работы.

В городах Мурманск, Апатиты, Полярные Зори усилиями инициативных групп появились листовки, которые призывали трудящихся к бессрочной политической забастовке. В Кандалакше представители общественно-политического клуба «Апрель» выступили с призывами к акциям гражданского неповиновения. В объединениях МРП и АМНГР также распространялись воззвания, призывавшие к всеобщей стачке вплоть до восстановления законной власти. В Мурманском морском пароходстве был создан координационный стачечный комитет, который призывал в ночь с 20 на 21 августа начать политическую забастовку. На призыв откликнулись теплоходы «Норильск», «Иван Сусанин», атомоход «Сибирь».

Утром 20 августа в Мурманске на два часа прекратили работу работники троллейбусного управления в поддержку позиции президента России. В пятом часу утра спешивших на смену водителей встречали у проходной члены «Демократической России» и призывали действием поддержать обращение Б. Н. Ельцина. При этом в рядах «Демократической России» не было единства по вопросу о всеобщей забастовке — начать ее немедленно или только в случае

антиконституционных действий правительства непосредственно в регионе. Более часа не выходили на линию троллейбусы первого депо и почти пять часов — второго. Заместитель начальника управления троллейбусов Н. Н. Кузовков сумел убедить водителей продолжить работу. По его словам, он поддерживает обращение президента России, но считает, что дестабилизировать обстановку в городе нельзя. Кроме того, Н. Н. Кузовков напомнил, что пока никто не отменял российского законодательства, в соответствии с которым забастовки на транспорте запрещены. Руководство и коллектив пришли к согласию — забастовку решили прекратить и ждать результатов сессии Верховного Совета РСФСР [Остановились троллейбусы, 1991]. В тот же день группа народных депутатов областного Совета направила телеграмму в поддержку действий Б. Н. Ельцина.

Днем были проведены митинги протеста на судах ММП «Норильск», «Дмитрий Пожарский», на РТП «Атомфлот», в тресте «Севморнефтегеофизика». В последнем женщины обратились к женам военнослужащих с просьбой повлиять на своих мужей с одной целью — не допустить возможного кровопролития [Выразили недоверие, 1991]. Вечером в Мурманске, в центре города, снова состоялся митинг (собралось более 3 тысяч человек), на котором представители «Демроссии» проинформировали мурманчан о последних указах президента РСФСР по восстановлению законности в республике. Сообщения о решениях российского руководства они по-прежнему получали только по неофициальным каналам.

В ходе митингов был организован сбор подписей под телеграммами в адрес ВС СССР и ВС РСФСР. Мурманчане все настойчивее требовали от депутатов местных органов власти занять принципиальную позицию по отношению к ГКЧП и издаваемым им постановлениям. Президиумы областного и городского Советов приняли обращение к жителям Мурманска и области, в котором объявили о том, что в своей деятельности они по-прежнему руководствуются Конституцией и законами РСФСР, указами Президента России.

На заседании Президиума областного Совета о своем подчинении российским структурам власти и законам сообщили руководители управления КГБ и внутренних дел. Эти решения тут же были доведены до населения с помощью телевидения.

В течение всех вторых суток в Североморске распространялись листовки с осуждением организаторов переворота, продолжались стихийные митинги жителей в Кандалакше, Мончегорске, Ковдоре, Росляково и Мурманске-60. Массовые акции проходили спокойно и организованно, без нарушений общественного порядка. В Мончегорске, Апатитах и Кандалакше органы местной власти приняли решение о непризнании ГКЧП и поддержке действий Б. Н. Ельцина и российского руководства. Первым 19 августа в области такое решение принял городской совет Полярных Зорь.

20 августа Президиум Кировского городского Совета народных депутатов, поддерживая законно избранные институты власти — президента и Верховный Совет РСФСР, призывал всех кировчан к порядку и твердой дисциплине на каждом рабочем месте, тем самым показав свое отношение к конституционным началам советской власти. Кировские власти выражали надежду, что сессии ВС СССР и ВС РСФСР примут правильные решения и предотвратят гражданскую войну и междоусобицы [Обращение Президиума..., 1991]. Собрание Апатитского горсовета также заявило о своей последовательной

приверженности демократическому преобразованию общества, коренным экономическим реформам. Оно выразило поддержку конституционно избранным органам власти Союза ССР и РСФСР и в своей деятельности постановило руководствоваться решениями законно избранных властей, в том числе указами Президента РСФСР от 19 августа 1991 года [Решение собрания..., 1991].

Наивысшая степень напряжения в трудовых коллективах области пришлась на утро 21 августа, когда стало известно о ночной попытке отдельных воинских частей штурмовать российский «Белый дом». Население с тревогой и надеждой ожидало начала работы чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР.

Последующие события, связанные с падением ГКЧП и арестом его членов, довольно быстро сняли напряжение. Созданные на отдельных предприятиях стачкомы приостановили подготовку к политической забастовке, жители области продолжали работать в обычном режиме. Более сдержанно высказался председатель Мурманского горисполкома Н. И. Бережной: «Мы, естественно, подчиняемся, в первую очередь, российским законам. В постановлении Госкомитета по чрезвычайному положению ведь не сказано об их отмене. Законы РСФСР никто не отменял. Поэтому сегодня цель и задачи наши — именно удержать какое-то равновесие, дать возможность нормально функционировать всему городскому хозяйству. Очень неприятное состояние и тревога на душе от того, что идет такое противостояние, прямая конфронтация. Думаю, мы правильно поступим, если будем действовать в рамках Закона РСФСР о местном самоуправлении, самостоятельно решать все вопросы, связанные с жизнедеятельностью нашего города, нашего населения. Нам нужно меньше встречать в политические распри, а думать над тем, как всем нам жить» [Обозрение мнений, 1991].

Мурманская областная газета «Полярная правда» в этот период не печатала материалы о событиях, развернувшихся в области. Были опубликованы обращение и постановление ГКЧП, указ вице-президента СССР и указы президента РСФСР Б. Н. Ельцина. После провала переворота главный редактор «Полярной правды», депутат областного Совета народных депутатов А. Бавыкин был снят с работы на сессии областного Совета с формулировкой «за политическую несостоятельность», облсовет также осудил позицию редакции газеты «Полярная правда» в период попытки отстранения от власти М. С. Горбачева [Решения президиума, 1991]. Для сравнения: в Ленинграде по той же причине и на волне фактического отказа от советского прошлого 31 августа 1991 года вышел в свет последний номер газеты «Ленинградская правда» [Общественная жизнь..., 2009: 365], а вместо нее 3 сентября по предложению А. А. Собчака в городе появилась новая еженедельная газета «Санкт-Петербургские ведомости», соучредителем которой стал коллектив редакции и городская мэрия [«Ленправда»..., ЭР].

Таким образом, в Мурманской области события, сопутствовавшие государственному перевороту августа 1991 года, были весьма содержательны и в целом отражали электоральную поддержку законных властей. В дни переворота редакция апатитской газеты «Дважды Два» провела телефонный опрос общественного мнения. Всем респондентам был задан вопрос: «Как вы относитесь к комитету по чрезвычайному положению?» По его результатам 13 % высказалось за комитет, 21 % затруднились ответить, 66 % осудили комитет [Горожане о попытке..., 1991]. В газете «Кировский рабочий» была опубликована

статья В. Б. Ляцкого, в которой автор вполне спокойно, тогда как ситуация даже для активных слушателей «Би-би-си» и радиостанции «Свобода» была далеко не ясной, подвергал критике новое советское руководство: «Насилие неизбежно рождает насилие, а эскалация политического насилия приведет к тому, что в результате люди теряют даже те скудные права и ту степень цивилизации, которую имели, общество оказывается отброшенным назад на десятки лет. Хотя сейчас в стране экономический бедлам, новые идеи принесли надежду на иную, лучшую жизнь. Они (руководители путча) все больше теряют почву под ногами, создается впечатление, что дни их сочтены». В заключение автор писал, что инициаторы переворота — политические безумцы. Они социально опасны, их пребывание во главе ядерной державы опасно [Политические безумцы, 1991]. Появление такого материала безнаказанно в открытом доступе в дни путча свидетельствует о неконтролируемости советским руководством ситуации в Мурманской области.

Элита региона выразила явную поддержку Б. Н. Ельцину только после событий августа 1991 года, в период же ГКЧП, исходя из материалов СМИ тех дней, все заняли выжидательную позицию. В области не проводились полномасштабные выступления и митинги в ту или иную поддержку.

В те же дни заместитель начальника Апатитского городского отдела внутренних дел П. Н. Шкраба заявлял: «У меня одна задача и одна политика — сохранение правопорядка и безопасности граждан нашего города. В любом случае мы будем выполнять приказы и указания своего непосредственного — начальника — министра МВД РСФСР. По сведениям газеты «Дважды два», в Мурманске в дни путча был зафиксирован рост преступности. В Апатитах ничего подобного не отмечено [Как прикажет..., 1991]. По области в целом не было ни одного случая избиения граждан, должностных лиц по политическим мотивам, крупных фактов вандализма. Можно заключить, что органам советской власти в управлении одной из милитаризованных областей страны удалось не допустить столкновений, не дать оснований советскому руководству под видом наведения порядка ввести в населенные пункты войска, объявить о введении в регионе чрезвычайного положения, то есть решить самую важную задачу — уберечь людей.

### **Вместо заключения**

В последовавший период общественно-политическое развитие региона было обеспечено принятием законов и указов, способствовавших развитию многопартийности, ускорявших процесс развития политических партий, объединений и неформальных движений.

5 ноября 1991 года «Полярная правда» опубликовала постановления Съезда народных депутатов РСФСР «Об организации исполнительной власти в период радикальной реформы» и «О правовом обеспечении экономической реформы», которые ликвидировали существовавшую до этого систему управления на местах [Постановления..., 1991]. С критикой данного решения съезда выступил Ю. А. Евдокимов. Он утверждал, что только избранный глава администрации «будет пользоваться доверием людей, ощущать их поддержку, а с опорой на это — смело отстаивать интересы населения перед центральными, то есть российскими структурными управлениями <...>, назначение — это отход от демократии, переход к жесткому централизму. <...>. Это у нас уже было. Что

же — опять к старому, снова насаждение винтиков и болтиков, только теперь под другой гаечный ключик? А если в один прекрасный день вся масса винтиков и болтиков, закрученная до недовольства, откажет ключику и шарахнется в сторону? Как тогда будут себя чувствовать новоявленные поборники тотального послушничества?» [Не разрушать..., 1991].

13 ноября 1991 года Указом Президента РСФСР главой администрации Мурманской области был назначен Е. Б. Комаров, а 14 декабря 1991 года, согласно Указу Президента РСФСР, главой администрации города Мурманска назначен О. П. Найденов. Начинаясь новый этап в жизни областного центра и Мурманской области.

#### Список сокращений

АМНГР — «Арктикоморнефтегазразведка»  
ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР  
ГМК — горно-металлургическая компания  
ДПР — Демократическая партия России  
КГБ — Комитет государственной безопасности  
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза  
МВД — Министерство внутренних дел  
ММП — Мурманское морское пароходство  
МРП — Морской рыбный порт  
РКП — Российская коммунистическая партия  
РТП — Российское транспортное предприятие  
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза

#### Список источников и литературы

В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е. М.: Горбачев-Фонд, 2008. 800 с.

Выразили недоверие // Полярная Правда. 1991. 27 августа.

*Горбачев М. С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 400 с.

Горожане о попытке переворота // Дважды два. 1991. 22 августа.

*Ельцин Б. Н.* Записки президента. М.: Огонек, 1994. 415 с.

Запрос В. А. Ивашко // Полярная правда. 1991. 22 августа.

Заявление М. С. Горбачева // Полярная правда. 1991. 27 августа.

Как прикажет руководство // Дважды два. 1991. 22 августа.

К гражданам России // Кировский рабочий. 1991. 22 августа.

«Ленправда» — десять лет спустя. 2001. 21 июня URL: <https://www.lenpravda.ru/today/251367.html> (дата обращения: 09.01.2020).

Не разрушать, а созидать // Полярная правда. 1991. 9 ноября.

Обком закрыт, но ушли не все? // Полярная правда. 1991. 19 октября.

Обозрение мнений: [составлено из интервью корреспондентов «Полярки» и откликов читателей] // Полярная правда. 1991. 21 августа.

Обращение бюро Мурманского обкома КП РСФСР // Полярная правда. 1991. 21 августа.

Обращение Президиума Кировского городского Совета народных депутатов // Кировский рабочий. 1991. 22 августа.

Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: сб. / сост. О. Н. Ансберг, А. Д. Марголис. СПб.: Серебряный век, 2009. 784 с.

Остановились троллейбусы // Полярная правда. 1991. 21 августа.

Первый Президент России Борис Николаевич Ельцин // Полярная правда. 1991. 11 июля.

Политические безумцы // Кировский рабочий. 1991. 22 августа.

Положение чрезвычайное. Но нужно обойтись без ЧП // Полярная правда. 1991. 21 августа.

Постановления Съезда народных депутатов РСФСР // Полярная правда. 1991. 5 ноября.

Решение собрания Апатитского горсовета от 20 августа 1991 г. // Дважды два. 1991. 22 августа.

Решения президиума и исполнительного комитета областного Совета народных депутатов // Полярная правда. 1991. 27 августа.

О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР: указ Президента РСФСР от 20.07.1991 № 14 // Полярная правда. 1991а. 20 июля.

О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных Силах СССР и правоохранительных органах и государственном аппарате: указ Президента СССР от 24.08.1991 № УП-2462 // Полярная правда. 1991б. 27 августа.

#### *Сведения об авторе*

#### **Шех Александр Владимирович**

магистр истории, заместитель директора ЧОУ «Школа Пионер» города Мурманска

#### **Alexander V. Shekh**

Master of History, Deputy Director of private educational institution “School Pioneer”,  
Murmansk

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.010

УДК 069.6:39

#### **К. А. Тertyшная**

### **ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ: ВЗГЛЯД ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ<sup>1</sup>**

#### **Аннотация**

Одной из важных задач региональных историко-этнологических исследований является определение этнографического потенциала областных и муниципальных музеев. Целью статьи является обзор основных аспектов осмысления проблем,

---

<sup>1</sup> Статья выполнена в рамках темы государственного задания № 0226-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XX вв.: исторический и антропологический ракурсы».

касающихся этнографических музеев, в отечественной науке. Рассмотрены основные направления в изучении проблематики музеев, в т. ч. этнографических. Проблемы музеев изучаются в институциональном и социально-культурных ракурсах, а также в контексте процессов социально-культурной идентификации и коммеморации. Основное место уделяется размышлениям исследователей о «кризисе музеев» и тенденциях их развития. Проблемы российских этнографических музеев определяются на концептуальном, институциональном, социально-экономическом, социально-культурном уровнях.

**Ключевые слова:**

*музей, этнографический музей, музейное сообщество, идентичность, музейный фонд, этнографический предмет.*

**Christina A. Tertyshnaya**

**PROBLEMS OF ETHNOGRAPHIC AND LOCAL HISTORY MUSEUMS:  
A VIEW OF RESEARCHERS**

**Abstract**

One of the important tasks of regional historical and ethnological research is to determine the ethnographic potential of regional and municipal museums. It matters pragmatically — for the development of the tourism industry, and in relation to the general cultural, educational, scientific development. The purpose of the article is to review the main aspects of understanding problems related to ethnographic museums in domestic science. The problems of museums are studied in institutional and socio-cultural perspectives, including in the context of the processes of socio-cultural identification and commemoration. The main place is given to the thoughts of researchers about the “crisis of museums” and their development trends. The problems of Russian ethnographic museums are defined at the conceptual, institutional, socio-economic, socio-cultural levels.

**Keywords:**

*museum, ethnographic museum, museum community, identity, museum fund, ethnographic subject.*

**Введение**

Мурманская область, как любой другой регион, имеет достаточно развитую музейную сеть со своей историей, местными особенностями, общими и специфическими проблемами деятельности. В настоящее время она представлена в первую очередь Мурманским областным краеведческим музеем с территориальными отделами в селе Ловозеро (отдел истории, культуры и быта кольских саамов) и поселке Умба (отдел истории, культуры и быта терских поморов). В 2000 году на базе таких же отделов были созданы муниципальные музеи краеведческой направленности в Коле, Кандалакше, Мончегорске, Никеле, Ковдоре [Мурманский..., ЭР]. В музейную инфраструктуру области включены Мурманский областной художественный музей, городской историко-краеведческий музей ЗАТО города Полярный, историко-краеведческий музей в городе Апатиты, историко-краеведческий музей Печенгского района, историко-краеведческий музей с мемориалом С. М. Кирова и выставочным залом в городе Кировске, другие музеи муниципальной, ведомственной и иной принадлежности. Одной из важных задач региональных историко-этнологических исследований является определение этнографического потенциала музеев, что имеет значение как прагматическое — для развития туристической отрасли, так и общекультурное, образовательное, научное.

Целью данной статьи является обзор основных аспектов осмысления проблем, касающихся этнографических музеев, в отечественной науке.

## Музей и процессы идентификации

Формирование музейной сети началось в конце XVIII — начале XIX веков, в период промышленного капитализма западноевропейского общества, который повлек за собой трансформацию системы экономических отношений и создание национальных государств. Одной из ключевых предпосылок появления музеев стала потребность государств в укреплении национальной идентичности.

В настоящее время идентичности прошлого считаются нерелевантными, возникают новые стратегии самоидентификации. Значимые для дискурса концепты, такие как раса, этнос, нация, государство, которые рассматривались как объективные феномены и изучались соответствующими научными дисциплинами, сегодня относятся к результату идеологического конструирования. Подвергаются критическому пересмотру представление об «объективном» научном видении, эволюционизм, статус исторического знания и другие способы легитимации дискурса национального.

Музеи конструировали границы между «своими» и «чужими», при этом артефакты других культур могли «присваиваться». Обладание артефактами «чужой» культуры считалось значимым для колониальных государств, поскольку этнографические предметы подтверждали власть метрополии, распространяющейся за пределы ее формальных границ, а также давали возможность для изучения и сопоставления культур разных народов. В рамках конструирования идентичности главной задачей стало обозначение границ между «своими» и «чужими», а также определение роли конкретной нации в мировом историческом процессе. Основную роль, в том числе и в формировании музейных коллекций, начали играть такие научные дисциплины, как история, антропология, этнография, археология, история искусства. В современном мире трансформируются представления об идентичности: на смену сообществам прошлого приходят новые социальные образования, возникают новые средства репрезентации идеологии. В соответствии с этим актуально изучение смыслов и их отражения в музейных предметах.

Просветительский дискурс XIX — начала XX веков основывался на том, что музейный предмет — это наиболее эффективное средство наглядного представления идеи. Сбор случайных вещей, редкостей в музеях трансформировался в рационально организованную систему, наглядно репрезентирующую исторический процесс. Посредством этнографических предметов этнические сообщества и расы могут быть представлены в музее как поддающиеся классификации, описанию, имеющие четкие границы, при этом можно проследить их развитие, взаимосвязь и иерархию.

В отечественном музееведении вопрос о роли музейного предмета в репрезентации национальной идентичности стал актуальным в конце 1980-х годов, на этапе, предшествовавшем распаду СССР, и в начале процесса формирования новой, постсоветской идентичности. В отечественной этнографии исследовалась проблема «национального самосознания», а в музееведении — то, какие смыслы могут быть отражены посредством этнографического предмета. Исследователями задавались вопросами, насколько совместим научный дискурс этнографии с автостереотипами носителей этнической культуры и возможно ли с помощью музейного предмета отразить изменения, происходящие в национальном самосознании в условиях, когда традиционные предметы быта, национальная одежда, типы жилища исчезают из обихода, заменяясь стандартизированной продукцией [Беззубова, 2011: 22–23].

### **Институционально-типологический аспект**

Музей как социальный институт предназначен для удовлетворения потребностей общества, он занимается культурным просвещением и способствует трансляции ценностей, вкусов, новых знаний. Одной из главных задач музея является информационный и ценностный обмен между различными социальными группами [Комлев, 2012: 1]. Под музеями также понимают научно-исследовательские и культурно-образовательные учреждения, предназначенные для сохранения, актуализации и трансляции наиболее ценной части культурного и природного наследия. Музеи изучают экспонаты, обеспечивают информационную базу для проведения научных исследований. Формирование музейного фонда находится в тесной связи с осуществлением экспедиционных выездов, полевых исследований, со сбором материалов. Музеи реализуют экспозиционно-выставочную деятельность, проводят и принимают участие в научно-практических конференциях, симпозиумах, а также в научных исследованиях с учеными, научными центрами и т. д., организуют благотворительные мероприятия. Музеи создают условия для эстетического и патриотического воспитания, осуществляют процесс передачи культурных норм, традиций, опыта поколений, новых знаний обществу, современные музеи вовлечены в образовательные и культурные проекты, взаимодействуют с учебными заведениями, турфирмами и другими учреждениями [Поддубская, 2018: 216].

Существует несколько классификаций музеев:

1. По профилю, то есть связи с конкретной областью знаний, которая является для музея ведущей.

*Этнографические* музеи относятся к историческим, которые представлены также общеисторическими музеями, военно-историческими, археологическими, истории религии, историческими персональными, историческими монографическими (событийными), истории отдельных предприятий. Выделяются также *художественные* музеи (изобразительных искусств, декоративно-прикладного искусства, народного художественного творчества, дворцово-декоративного и паркового искусства и т. д.), *искусствоведческие* (театрального, музыкального искусства, фото- и киноискусства и др.), *литературные* (широкого профиля, истории книги, персональные и т. д.), *архитектурные, технические* (политехнические, по отраслям техники, персональные), *естественнонаучные* (географические, биологические, минералогические, медицинские и т. д.), *отраслевые* (сельскохозяйственные, педагогические, здравоохранения и пр.). Отдельную категорию составляют *комплексные* музеи: краеведческие, архитектуры и истории, архитектуры и этнографии, историко-художественные, литературы и искусства, медицины и здравоохранения.

Вне профильных групп исследователи выделяют *краеведческие* и *мемориальные* музеи, так как последние не связаны с определенной областью знаний, наукой, отраслью: музеи одного класса предметов, музеи-заповедники, сочетающие природный, исторический, монографический и другие компоненты.

2. По признаку принадлежности к тем или иным категориям собственников: государственные, ведомственные, муниципальные, частные, корпоративные, общественные, муниципальные и церковно-археологические.

3. По масштабу деятельности: музеи общегосударственного значения, республиканские, краевые, областные и местные музеи.

4. По типу собираемых музеем памятников: коллекционные (сбор и хранение памятников) и ансамблевые (документирование природной и культурно-исторической среды) [Сапанжа, 2012: 4–5].

5. По способу организации: самостоятельные юридические лица, структурные подразделения юридических лиц, частные коллекции.

6. По специфике места, объектов недвижимости и помещений в них: музей под открытым небом, мемориальный музей, музей-ансамбль и др.

7. По способу управления, финансирования и организации деятельности: государственные музеи, независимо от ведомственной принадлежности и музеи на общественных началах; бюджетные музеи и общественные музеи [Рыбак, 2019: 4].

В современных исследованиях, посвященных изучению музеев, акцент делается на осмыслении социокультурных процессов, в которые вовлечен данный институт общества, исторической и культурной природы музея, его социальных функций и форм их реализации в различных общественно-экономических условиях, то есть наблюдается сбалансированное освещение всех составляющих музейного организма на институциональном уровне.

### **Социально-культурные аспекты**

В последние годы исследовательский интерес к музеям во многом определялся проблематикой памяти, поскольку музей выступает одним из ключевых средств формирования, хранения и потребления коллективного фонда воспоминаний. Характерные особенности и способы организации, проблемы деятельности музеев, их связи с другими институтами, музейные технологии, состав и свойства персонала и аудитории, способы взаимодействия между ними и т. д. представляют систему показателей для определения состояния и динамики коммеморативной культуры данного общества (сообщества любого уровня).

В социально-культурном отношении музей анализируется на различных уровнях: коммуникативном, материальном, пространственном, дискурсивном, на уровне авторов, на уровне репрезентации. В последнем варианте уделяется внимание структуре и порядку пространства, его эмоциональному содержанию, определению границ обхода экспозиции. Музейные объекты становятся значимым элементом анализа музеализации. Так, основным тезисом теоретических работ о музее является осознание аутентичности объекта и его воздействие на посетителя. Объекты выступают фрагментами прошлого, которые сохранились в коллекциях. Только посредством инсценировки и контекстуализации в музейном пространстве они приобретают специфические свойства, отражая символы и связь с прошлым.

Музей реализует политический дискурс о прошлом, поскольку является местом интерпретации прошлого для определенных политических целей. Выставка может рассматриваться как дискурс, созданный в определенном пространстве, в определенное время для конкретных политических целей. При этом к анализу музейных выставок применим и инструмент исторического анализа дискурса. Так, при анализе выставок определяются пробелы, фигуры умолчания, телеология рассказа, наличие противоречивых или сбалансированных высказываний, то есть насколько нарратив моно- или многонационален.

На уровне авторов выставки рассматриваются как личные индивидуальные образы прошлого (например, полученные посредством интервью) сотрудников

музея и возможное влияние свидетелей прошлого (ветеранских организаций, союзов жертв и т. п.) и международных сетей сотрудничества [Махотина, 2018: 75–76].

Образ музея, существующий в общественном сознании, определяется не только суммой сохранившихся сведений о нем, но и значением, которое ему придается. Этот образ формируется современниками. В какой-то степени их мнение объективно, всесторонне и способно удовлетворить потомков, рассматривающих прошлое сквозь призму собственного исторического опыта. Однако современники, очевидцы событий, не способны дать полноценную и тотальную характеристику музею в целом, ибо пристрастны к одним сторонам его жизни, не внимательны к другим. Они связаны с реалиями действительности и объективно оценивать их не могут.

Способы сохранения информации о музее, изучение и повествование о нем менялось в процессе общественного развития. В последние десятилетия к области изучения музейного дела стали применяться новые подходы, представления, интерпретации. В этом отношении обладает определенной перспективностью идея «многослойности» исторического прошлого. Применительно к музееведческому исследованию такой подход позволяет констатировать, что знание вообще все более усложняется и задача музеолога на сегодняшний день — отразить и зафиксировать различными средствами сложности познания музея, не упрощая его [Степанова, 2015: 70].

Изменения во взаимоотношениях общества с его коллективной памятью отражаются в проблематике этнографических музеев. Исследователями признано, что объективно и субъективно традиционная культура трансформировалась, перевоплощалась или в признак ушедшего прошлого, или в характеристику экзотики, существующей вне большого города, где находится этнографический музей. Большинство не ощущает личной связи с культурой, представленной в этнографических экспонатах. Музеи вовлечены в процесс социализации учащейся молодежи, приобщая их к ценностям региональной (отечественной, мировой) культуры, при этом любая, в том числе локальная, культура вне антропологической модели ее интерпретации представляется набором неясных символов.

Основная масса населения обладает представлениями об этнических аспектах культуры, которые получены из этнографических пособий, в каком бы виде они ни существовали (энциклопедии, учебники, художественная литература, телепрограммы, специализированные электронные ресурсы). Музейная публика отличается высоким образовательным цензом, но невысоким этнографическим образованием. На рынке информации присутствует огромное количество трактовок культурных явлений, которые не проходят научной экспертизы. Порождается недоверие к официальным источникам информации [Дмитриев, 2007: 39–40]. Состояние и динамика информационной среды — один из важнейших факторов функционирования музеев.

### **Тенденции развития и «кризис» музеев**

Основные тенденции развития музеев определяются их институциональной спецификой. Музей является важной составляющей культурной и духовной жизни местного, национального и международного сообщества. Он содействует социальному и экономическому развитию общества, играет значимую роль

в сохранении собраний и передаче знаний об историко-культурном наследии, в укреплении социальной сплоченности и культурных идентичностей, продвигает региональные ценности в эпоху глобализации, создает новые ресурсы для местного регионального и национального уровней общества [Будко, 2015: 12].

К перспективам развития музея относят появление информационных, социальных, культурных, технологических и технических нововведений и методов, форм представлений, интерпретации музейных предметов и музейного собрания, использование новых форм работы с посетителями.

На сегодняшний день наблюдается кризис муниципальных музеев, которые являются культурными центрами села, поселка, малого города. По содержанию работы эти музеи относятся к краеведческим, в них собраны уникальные материалы по истории конкретного места. Важным направлением совершенствования работы музеев является развитие выставочной и экспозиционной деятельности не только в стенах музея, но и за его пределами. Количество выставок возрастает, расширяется их география, что способствует росту активно используемых фондов, при этом музеи рискуют ослабить внимание к содержанию и качеству основной экспозиции: например, в краеведческих музеях формируются выставки, тематика которых касается исключительно отдельных периодов истории страны, а не региона.

Исследователи отмечают значение участия научных работников в создании постоянной экспозиции и ее научном обосновании. В музеях просветительская и образовательная функции приобретают системный характер: тематика лекториев согласуется с программами учебных заведений. Музеям необходимо приобщаться к системе образования, а также к научным изысканиям, проводимым в профильных научных учреждениях, поскольку именно музей выступает хранителем фундаментальных знаний. Отмечается, что внедрение интерактивных форм работы, игровых технологий в музеях должно осуществляться с необходимой деликатностью, в противном случае есть угроза трансформации музея в учреждение развлекательного профиля [Гудима, 2017: 83].

Предметом внимания специалистов являются изменения в музейных и выставочных пространствах. Музеи реставрируют свои исторические здания, реконструируют их, расширяют и строят новые. Реконструкции музеев и изменение границ музейного мира, в свою очередь, расширяют и круг требований, предъявляемых к современным музейным комплексам, которые, помимо экспозиции, включают в себя выставочные залы, депозитарий, исследовательские и реставрационные мастерские, архивы, административные помещения. Расширение музеев как в территориально-пространственном, так и в социокультурном отношении влечет за собой финансовые, управленческие и организационные проблемы. Ориентация на получение прибыли, на поток туристов и организацию светских мероприятий требует создания специальных структурных подразделений и концентрации ресурсов, отнимая время и силы сотрудников от реставрационной и научной деятельности. Тем не менее рост числа посетителей, который является одним из важных показателей эффективного развития музея, не всегда соответствует росту расходов, особенно если он несоизмерим с уровнем качества восприятия музейных экспонатов и музейной информации. Возрастает роль внешних влияний на музей, что ослабляет его способность к принятию самостоятельных решений. В связи с этим возрастает и роль единства музейного сообщества, повышения уровня его компетентности и квалификации, взаимопомощи и взаимоподдержки [Мастеница, 2015: 24–25].

Интернет стал инструментом для расширения границ представлений о музее, он способствует популяризации музейных коллекций. Виртуальные выставки и виртуальные музейные проекты — одна из форм существования музея в XXI веке. К «виртуальной выставке» относят демонстрацию виртуальных образов, специально созданных для музейной выставки, с помощью средств веб-технологий. Данный информационный ресурс предоставляет возможность получения новой информации широкому кругу пользователей, позволяет при формировании выставки расширить круг использованных средств и приемов для реализации идеи и концепции проекта (тексты, графика, аудио, видео и др.).

Поиск дефиниции «виртуальной выставки» привел к тому, что музейным сообществом были выделены многие ее «положительные» и «отрицательные» черты. К достоинствам виртуальных музейных выставок относят современность (она ассоциируется с применением новых технологий), доступность (во времени, пространстве, по количеству обращений), индивидуализацию восприятия через экран цифрового устройства, автономность от реальных условий функционирования музея, мобильность, доступность перемещения, экономичность — как при создании, так и при демонстрации экспозиции, возможность представления музейных предметов, недоступных для экспонирования в традиционных условиях, вариативность, относительную легкость внесения изменений и создания различных «уровней глубины» подачи материала, популяризацию музея и его коллекций вне стен музея, возможность простого и быстрого социологического анализа аудитории и спектра потенциальных посетителей. В качестве недостатков, присущих виртуальным выставкам, выделяют отсутствие прямого общения с артефактами и межличностного общения, неспособность виртуального образа сформировать эмоционально-чувственные впечатления. Восприятие музейной выставки осуществляется опосредованно, через призму веб-технологий [Волькович, Чигарева, 2015: 251].

Виртуальность, современные технологии и технические новшества не только выступают в качестве инструментов в формировании музейных композиций и коллекций, но и способствуют новым подходам в осуществлении просветительной, образовательной, педагогической деятельности музея. Менеджмент и маркетинг становятся важными элементами «продвинутых» музеев, хотя они относятся к некоммерческим учреждениям. Современный музей рискует превратиться в одноразовый продукт потребления. Ввиду отсутствия общей базовой концепции музея, в пространстве культуры он начинает стремиться к замкнутости и самодостаточности.

В эпоху глобализации расширяются функции музея по продвижению региональных ценностей, по выявлению, сбору, хранению, научному изучению и публикации музейных предметов и коллекций. Музей способствует экономическому и социальному развитию, укрепляет культурные идентичности, поддерживает социальную сплоченность. Он осуществляет музейную педагогику и представляет образовательный ресурс, генерирующий и распространяющий знания. Музей воздействует на экономическое и социальное развитие общества, служит медиатором в сфере межкультурного взаимодействия. Из многообразия функций следует важность изменений в подготовке и переподготовке музейных специалистов [Будко, 2015: 13–14].

Виртуальность как одна из составляющих современной музейной практики провоцирует кризисные явления, инициируя конфликт универсальности и уникальности. Данное явление носит двойственный и разнонаправленный характер, поскольку не только способствует изменениям профессиональных воззрений на музей, но и затрагивает сферу жизни личности. Это создает ролевой конфликт между декларируемыми музеем ценностями и индивидуальными возможностями их восприятия и применения человеком, что приводит к деформации музейной идеи в общественном сознании. Роли, предлагаемые (иногда и навязываемые) музеем посетителю, в силу развития и мировоззрения личности, не всегда соответствуют ее потребностям и запасу знаний. В результате в отношении музея формируется неустойчивая модель поведения человека, не всегда положительная, нередко дисгармоничная, иногда проявляющаяся в девиантном поведении и вандализме [Будко, 2009: 33].

Музейный предмет имеет несколько функций — информационную, коммуникативную и аксиологическую. Он становится своеобразным символом целой эпохи: чем уникальнее вещь в силу единичности и специфики, тем большую смысловую аккумулирующую нагрузку он несет, формируя в сознании человека разного рода представления, в том числе об эпохе. Таким образом, сегодня музей перестает выступать и осмысливаться только в роли ретранслятора истории, он предстает ее «конструктором», то есть одним из преобразующих, активных стратегических ресурсов и культурных факторов глобального культурного пространства.

Главной задачей музея является сохранение культурной традиции как фундаментальной категории и феномена культуры. Но традиция, несмотря на свою преимущественную локальность и ограниченность в рамках определенной социальной и национальной группы, не замкнута и рано или поздно претерпевает влияние извне, трансформируется (либо сохраняет свое «ядро», «самость» и взаимообогащается, либо трансформируется в транскультуру). Поэтому важно с применением в деятельности музея современных инноваций не утратить традиционные формы и принципы работы.

Разработка сайтов музея и создание виртуальных экспозиций, экскурсий способствуют росту продуктивности и популяризации культурно-исторического наследия. Коммуникация межличностная не менее важна в музейном пространстве. Она реализуется в нескольких планах: от корпоративной коммуникации (форматы: сотрудник — сотрудник, музей — музей и др.) до музейной (музейный предмет — сотрудник — посетитель), воздействующей на посетителя через многообразие форм деятельности. Многообразие музейных услуг (экскурсий костюмированных, театрализованных, интерактивных, лекций-концертов, тематических литературно-музыкальных вечеров, перформансов, интерактивных выставок и массовых праздников-шоу, музейных занятий и т. д.) отражает интегративный признак (синтез многообразия) и унификацию (некоторые формы работы стали «типичными» для всех музеев) [Гаврилова, 2014: 42–43].

Этнографические музеи сохраняют и отражают культуру определенного этнического происхождения или разных народов (уклад жизни, одежда, занятия, оборудование, жилье и мн. др.). Особенность этнографических музеев состоит в том, что именно они демонстрируют посетителям индивидуальные черты, соответствующие этнической группе. В то же время этнографические музеи не только представляют своеобразную культуру, но и определяют направление научного исследования [Орифжонова, 2019: 6].

Трансформации традиционной культуры ставят перед музеями дискуссионный вопрос о современных подходах к комплектованию фондов: музей должен реконструировать «застывшую» в определенный промежуток времени этническую культуру или отражать современные этнические процессы? Определены несколько основных проблем в комплектовании этнографических коллекций: во-первых, не существует методических пособий по отбору экспонатов для комплектования фондов; во-вторых, актуальна проблема сохранения использованного при изготовлении памятника материала; в-третьих, бюрократические издержки часто тормозят путь попадания вещи в фонд; наконец, важным обстоятельством является недостаточное финансирование, выделяемое на пополнение собрания музея [Баранова, 2019: 250].

Проблемы, связанные с идентичностью человека в глобализирующемся мире, продолжают вызывать неослабевающий интерес. Уделяется внимание изучению образовательного потенциала музеев в аспекте этнической культуры, поскольку именно музей формирует и сохраняет этническую идентификацию общества.

Деятельность музея направлена на решение двух задач.

Во-первых, это трансляция знаний об определенном народе, его ценностях, нормах, традициях и т. д. (когнитивный уровень). Подчеркнем, что сотрудники музеев являются активными участниками этнографических (антропологических) исследований, квалифицированно выполняя эмпирическую и теоретическую работу. В период своего становления этнографические музеи возглавлялись ведущими учеными, которые стремились пополнить коллекции и систематизировать имеющийся материал в фондах, а также построить фундаментальную концептуальную базу этнической культуры для ее изучения.

Во-вторых, задача музея — формирование оценочного и эмоционального отношения к самой идентичности и толерантности, уважительного отношения к собственной и чужой этнической культуре (ценностно-аффективный уровень). Вторая задача относится к результатам научной деятельности музея, а главным методом ее реализации служит построение диалога с посетителем. Музейная коммуникация не может быть односторонней: для того чтобы создать у посетителя эмоциональное и ценностное отношение к предмету или явлению, важно выстроить прямое общение посредством культурно-образовательных форм.

В условиях глобализации и появления новой парадигмы образования невозможно недооценивать образовательный потенциал традиционных институтов, в частности, музея как уникального феномена, который отвечает за сохранение наследия (естественнонаучного, культурного) и за трансляцию его обществу. Опираясь на восприятие музейного предмета, музей создает собственную область образовательной коммуникации, способную охватить обширную аудиторию. Актуальны вопросы о необходимости введения новых форм культурно-образовательной работы, о музейной коммуникации и выстраивании диалога с посетителем. Одной из проблем является сохранение традиционных культур (включая этнические), в частности, становление и сохранение этнической идентичности [Рудецкий, 2011: 124].

При построении экспозиции музей стремится к «понятности», «доступности» — от отдельного предмета, тематического блока до всей совокупности предметов и материалов — для любого «среднего посетителя».

При этом дифференцированно решаются вопросы: об одиночном посетителе, посетителях в малой или большой группе; посетителе организованном (ведомом экскурсоводом) или самостоятельным и не сопровождаемом экскурсоводом; об экскурсии по отдельной экспозиции или по всему экспозиционному пространству музея; о характере сопровождения — при помощи экскурсовода или технических и иных информационных средств. От принципиального подхода и решения вопросов «доступности» зависит характер экскурсионного обеспечения, его информационная и эмоциональная направленность.

Ориентация на приток посетителей ставит музей в зависимость от посетителя, его вкусов, информационных и эстетических потребностей, интересов и ожиданий, потребительского спроса и уровня напряжения, активности этого спроса. В данном отношении музей должен определиться со своей ролью: является он участником процесса формирования культуры или же структурной единицей системы потребления и сферы обслуживания?

Существует проблема фондовой обеспеченности музея. Степень полноты, уровень репрезентативности фондов определяют собирательскую, исследовательскую, экспозиционную, просветительскую работу. В рамках временных выставок проблемы репрезентативности фондов решаются путем межмузейных обменов экспонатами, для постоянных экспозиций фондовая репрезентативность выступает императивом.

Что касается собственно этнографических музеев, критике подвергается этнография за несостоятельность ее категориальной концепции, восходящей к устаревшему знанию XIX века. Сомнения вызывают процедуры, методы, мировоззренческая база, морально-этическая составляющая этнографического знания, которое организовано так, чтобы обеспечить этнографии инструментальную функцию унификации культурных и социальных процессов, реализации и воспроизводства иерархии лидерства в реально унаследованных конфигурациях межкультурного, межэтнического взаимодействия. Процессы глобализации на сегодняшний день не нуждаются в этнографии. Эффективнее действуют финансовые и товарные потоки, СМИ. Этнография перемещается в область экзотики, досуга, виртуализации культурного и психологического пространства, а сама деятельность этнографических музеев акцентируется на потребностях современного общества [Арсеньев, 2007: 17].

Причина кризиса этнографических музеев в том, что музейные коллекции обесцениваются, так как не получают должного развития в отношении приема посетителей, новых требований к формам подхода к коллекциям, способам их представления, использования содержимого музея и осуществления его деятельности. Подобное развитие затронуло учреждения, которые не могут существовать без предоставления дополнительных услуг, отвечающих требованиям туризма, а также запросам широких слоев населения, желающих извлекать выгоду из культурно-просветительской деятельности [Вьят, 2007: 26].

Проблема этнографических музеев заключается и в том, что, будучи научными центрами, они ставят задачей своей выставочной деятельности визуализацию и демонстрацию результатов научных исследований, предпочитая выражать количество и богатство коллекционного материала. Успех выставки зависит не только от ценности и числа, представленных на ней коллекций, но и от умений работников музея представлять определенную тему на экспозиции, результаты современных исследований и дискуссий по ней [Купина, 2007: 62].

## **Заключение**

Этнографические музеи являются значимым элементом жизнедеятельности общества, обеспечивая не только сохранение, накопление и передачу знаний, культурного наследия последующим поколениям, но и развитие научно-исследовательской деятельности. Рост посещаемости музеев находится в прямой зависимости от развития информационно-рекламного направления и культурных свойств воспринимающей аудитории, поэтому все больше музеев применяют различные инновационные и информационные технологии. Обсуждение проблем музеев, в частности этнографических, с институциональных и социокультурных позиций определяет многообразие подходов к их решению, направленных на формирование позитивной оценки и положительного имиджа музеев. Для развития региональных музеев представляется особенно важным установление и поддержание конструктивного диалога между исследователями и практиками музейной работы, сопоставление их точек зрения на социальную роль музеев и оценок их перспектив.

Проблемно-исследовательская карта изучения российских этнографических музеев в целом еще не составлена, но ее контуры достаточно четко определяются на концептуальном, институциональном, социально-экономическом, социально-культурном уровнях.

## **Список источников**

Мурманский областной краеведческий музей. URL: [https://culture.gov-murman.ru/culture/oblastnye\\_uchrez/kraevedcheskiy\\_m/](https://culture.gov-murman.ru/culture/oblastnye_uchrez/kraevedcheskiy_m/) дата обращения: 14.02.2020).

## **Список литературы**

*Арсеньев В. Р.* Кризис музеев? Кризис этнографии? Кризис цивилизации? // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 5–19.

*Баранова В. А.* Отражение современных этнических процессов в комплектовании коллекций российского этнографического музея // Материалы XIII Конгресса антропологов и этнологов России: сб. Казань, 2019. С. 250.

*Беззубова О. В.* Современный музей как инстанция дискурса «национального» // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 20–29.

*Будко А. А.* Кризис современного музея: между универсальностью и уникальностью // Музей. 2009. № 9. С. 32–36.

*Будко А. А.* Образ музея в XXI в. // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 11–19.

*Волькович А. Ю. Чigareва Н. Г.* Виртуальные выставки как новая форма деятельности музея // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 250–255.

*Вьят Ж.* Этнографические собрания в современном музее // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 25–31.

*Гаврилова М. Ф.* Роль современного музея в контексте глобализации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1. С. 41–44.

*Гудима Т. М.* История, современное состояние и перспективы музеев России // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 3. С. 79–85.

*Дмитриев В. А.* Перемены во взаимоотношениях общества с его коллективной памятью, касающиеся этнографических музеев // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 38–41.

*Комлев Ю. Э.* Музей как социально-культурный центр региона // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 116–119.

*Купина Ю. А.* Этнографические коллекции в современном музее: размышления на заданные темы // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 56–65.

*Мастеница Е. Н.* Музейный мир в XXI в.: векторы развития // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 19–27.

*Махотина Е. И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 75–93.

*Орифджонова Г. Р.* Роль этнографических музеев демонстрации национально-этнической культуры // National cultures in social space and time: materials of the VI International Scientific conference on March 1–2, 2019 / Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”. Prague, 2019. С. 5–8.

*Поддубская С. Г.* Роль музея в социально-культурной системе современного общества // «Фелицынские чтения (XX)»: Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Краснодар: Вика-Принт, 2018. С. 204–206.

*Рудецкий О. А.* Образовательный потенциал музея (в аспекте этнической культуры) // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 121–125.

*Рыбак К. Е.* Место и роль музеев, действующих на общественных началах, в системе советских и российских музеев (часть 1) // Культурол. журн. 2019. № 3 (37). С. 1–24.

*Сапанжа О. С.* Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (58). С. 3–12.

*Степанова Е. Ю.* Роль исследователя в формировании образа музея // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 67–71.

#### **Сведения об авторе**

**Тертышная Кристина Александровна**

магистр социологии, старший лаборант

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

**Christina A. Tertyshnaya**

Master of Sociology, Senior Laboratory Assistant of the Barents Centre of the Humanities  
FRC KSC RAS

## К ГОДУ ПАМЯТИ И СЛАВЫ TO THE YEAR OF MEMORY AND GLORY

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.011

УДК 94 (470.23-25)

**А. Г. Саморукова**

### **«В ТЕ БЛОКАДНЫЕ ГОДЫ»: ВОСПОМИНАНИЯ Т. А. КОЗУПЕЕВОЙ<sup>1</sup>**

#### **Аннотация**

Автор книги воспоминаний «В те блокадные годы» кандидат сельскохозяйственных наук, директор Полярно-альпийского ботанического сада-института в 1962–1986 годах Татьяна Алексеевна Козупеева проработала в Кольском филиале АН СССР с 1953 по 1986 годы. Она рассказывает о ленинградской блокаде, которую пережила с самого начала и до конца, и была в числе тех, кто вынес все ужасы голода, бомбежек и обстрелов. Глазами молодой девушки запечатлен трагический отрезок ее жизни с его трудностями, потерями и верой в победу. Она описывает трудовые будни блокадников и их повседневную жизнь, обращая внимание на то, что особенно потрясло и уязвляло ее, запомнилось необычностью и драматизмом. Ее рассказ — это ответ на вопрос «Как мы могли выжить?».

#### **Ключевые слова:**

*воспоминания, Ленинград, блокада, голод, блокадная смерть, досуг, оборонное строительство, рабочие бригады.*

**Antonina G. Samorukova**

### **“IN THAT BLOCKADE YEARS”: MEMORIES OF T. A. KOZUPEEVA**

#### **Abstract**

The author of the memoirs «In that blockade years» candidate of agricultural Sciences, Director of the Polar-Alpine Botanical garden of the Institute in 1962–1986 Tatyana Alekseevna Kozupееva. She worked in the Kola branch of the USSR Academy of Sciences from 1953 to 1986. In her memoirs, she tells about the Leningrad blockade, which she endured from the beginning to the end and was among those who endured all the horrors of hunger, bombing and shelling. Through the eyes of a young girl, a tragic period of her life is viewed with its difficulties, losses and belief in victory. She describes the workdays of the blockaders and their daily life, paying attention to what especially shocked and hurt her, remembered for its unusual and dramatic character. Her story is an answer to the question «How could we survive?»

#### **Keywords**

*Memories, Leningrad, blockade, famine, blockade death, leisure, defense construction, work teams.*

#### **Введение**

27 января 2020 года исполнилось 76 лет со дня снятия блокады Ленинграда. Все меньше остается тех, кто пережил ужасы голода, бомбежек, обстрелов. Тем ценнее становятся книги, хранящие память о ней и о том, что пришлось пережить ленинградцам. Блокаде Ленинграда и выпавшим его жителям испытаниям посвящены многочисленные произведения литературы, начиная

---

<sup>1</sup> Статья выполнена в рамках темы государственного задания № 0226-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XX вв.: исторический и антропологический ракурсы».

с созданных непосредственно 1941–1944 годы ее очевидцами и участниками обороны города. Монографии, художественная литература, поэзия, мемуары появляются до сегодняшних дней, подтверждая важность темы и непреходящий интерес к ней. Одним из самых впечатляющих произведений остается «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина, вышедшая в 1983 году и основанная на интервью с очевидцами, документах, дневниках и рассказах ленинградцев, переживших блокаду [Адамович, Гранин, 1983]. «Блокадная книга» переведена на несколько языков, получила широкое общественное признание и многих шокировала подробностями жизни, быта и поведения реальных людей, оказавшихся в нечеловеческих условиях.

Источники личного происхождения позволяют сегодня представить события прошлого в новом толковании, они отражают жизнь в проявлениях обыденной идеологии, менталитета, уровня духовного бытия, сквозь призму отдельной личности. Широкий круг мемуарной литературы последних лет, в том числе адресованных подростковому читателю, освещает повседневную жизнь в блокаду [Глинка, 2010; За блокадным кольцом, 2010; Ленинградские мадонны, 2010; Тарасов, 2012; Пожедаева, 2013; Никольская, 2019]. Воспоминания о блокадном детстве и юности — особая тема мемуарной литературы.

Свои переживания и своя трагедия блокады воссозданы на страницах книги воспоминаний Т. А. Козупеевой «В те блокадные годы в Ленинграде». В ней блокадная реальность — голод, труд, смерть родных — запечатлена глазами молодой девушки, которой на момент начала войны исполнилось 19 лет. Первое издание книги вышло в 2010 году в г. Апатиты малым тиражом [Козупеева, 2010], второе — было предпринято издательством Кольского научного центра РАН в 2015 году [Козупеева, 2015].

Очень проникновенно написал в предисловии к этому изданию В. П. Петров: «Воспоминания Т. А. Козупеевой о страшных блокадных буднях Ленинграда — глубоко личные. Ее оценка трагических событий тех дней — это оценка человека, уже прожившего большую, насыщенную неустанным трудом жизнь, но юность которого, первая любовь и первые творческие порывы были опалены кровавой войной, непоправимой личной драмой. Любые комментарии к выводам и оценкам Т. А. Козупеевой событий тех дней неуместны» [Петров, 2015: 11].

### **О Татьяне Алексеевне Козупеевой**

Козупеева Татьяна Алексеевна родилась 25 декабря 1921 года в Ленинграде. После окончания средней школы в 1939 году поступила в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта на строительный факультет, но, вынужденная перейти на вечернее отделение института, с 18 лет она начала свою трудовую деятельность на цементном заводе табельщицей.

Татьяна Алексеевна пережила блокаду с начала до конца, с первых дней войны принимая участие в оборонном строительстве. Как активная комсомолка, она возглавляла бригаду работников завода, направленную на строительство противотанковых рвов под Кингсеппом. В блокадный период работала на вагоноремонтном заводе и Невском машиностроительном заводе им. В. И. Ленина (военные заказы), принимала участие в строительстве оборонительных сооружений и восстановлении цехов завода. В июне 1943 года за заслуги в оборонном строительстве и выполнении военных заказов она была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Несмотря на войну, блокаду города, девушка стремилась учиться. В марте 1942 года она поступила на второй курс Механического техникума, чтобы стать машинистом и заменить на трудовом посту умершего отца. Но вскоре вынуждена была прервать учебу и возвратиться на завод в транспортный цех разнорабочей.

Уже в 1944 году Татьяна Алексеевна поступила на первый курс Ленинградского инженерно-строительного института, но как только в 1944 году вернулась из эвакуации Лесотехническая академия им. С. М. Кирова, перешла учиться туда и в 1949 году получила диплом с отличием по специальности «инженер городского зеленого строительства». Защитив в марте 1953 года диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук, она в июле того же года приехала по приглашению в Кольский филиал АН СССР в качестве младшего научного сотрудника Ботанического сада.

Стоит отметить, что уже в первые годы работы Татьяна Алексеевна исполняла обязанности ученого секретаря, затем возглавила группу интродукции и озеленения, а в 1962 году была избрана директором Ботанического сада и занимала этот пост до 1986 года. За долгий период становления и развития Кольского филиала АН СССР она была единственной женщиной в составе его Президиума и директорского корпуса. С деятельностью Т. А. Козупеевой как руководителя Полярно-альпийского ботанического сада-института связаны достижения в развитии новых направлений научных исследований и укреплении его научного потенциала и материально-технической базы.

### **Так началась война**

Когда началась война, Татьяна Щербина работала на 10-м элементном заводе за Невской заставой и училась на вечернем отделении Железнодорожного института. Необычное, тревожное сообщение по радио — выступление В. М. Молотова — студентки Таня и ее подруга услышали воскресным днем 22 июня 1941 года в Парке культуры и отдыха им. Кирова, куда приехали готовиться к экзаменам. На молодых людей, жизнь которых только начиналась, сообщение не произвело впечатления страшной вести. Позже Татьяна Алексеевна объясняла это типичной для молодого поколения 1930-х годов уверенностью в силе родного государства, в скорой и легкой победе над врагом.

С первых дней война вторглась в жизнь Ленинграда. 22 июня город был переведен на военное положение, а 29 июня Ленгорисполком принял решение «О привлечении граждан к трудовой повинности».

Татьяна Алексеевна вспоминает о том, как война полностью перевернула жизнь ленинградцев: люди работали на своих предприятиях, организованно выезжали на строительство оборонных сооружений вокруг Ленинграда, после работы убирали чердаки, красили балки огнеупорной краской, носили воду в установленные там бочки, заполняли песком ящики, ночью дежурили на чердаках и крышах. В июле от предприятий стали отправлять бригады работников на оборонное строительство на дальние рубежи. Строили противотанковые рвы, устраивали завалы, устанавливали надолбы. На заводе проходили учения групп самозащиты, учились ликвидировать очаги химического поражения.

«В то время все были очень заняты. Вся наша жизнь была подчинена военному времени, о мирных делах некогда было и вспоминать. С 1 сентября в одних институтах были прекращены занятия в связи с тем, что студенты

работали на оборонительных рубежах, дежурили в госпиталях, другие институты к этому времени были эвакуированы. Железнодорожный институт, где я училась, тоже эвакуировался — документы вернули. А учиться так хотелось!» [Козупеева, 2010: 29].

### **В кольце блокады. Голод**

С 4 сентября немцы стали регулярно обстреливать город. Снаряды попадали в цеха в рабочее время и разрывались в часы пик на улицах, на трамвайных остановках, у проходных заводов, когда люди шли с работы. А с 8 сентября, когда Ленинград был взят в кольцо блокады, начались бомбежки города.

2 сентября было первое снижение норм на хлеб и другие продукты. Голод почувствовали не сразу. Поначалу казалось, что это не угрожает жителям города, все надеялись на скорый разгром немцев. Но после того как 8 сентября сгорели Бадаевские продовольственные склады, последовало дальнейшее сокращение продовольственных норм, которое и принесло ощущение голода. 1 октября, 13 ноября и в пятый раз 20 ноября были очередные сокращения норм.

До второго сентябрьского снижения продуктовых и хлебных норм в Таниной семье голода не ощущали: «Наша семья по-прежнему жила в полном составе, в армию никого не брали. Папе было уже 54 года, маме 61 год, а брату исполнилось 17 лет. Все мы, кроме мамы (она была домохозяйкой), работали: папа на Октябрьской железной дороге помощником машиниста, Юрик — на заводе Ленина фрезеровщиком, я на элементном заводе — табельщицей. Того пайка, который мы получали по карточкам, нам хватало» [Там же: 28].

В первое время, простояв в очередях, еще можно было достать подсолнечный и соевый жмых — дуранду. В сентябре-октябре ездили копать картошку в прифронтовую зону на Ржевке, на полях в Старой Деревне собирали кочерыжки и хряпу — гнилые, почерневшие листья капусты. Первой жертвой голода стал домашний питомец: «У нас был белый сибирский кот. Он первый почувствовал голод. Мы еще чем-то набивали свои желудки, а он отказался и от дуранды, и от хряпы, а в начале октября его не стало. Мы переживали смерть кота, но не думали, что такая же участь ожидает и людей» [Там же: 29]. Особенно остро чувствовать голод и его физические последствия начали в октябре. «Мама простаивала длинные очереди, чтобы достать дуранду, пекла лепешки, варила кашу, но все это было почти без масла, не калорийно, и мы лишь набивали свои желудки. Снижение норм хлеба в ноябре и декабре, плохо отовариваемые карточки привели к весьма и весьма ощутимому голоду. У папы первого начали пухнуть ноги, и в конце декабря он уже не смог ходить на работу. Я ходила, но у меня тоже стали пухнуть ноги» [Там же: 95].

В январе, кроме хлеба, по карточкам ничего не выдавали из продуктов. Надеяться приходилось только на рабочие карточки. Татьяна Алексеевна вспоминает о нормах продовольствия по карточкам: «У папы и Юрика были рабочие карточки, им полагалось по 250 граммов хлеба, у меня служащая — 150, у мамы иждивенческая — 125 граммов. Мы договорились с мамой, чтобы мужчинам полностью отдавать их хлеб, а свой делили пополам. Мы видели, как папа и Юрик тают на глазах» [Там же: 96]. С января 1942 года карточки не отоваривались. В городе не было продуктов, кончилось топливо, кончилась электроэнергия, остановились хлебозаводы — в магазинах не стало хлеба. На выручку тогда пришли комсомольцы. Встав шеренгой, они подавали из Невы

воду в ведрах на хлебозавод. «И все-таки 27, 28 и 29 января мы стояли с утра до позднего вечера на лютном морозе у булочных и ждали хлеба. В эти дни мы не работали» [Козупеева, 2010: 47].

Большой заботой и печалью для Тани были родные, которые, от голода и болезни слегли в начале года. Ее мучило то, что они больные лежат дома и не только страдают от голода, но и беспокоятся о ней. «Когда я выкупала хлеб, я делила его пополам и одну половину отдавала Юрику — у него была рабочая карточка. Вторую половину делила еще пополам — нам с мамой поровну. А когда я приходила с работы домой, они вытаскивали из-под подушки по кусочку хлеба и просили меня съесть. Я отказывалась. Они так боялись, что я тоже свалюсь» [Там же: 48].

«29 и 30 января я ходила в булочную на кольцо Ломоносовского завода, там давали хлеб без прикрепления карточек. Эта булочная была ближе к хлебозаводу. Мороз страшный, спрятаться некуда, да и уйти из очереди нельзя, а вдруг не признают? Вчера мама и Юрик ничего не ели, и я тоже. Только поздно вечером получила хлеб сразу за два дня — вчерашний и сегодняшний» [Там же: 47]. Очереди несколько уменьшились только в феврале 1942 года, когда заметно улучшилось снабжение города. Причиной тому была работа ладожской трассы и эвакуация тысяч людей в январе-феврале.

Весной 1942 года значительно повысились нормы выдачи хлеба, реже стали задерживать выдачу продуктов по карточкам. Продукты по карточкам выдавали в разных местах, но чаще всего в магазинах и столовых. Многие столовые были ведомственными, посторонних туда не допускали, поэтому талоны удавалось отоварить быстрее. Такие карточки имела и Татьяна, которая работала на вагоноремонтном заводе. «Питались мы в столовой мыловаренного завода. Меню было небогатым и однообразным. В этот период кормили нас в основном горохом: суп-горох, каша, размазанная по тарелке (60–80 граммов), тоже гороховая и маленькая котлетка на мясной талон. Тогда каждую порцию взвешивали на весах. Меню всегда было одно и то же, но так как мы постоянно испытывали чувство голода, оно не могло нам надоесть» [Там же: 64].

Все свои карточки Таня и ее подруга проедали в столовой, но и дома хотелось есть. На выручку пришел подножный корм. Весной 1942 года в оврагах и пустырях собирали лебеду. «Шли домой и принимались за обед. Это был весенне-летний обед: щи из лебеды, котлеты из лебеды, тушенка из лебеды. И так каждый день» [Там же: 62]. Вспоминает она и о новых источниках питания, которые появились с начала 1942 года. Это была продовольственная помощь, которую блокадникам оказывали партизаны. Весной 1942 года партизаны привезли в Ленинград картошку, которую распределили по предприятиям. Татьяна, как и каждый работающий на заводе, получила три килограмма картошки. «Это была для меня уже вторая военная картошка. Первую я купила летом 1942 года на рынке, когда получила по страховке за папу 3000 рублей. Три тысячи рублей для истощенного человека хватило на три сытных обеда» [Там же: 68].

Положение постепенно улучшалось. Карточки отоваривались полностью, но истощенным ленинградцам этого было мало. «В 1943 мы еще не наедались досыта, но и от голода не умирали. По карточкам получали уже по 500 граммов хлеба, и все-таки постоянно хотелось есть. Я приспособилась из хлеба варить суп и кашу — так казалось сытнее. Из 300 граммов готовила обед, а двести съедала хлебом, да еще мечтала, как досыта буду есть такую кашу, когда кончится война» [Там же: 69].

В 1943 году стали давать на ужин дополнительные стахановские талоны. Все, кто перевыполнял нормы, получали их. На талон полагалась котлетка с кашей, соевое молоко, запеканка из шрота. «Наши дети и внуки не знают, что такое шрот, а мы набивали свои пустые желудки, употребляя их то в виде запеканки, то в виде биточков или просто каши. Шрот — это переработанные обезжиренные соевые бобы, из которых получали молоко» [Козупеева, 2010: 77]. В памяти Татьяны Алексеевны осталось на всю жизнь, как летом 1943 года партизаны привезли узбекистанский рис, который жители не пробовали с мирных дней. Это было событием: «И вот вдруг рис! И так много! И такой мучнистый! Нам жалко было смывать эту муку, и мы варили его немывтым. Вот тогда у нас впервые за время войны появилось чувство сытости. И то на какой-то момент. Когда мы съели весь рис, мы это чувство снова потеряли» [Там же: 68].

### **Блокадная смерть в семье**

Особенно тяжелые воспоминания Татьяны Алексеевны относятся к блокадной зиме 1942 года, когда она пережила самое страшное. В течение нескольких месяцев от голода умерли ее родители и брат.

Первые трупы появились на улицах города в ноябре 1941 года, их старались убирать сразу, но в декабре число умерших резко увеличилось. Возникли сложности в уборке трупов из-за отсутствия транспорта и топлива, из-за малочисленности похоронных команд. Многих умерших относили к моргам и прозекторским, а также к стихийно образовавшимся складам трупов, в надежде, что тогда обязательно захоронят. Мало было вынести тела на улицу. Нужно было довести их до моргов и кладбищ, а помогать в этом деле соглашались только за хлеб.

Первым умер папа Татьяны 10 января 1942 года. «Мы с мамой свезли его на саночках в пристройку дома № 27 на улице Ткачей, куда свозили всех покойников из наших домов. Я еще ходила, мама уже с трудом держалась на ногах, слег и Юрик. Кладбище было далеко, и одна я отвезти туда папу не могла, да и хлеба у меня не было, а без хлеба никто бы могилу не выкопал» [Там же: 37].

Вскоре слег брат. Еще с осени он проходил допризывную подготовку, ходил на лыжах. В середине января не смог быть на занятиях до конца, упал и не мог встать. Умер брат через три недели после смерти отца. «Мой дорогой братик, сколько таких, как он, еще не познавших любви, не успевших уйти на фронт, полегли тогда в холодную ленинградскую землю» [Там же: 49]. С помощью соседки Таня отвезла его в то же помещение, что и папу. Мама встать не могла. Остались с мамой вдвоем.

Умерла мама в ночь на 24 апреля 1942 года. «В последний вечер мама уже ничего не говорила. Наши кровати были напротив, и я лежала, прислушиваясь к ее дыханию. Потом вдруг она через большие промежутки времени несколько раз повторила три слова: «Танечка, прости меня» <...>. Бедная, бедная мама! Я и сейчас, много лет спустя, слышу ее слова. Мне казалось тогда, что это я должна у мамы просить прощения, что не смогла ее сохранить. На другой день я сама помыла ее, зашила в полотняную тряпку, и с новой соседкой по квартире мы отнесли ее на больничных носилках в морг больницы имени Цимбалына. Похоронена мама в братской могиле на Невском мемориальном кладбище «Журавли» [Там же: 53].

## Быт

Домашний быт стремительно менялся, причиной этого стало отсутствие электричества, лимиты на пользование которым были установлены в середине сентября 1941 года. «У нас была квартира из двух комнат, к ноябрю мы переселились в одну, чтобы подольше сохранить дрова. Вторая комната всегда была очень холодной. Голод все настойчивее проникал в мысли, чаще думалось о еде» [Козупеева, 2010: 35]. Конец января был самым страшным: не было электричества, жгли коптилку; было холодно — не было дров: «В комнате ужасно холодно, горит коптилка, мы едва различаем друг друга» [Там же: 40]. Доставка воды превращалась в испытание: «За водой ходили к соседнему дому, где был отрыт колодец. Доставать ее было трудно, кругом все обледенело, люди были слабые и постоянно расплескивали воду, а иногда и полностью проливали, не удержавшись на ногах. И какие страшные были морозы — более тридцати градусов» [Там же: 47].

Зима 1941–1942 года сказалась и на внешнем виде, в частности, на одежде. Татьяна Алексеевна вспоминает один из эпизодов своего выхода из дома, когда отправилась навестить родственников: «Мороз был страшный. Я надела на себя все, что могла, ведь я была настолько худа, что накрутить на себя можно было много: две вязаные шапки, кофты, шарф, поверх пальто повязала крест-накрест платок, да еще затянулась ремнем, чтобы не поддувало, огромные рукавицы, которые папа носил на работу, и огромные папины валенки 42 размера, обшитые кожей, ужасно тяжелые» [Там же: 37].

Той же зимой закрылись почти все бани. Одной из основных причин стала нехватка топлива. «Сейчас даже трудно себе представить, как можно было не мыться в бане полгода (не имея дома ванны). В последний раз я была в бане в октябре 1941 года. А потом баня не работала, и был большой перерыв, очень большой. И мылись мы во время этого перерыва в тазике у печки, по частям. А в декабре 1941, январе и феврале 1942 года мыли только руки и лицо» [Там же: 60].

Зима 1942–1943 года была тоже тяжелой, город по-прежнему обстреливался. Но заработал водопровод, можно было уже помыться в бане. Бани начали открываться со второй половины февраля 1942 года. Некоторые из них, например, Корниловские бани, работали как санпропускник. В первой половине 1942 года люди обычно приходили в бани по талонам, выданным предприятиями и учреждениями. По такому торжественному случаю в июне 1942 года работников вагоноремонтного завода, где работала Татьяна Алексеевна, даже отпустили с работы и строем повели в баню. «Это была особая баня. Нас запускали в раздевалку партиями. Мы собирали свое грязное белье в одну из одежек, связывали в узелок и отдавали банщицам. Нам выдавали маленький кусочек хозяйственного мыла, и мы заходили в жаркую мыльную, где на мытье нам было отведено всего 20 минут. За это время мы должны были отмыть многомесячную блокадную грязь и выйти в раздевалку, где нам взамен ранее выданного номерка возвращали наш теплый пропаренный узелок» [Там же: 61].

В сентябре дали электроэнергию. Дома был установлен жесткий лимит пользования электроэнергией, но и это было большой радостью. «О коптилках мы только вспоминали. Можно было достать топливо. В открывшемся хозяйственном магазине по талонам, выданным домоуправлением, можно было купить брикеты каменного угля» [Там же: 74].

## Труд в блокадном городе

С начала войны работы было много. Завод, где работала Татьяна, выполнял военные заказы, люди работали сверхурочно, но уже в октябре не всегда хватало материалов, все более частыми стали простои, на работу выходили не каждый день. Рабочие занимались уборкой цехов, разборкой старых завалов. После работы шли копать щели для укрытия населения. Помогали фронту всем, чем могли: «Еще в октябре на заводе всем, кто умеет вязать, выдали шерсть, и вечерами я вязала носки и рукавицы с двумя пальцами для бойцов. <...>. В жакте<sup>1</sup> объявили сбор бутылок для фронта. Наполненные воспламеняющейся жидкостью бутылки бросали под танки. Мы собрали все бутылки, даже дореволюционные, с царскими коронами, и отнесли на сборный пункт» [Козупеева, 2010: 35].

В начале марта 1942 года объявили прием студентов в Механический техникум для подготовки машинистов на поезда. Речь шла о замене погибших железнодорожников новыми, молодыми кадрами. На заводе все еще не было работы, и Татьяну отпустили в техникум. «Приняли нас на второй курс. И было нас вместе с преподавателем четыре человека. В большой аудитории стояла огромная печка-буржуйка, сложенная из кирпича и обшитая железом. Мы сидели вокруг этой печки и слушали нашего преподавателя. Даже у печки мы сидели одетые, в рукавицах, так как топить было почти нечем. Были у нас с собой и тетради, но писали мы редко — замерзали руки» [Там же: 51].

Время подходило к весне, началось таяние снега. После страшной зимы 1941–1942 года город был очень грязный, боялись эпидемий. По распоряжению Ленгорисполкома все население вышло на уборку города. Подключились к этой работе и студенты. «Убирали территорию вокруг техникума, скалывали обледенелый снег и вывозили его на фанерных листах на улицу, а там грузили на машины, так называемые полуторки. Тут были и первокурсники, и пожилые люди — учителя и работники техникума. Труд был тяжелый, но тогда об этом не думали — старались изо всех сил» [Там же: 51].

Весной 1942 года, когда после зимних морозов оживились немцы, ленинградцы готовились к новым боям: строили на своих улицах баррикады, встраивали в окна домов амбразуры, ставили надолбы у ворот города. В воспоминаниях Татьяна Алексеевна замечает: «Сейчас это звучит парадоксально, а тогда мы и книжки получили, которые так и назывались — «Книжка трудовой повинности». В книжке записывались объекты, на которых мы работали, и время работы на них. Это сейчас думаешь: а почему же «повинность»? Тогда же принимали как должное» [Там же: 57].

Время учебы в техникуме оказалось очень коротким: «Мы были молоды, и сидеть у печки и слушать лекции казалось бездействием. Фронт рядом, наши ребята гибнут, отстаивая свой город, или дерутся где-то на других фронтах, а мы сидим» [Там же: 51]. 17 апреля 1942 года Таня оставила учебу до мирных дней и поступила на завод имени Ленина в транспортный цех разнорабочей.

На всех предприятиях Ленинграда создавались рабочие бригады. Комсомолку Татьяну поставили бригадиром бригады, в которой было 26 женщин. «Какие это были разные люди! Среди них и молодые девушки-комсомолки, и матери, у которых дома были дети, и пожилые женщины, которым труднее

---

<sup>1</sup> Жакт — жилищно-арендное кооперативное товарищество (1921–1937), здесь: жилищное управление (прим. науч. ред.).

других было носить тяжелые кирпичи, раствор, работать с ломом и лопатой. Но всех нас сближало одно: все мы пережили первую, самую трудную блокадную зиму, почти все прошли сквозь горе потерь родных и близких людей, все были патриотами своего города — ленинградками» [Козупеева, 2010: 58].

Первым оборонным объектом бригады был вагоноремонтный завод, который в это время простаивал. Мемуаристка отмечает военные особенности организации труда на предприятии: «Летом 1942 года и в последующие 1943 и 1944 годы работали по 12 часов и без выходных. В эти годы не давали отпуска — платили за отпуск компенсацию» [Там же: 56]. В самые холодные зимние месяцы в цехе отвели две комнаты — для мужчин и женщин, рабочие перешли на казарменное положение и оставались в цехе, чтобы сохранить свои силы на завтрашний день. К 7.30 утра у проходной завода собирались бригады оборонников — так называли людей, работавших на оборонных работах, и получали задание на день. «Работали с 8 часов утра и до 8 вечера, без выходных. Организованно ходили в столовую, обедали здесь же на заводе. Подчинялись военной дисциплине — ходили строем, рапортовали прорабу о наличии людей в бригаде, о проделанной работе. Ни один человек не мог покинуть рабочее место, пока прораб не примет работу. К рабочему месту и обратно мы ходили по одной и той же дорожке, которую указывал нам прораб, вернее, водил нас строем по ней. И запомнилась она на всю жизнь, эта блокадная заводская дорожка» [Там же: 60].

За время работы на заводе Татьяна освоила много профессий, побывала почти во всех цехах. В строительном цехе начала работать чернорабочей; позже со своей подругой были подручными у печника, подавали ему кирпичи и учились у него печному делу. Обучилась бухгалтерскому делу взамен умершего нормировщика.

25 июня 1943 года в торжественной обстановке в столовой завода вручили медали «За оборону Ленинграда».

Город был еще в блокаде, и нужно было готовиться к зиме. Для подвоза топлива с «большой земли» не хватало транспорта. Начались торфоразработки, на которые были направлены рабочие с заводов.

В 1943 году на ленинградских заводах были восстановлены многие цеха, значительно повысились планы, но рабочих стало меньше. И новое обращение к ленинградцам: «Все, кто в состоянии работать, — на заводы, на предприятия Ленинграда!» Многие тогда пришли на производство впервые, на заводе появились новые люди. Становилось все оживленнее, восстанавливались цеха, была пущена мартеновская печь.

### **Праздники и развлечения. Досуг**

В своих воспоминаниях Татьяна скупо пишет о досуге. Все реже встречались с друзьями. Очевидно, обстановка в блокадном городе не создавала условий. Но все же в жизни Татьяны оставалось место и для чтения. С первых же дней возобновления работы районных библиотек Татьяна была записана в двух библиотеках: имени Крупской и Дома культуры текстильщиков. В блокадном городе книги по-прежнему пользовались спросом. С весны 1942 года работали книжные лотки, один из них на углу Невского и Литейного, где, вспоминает Татьяна, она купила сборник стихов Александра Прокофьева «Времена года» издания 1941 года и первый том собрания сочинений М. Ю. Лермонтова издания 1941 года [Там же: 56]. Позже стали работать книжные магазины. В них

продавались как довоенные издания, так и ленинградские издания блокадных лет. «До сих пор у меня хранятся небольшие книжечки на плохой, почти оберточной бумаге. Но они особенно дороги как свидетели тех незабываемых дней. Это они помогали нам жить, бороться, приближать победу» [Козупеева, 2010: 57].

С первых дней войны Татьяна находила время и для своего давнего увлечения рисованием. Рисовала на работе, для чего приходила на 2–3 часа раньше, или во время тревоги, когда все уходило в бомбоубежище. Это было небезопасно. «Совсем недавно, когда я рисовала во время налета авиации, наш завод так тряхнуло, что доска, на которую была прикреплена бумага, ударила мне по лбу, на котором еще осталась синяя отметина» [Там же: 30].

Увлечение рисованием помогало в борьбе с голодом. «В длинные летние дни 1942 года, когда мы возвращались с работы, уже к 9 часам вечера всегда очень хотелось есть. И тогда, чтобы заглушить голод, я рисовала, пока было светло. У меня еще оставались с мирного времени масляные краски, и я нарисовала на двери два пейзажа. Рисовала я и акварелью на бумаге» [Там же: 63]. От картин веяло тихой мирной жизнью. В редкие свободные минуты она старалась себя чем-то занять — вышивала, вязала, читала.

Праздники и торжественные события приобрели новый вид и оттенки. Татьяна останавливается в своих воспоминаниях всего на двух праздничных событиях. Одно из них — празднование 7 ноября 1941 года. Впервые за много лет не было парада и демонстраций. Этот день выделялся из рабочих будней только тем, что его сделали выходным днем. Главным событием дня было выступление Сталина: «6 ноября вечером мы сидели дома у репродукторов и с трепетом ждали выступления Сталина. Мы верили, мы надеялись, что именно Сталин выступит. Ведь не было праздника, чтобы выступал кто-то другой. И долгожданный час настал, мы услышали знакомый голос Сталина. <...> На другой день речь Сталина была опубликована в газетах. Она вселяла в нас надежду на скорую победу» [Там же: 35].

О встрече Нового 1942 года не упоминается совсем. В это самое страшное время слегла вся семья. Совсем другие воспоминания остались у Татьяны о встрече ленинградцами Нового 1943 года. Работники завода, где она работала, отмечали праздник на заводе, в общежитии, со светом и горячим чаем с шоколадом. Получили даже новогодний подарок. «Выдали нам и пол-литра водки, которую я поменяла на целую буханку солдатского хлеба, и в Новый год наелась его досыта. Казалось, если будешь сыт в Новый год, будешь сыт и весь год» [Там же: 69].

Совсем молодым людям, пережившим самое тяжелое время, хотелось жить, а не выживать. Стали ходить в кино, на танцы, в выходные ездили в театр. Зимой 1943 года, когда открылся районный Дом культуры, Таня и ее подруга в первый раз пошли на танцы. «Сшила я себе платье из парашютного шелка и покрасила его в цвет морской волны. Купила синие туфли за 800 рублей. Таких денег у меня не было, и я попросила соседку продать оставшиеся с мирного времени тряпки, купленные мамой на платье <...>. Билеты на танцы стоили 10 рублей, и иногда приходилось продавать хлеб. Хотелось и есть и танцевать. Но молодость брала свое — мы могли уже обменять хлеб на танцы» [Там же: 81].

### **Блокада Ленинграда прорвана**

С конца 1943 года все упорнее и чаще говорили, что войска на Ленинградском и Волховском фронтах готовятся к наступлению, к снятию блокады. Начатые еще в июле 1944 года восстановительные работы в городе

разворачивались с новой силой. Татьяна так описывает происходящие изменения: «Можно было спокойно спать, спокойно ходить по опасной солнечной стороне наших улиц — больше не рвались снаряды, не падали бомбы на наши головы. Наступило мгновение испытать чувство возвращения к нормальной человеческой жизни» [Козупеева, 2010: 80].

Люди ожили, но у многих не заживали сердечные раны, почти не было в Ленинграде семьи, пришедшей к Победе в полном составе. «Вот и я осталась одна, и каждый раз в радостные дни Победы меня охватывает двоякое чувство: чувство радости и одновременно чувство непроходящей тоски. И это второе становится еще тяжелее, когда думаешь, что им не пришлось дожить до этих дней» [Там же: 85].

В самые трудные блокадные годы Татьяну не покидала мечта учиться. В августе 1944 года из эвакуации стали возвращаться некоторые институты. Как только вернулся один из первых институтов — Ленинградский инженерно-строительный, она поступила на первый курс. Вместе с тем Татьяна ждала возвращения из эвакуации Лесотехнической академии, куда и перешла с октября 1945 года на факультет городского зеленого строительства.

### **«Война кончилась»**

«Из репродукторов доносились ни с чем несравнимые слова: “Война кончилась! Конец войне!”. Это были слова, возвещавшие начало мирной жизни после четырех лет войны» [Козупеева, 2010: 90].

Заканчивая свои воспоминания, Татьяна Алексеевна ищет ответ на вопрос: «Как мы смогли выжить?» — и, обобщая личный опыт, приходит к выводу: «Блокадники выжили тогда благодаря своей молодости, упорному труду, благодаря воле к Победе, оптимизму и доброму сердцу. Жить все хотели. Но не каждому удалось выжить. Тут все имело значение: и возраст, и здоровье, и настроение, и предвоенная упитанность организма. В первую очередь умирали мужчины, потом дети, молодые девушки, недостаточно упитанные и старые люди. И при всем желании родных помочь им не падать духом, ободрить их — ничего не помогало. В семьях получали и иждивенческие карточки, и детские, и рабочие, и все это объединяли вместе и питались одинаково, но и это не помогало. Все зависело от состояния и индивидуальности человека. И все они, и умершие, и оставшиеся в живых, смертью и жизнью своей отстояли Ленинград» [Там же: 95].

Все новые и новые источники показывают, что очень разными были люди блокадного города по своим возможностям и нравственным качествам. С одной стороны, блокадный опыт объединил тех, кто оказался в одно время, в одном месте и в одних обстоятельствах, с другой стороны, он во многом неповторим, и это подтверждают воспоминания Татьяны Алексеевны Козупеевой.

### **Список литературы**

- Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. М.: Сов. писатель, 1983. 433 с.  
*Глинка В. М.* Воспоминания о блокаде. СПб.: Лимбус-пресс, 2010. 416 с.  
За блокадным кольцом. Сборник воспоминаний жителей Ленинградской области времен германской оккупации 1941–1944 гг. / авт.-сост. И. А. Иванова. СПб.: Вести, 2010. 640 с.  
*Козупеева Т. А.* В те блокадные годы. Апатиты: Б. и., 2010. 97 с.

*Козупеева Т. А.* В те блокадные годы в Ленинграде. Изд. 2-е. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 101 с.

Ленинградские мадонны / авт.-сост. Е. А. Тончу. М., 2010. 448 с.

*Никольская Л.* Должна остаться живой. СПб.; М.: Речь, 2019. 252 с.

*Петров В. П.* Об авторе // Козупеева Т. А. В те блокадные годы в Ленинграде. Изд. 2-е. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2015. С. 7–11.

*Пожедаева Л.* Война, блокада, я и другие: мемуары ребенка войны. СПб.: Каро, 2013. 416 с.

*Тарасов Б.* Блокада в моей судьбе. М.: Сказочная дорога, 2012. 252 с.

### *Сведения об авторе*

**Саморукова Антонина Григорьевна**

научный сотрудник

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

**Antonina G. Samorukova**

Researcher of the Barents Centre of the Humanities FRC KSC RAS

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.012

УДК 39 (=112.2)

**Е. В. Бусырева**

## **ВОСПОМИНАНИЯ ПОТОМКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ О ГОДАХ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)<sup>1</sup>**

*Мы представляем прошлое в основном по книгам и фильмам. А книги и фильмы — продукт деятельности профессиональных сочинителей, то есть, во многом вымысел. Свидетельство обычного человека, очевидца, которому довелось жить в те, уже далекие от нас, времена, позволит хоть немного ощутить дух прошлого.*

В. А. (информант)

### **Аннотация**

Статья посвящена воспоминаниям потомков российских немцев о Великой Отечественной войне. В основу легли интервью, полученные у девяти информантов, а также материалы их семейных архивов. Рассматриваются судьбы немецких семей в военные годы, особый акцент делается на депортацию по национальному принципу и нахождение в трудовой армии конкретных представителей этих семей. Статья вводит в науку новый фактический материал источников личного происхождения. Тексты интервью и материалы семейных архивов информантов расширяют круг знаний о событиях середины XX века, в том числе об этнических депортациях, и позволяют уточнить многие факты «официальной» истории.

### **Ключевые слова:**

*немцы, война, этническая депортация, трудовая армия, спецпоселение.*

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ФИЦ КНЦ РАН № 0226-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX-XX вв.: исторический и антропологический ракурсы».

Elena V. Busyreva

## REMEMBERS OF THE DESCENDANTS OF THE RUSSIAN GERMANS ABOUT THE YEARS OF WAR (ON MATERIALS OF ETHNOGRAPHIC RESEARCH)

### Abstract

The article is devoted to the recollections of the descendants of Russian Germans about the World War II. The basis was the interviews received from nine informants, as well as materials from their family archives. The article tells about the fate of German families during the war years. Particular emphasis is placed on deportation on a national basis and the stay in a labor army by representatives of these families. The article introduces new factual material of private origin into science. Interviews and materials of family archives of informants expand the circle of knowledge about events in the mid-twentieth century, including ethnic deportations, and allow clarifying many facts of the "official" history.

### Keywords:

*Germans, war, deportation, labor army, forced labor camp.*

### Введение

Годы Второй мировой войны для большинства российских немцев стали периодом наиболее тяжелых испытаний за всю историю их проживания в России. Тяготы и лишения пришлось пережить всем советским людям, однако этническое родство советских немцев с населением гитлеровской Германии предопределило их особое положение в военные годы.

Цель статьи — представить источники личного происхождения, которые способствуют пониманию событий военных лет, проанализировать причины и ход депортаций советских немцев. Выселение по национальному признаку является самым значимым событием в истории семей с немецкой родословной, поскольку депортация целого народа имеет глубокие деструктивные последствия в материальной и духовной сферах, как для всего этноса, так и для отдельного индивидуума [Черказьянова, 2011: 77].

В основу статьи легли полевые материалы автора. Это рассказы потомков, носителей исторической памяти, чьи близкие родственники были участниками событий военных лет. Большая часть посвящена депортации, немало сведений о трудовой армии. Кроме устных текстов, использовались документы и мемуары из семейных архивов, в частности, в семье информанта В. А. хранятся воспоминания отца, которые он записывал в тетрадку с 1957 по 1978 годы. Эти записи им озаглавлены как «Краткий биографический очерк».

При подготовке статьи автор опиралась на работы А. А. Германа, Н. Ф. Бугая, В. М. Кириллова и И. В. Черказьяновой, которые внесли значительный вклад в изучение темы депортаций.

### Депортации по национальному признаку

Российские немцы в основном являются потомками немцев-колонистов, переселившихся по приглашению Екатерины II (и не только) в Поволжье, Закавказье, окрестности Санкт-Петербурга [Савоскул, 2011: 492]. Наши информанты — это потомки немцев Поволжья, Санкт-Петербурга, Украины, Кавказа, а также прибалтийских и закарпатских немцев.

Из девяти семей только одна не подверглась депортации по национальному признаку. Депортация — трагическая веха в истории советских немцев. Почти каждый представитель старшего поколения подвергся принудительной высылке,

и память об этих событиях хранится во многих семьях. «Коллективная память о депортации составляет важнейший компонент исторического сознания российских немцев» [Эйхельберг, 2012: 96].

Первая этническая депортация, которой подверглись семьи наших информантов, произошла еще летом 1940 года. В ходе зачистки погранзоны от «нежелательных элементов» вышел приказ НКВД СССР № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инациональностей», согласно которому немцы были депортированы в Алтайский край [Бугай, Гонов, 2003: 170–171]. Среди них были раскулаченные в начале 1930-х годов и высланные на Кольский Север немецкие семьи из-под Ленинграда.

### ***Депортация немцев Поволжья.***

В первые месяцы войны с гитлеровской Германией советские немцы воевали в рядах Красной армии [Герман, 2011: 13–15]. Затем из-за неудач Красной армии на фронте обострилась политическая ситуация. Поволжье, в том числе и АССР немцев Поволжья, превратилось в важный военно-стратегический район, где были сконцентрированы оборонная промышленность, воинские формирования, крупнейшие в стране транспортные коммуникации [Скучаева, 2011: 88]. Военное руководство посчитало, что среди немецкого населения Поволжья имеются «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья». В связи с этим «советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья» [Бугай, 1992: 37–38; Ляушин, 2003: 112; Эйхельберг, 2012: 97]. Такими карательными мерами превентивного характера стала массовая депортация советских немцев. И первыми оказались немцы Поволжья. Они были обвинены в «сокрытии в своих рядах шпионов и диверсантов». Помимо этого, красноармейцы немецкой национальности были «изъяты» из армии [Герман, 2011: 13–15; Кахаров, 2011: 72].

28 августа 1941 года был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [Бугай, 1992: 4; Ляушин, 2003: 112; Кахаров, 2011: 72; Скучаева, 2011: 92; Черказьянова, 2011: 78]. Высшее руководство страны было обеспокоено наличием в Поволжье «компактно проживающего немецкого населения, которое не могло не привлекать к себе внимание противника» [Скучаева, 2011: 89]. Причины депортации немецкого народа: «крупные неудачи на фронте, приближение германских войск к Волге; расположение АССР НП в стратегически важном и достаточно близком к фронту районе; национально-историческое родство немцев СССР с народом, ведущим войну против СССР; обнаружение в Поволжье агентов спецслужб Германии, занимавшихся разведывательной, диверсионной и террористической деятельностью [Там же: 91–92]. Не подвергались выселению немки, чей муж не являлся немцем по национальности [Бугай, 1992: 45]. Были депортированы в 1941 году из Поволжья семья матери [Жертвы..., ЭР] информанта В. Д.: «Родителей выслали по национальному признаку. Они поженились уже в Игарке», — и семья отца информанта И. Ф. Его дед родился в Поволжье, до войны перебрался в Ростовскую область, где и родился отец информанта: «Бабушка с папой и младшим братом были вывезены в село Брлик Мойынкумского района Джамбульской области Казахстана» (рис. 1).

МВД РФ УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ по Ростовской области ОТДЕЛ РЕАБИЛИТАЦИИ 344042, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 29 23. августа 1995 г. 12/6	СПРАВКА о признании пострадавшим от политических репрессий г. Ростов-на-Дону
Гр. _____	Владимир Яковлевич
Год рождения и место	1941г. Ростовская обл.
Место жительства до применения репрессий к родителям	Ростовская обл.
Когда и каким органом репрессированы родители	в 1941 году
	по Указу ПВС СССР от 28 августа 1941 года
Основание применения репрессий по политическим мотивам к родителям	Л.А.
Необоснованно находилась с детьми на спецпоселении в Казахстане как лица немецкой национальности На основании ст. 2 <sup>а</sup> (2 п. 1), Закона Российской Федерации № 1761-1 от 18 октября 1991 года «О реабили- тации жертв политических репрессий»	
Файсма, Владимир Яковлевич признан (на) пострадавшим (шей) от политических репрессий. Начальник УВД Ростовской области	
Тит. ХОЗО УВД Ростовоблсп. Зак. № 01982-95 от 29.08.95	

Рис. 1. Справка о признании пострадавшим от политических репрессий отца информанта И. Ф. (из СА)

### ***Депортация немцев из Ленинграда и пригородов Ленинграда.***

30 августа 1941 года вышел приказ НКВД СССР № 001175 «О выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальностей» [Бугай, 1992: 47; Черказьянова, 2011: 79], однако осуществить операцию полностью не удалось, так как 29 августа железнодорожное сообщение с Ленинградом было прекращено [Бугай, 1992: 38]. Трагизм судьбы ленинградских немцев заключался в том, что они были депортированы после того, как пережили самую страшную зиму 1941/1942 годов.

О голоде в блокадном Ленинграде написано много. Семейная память воспроизводится в устных рассказах. Информант *Е. В.* рассказывала: «Мама говорила, что самый тяжелый период блокады была первая зима. Дедушка работал на авиационном заводе. И поскольку дедушка был, что называется, с руками, он мастерил буржуйки, которые потом меняли на продукты. Мама вспоминала, что они с девочками любили рассматривать кулинарные книги с иллюстрациями. Она еще рассказывала, что у дедушки была элитная охотничья собака — сеттер. Дедушка был заядлым охотником, собака, еще когда щенком была, три месяца училась в спецколе. Ей даже в блокадном Ленинграде выдавали паек. Но паек съедали хозяева. Мамина кузина мне говорила, что она не мучилась от голода, как другие, а просто лежала на кровати и умирала от голода. И, конечно, подростки дежурили на крышах, тушили «зажигалки». Их эвакуировали только летом 1942 года. Дедушку депортировали по национальному признаку, хоть он и был коммунистом ленинского призыва. Бабушка и мама могли не ехать, потому что бабушка была русская. Но, видимо, решили быть вместе. При этом они не знали, куда их везут, были в полном неведении. Потом они узнали, что их везут в Новый Порт в устье Оби. Дедушка сначала обрадовался, в порт везут, потому что в молодости был механиком на судах. Но оказалось не все так радостно» (рис. 2).

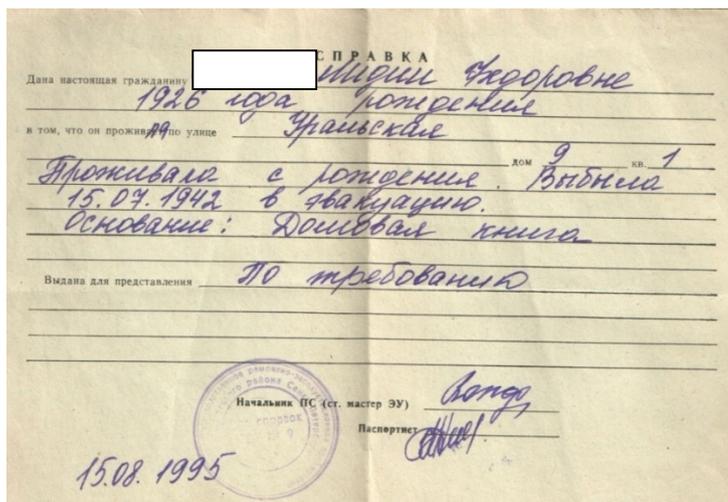


Рис. 2. Справка из архива информанта Е. В.

Депортированных немцев привлекали на территорию Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов на работу на рыбных промыслах в рамках осуществления постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 года № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [Полян, 2001: 68; Иванов, 2011: 127]. В 1942 году на территорию Северо-Западной Сибири было депортировано около 2000 спецпереселенцев-немцев [Иванов, 2011: 130]. Конечно, после Ленинграда было непросто обживаться на новом месте, да еще и в тяжелых климатических условиях. Потом семья *Е. В.* переехала южнее, в Казым-Мыс. *«Дедушка работал председателем колхоза, а бабушка — учительницей начальных классов. Он никогда не жаловался, что с ним так поступили. Да и вся его родня погибла в блокаду, он один остался. Но мама всегда подчеркивала, что самое тяжелое время блокады они прожили в Ленинграде».*

Семья отца информанта *В. Д.* проживала под Ленинградом в Новосаратовской колонии. В марте 1942 года все немецкое население колонии было депортировано [Черказьянова, ЭР]. Семью выслали в Красноярский край. Сняты с учета в январе 1956 года [Жертвы..., ЭР].

#### ***Депортация немцев из Запорожской области и Северного Кавказа.***

23 сентября 1941 года, в соответствии с приказом НКВД СССР № 001354, началось выселение немцев из Запорожской и Ворошиловградской областей УССР [Бугай, 1992: 57; Черказьянова, 2011: 79]. Из запорожских немцев происходил дед информанта *С. Ш.*, но *«с началом войны он вывезен на работу в Германию со своими сестрами. Поскольку они были немцы, то попали не в лагерь, а их направили работать в села в качестве работников».* Поэтому дед в сентябре 1941-го не был депортирован по национальному признаку. Бабушка информанта *С. Ш.* (родилась в 1926 году в селе Красная Бессарабка Молдавской ССР) вместе с двумя сестрами также была вывезена на работу в Германию. В октябре 1945 года бабушка, ее сестры и их мать (родилась в Одесской области), как немки по национальности, были направлены органами НКВД СССР на спецпоселение в Череповецкий район Вологодской области [Единая база..., ЭР].

С 25 сентября 1941 года, согласно постановлению Государственного комитета обороны № 698-сс, началась депортация немцев с Северного Кавказа [Чернова-Деке, 2011: 104]. Информант *И. К.* рассказывает: «Они жили в Чечне в Грозном. Причем прадеда забрали на фронт, он был в штрафбате. Причем их дразнили фашистами. Хотя прадед за Советский Союз воевал. Все думали, что он погиб. А он каким-то чудом остался в живых. А прадед думал, что его семья погибла. Их выслали в северный Казахстан в район Петропавловска-Камчатского, когда началась война. А потом они узнали, что можно переехать в Киргизию. Они захотели южнее перебраться, так как привыкли к югу. В Киргизии прадед на мельнице работал. И вот на него жернов свалился, и он погиб. В штрафбате не погиб, а потом так нелепо погиб».

### ***Депортация закарпатских немцев.***

Уже после окончания войны в марте 1946 года по распоряжению НКВД СССР № 1034 от 15 января 1946 года последовала депортация 2670 закарпатских немцев в Сибирь [Корсун, 2016]; в Ярковский район Тюменской области было выселено 1785 закарпатских немцев, которых мобилизовали на работу в лесной промышленности [Эйхельберг, 2012: 98–99]. В их числе была семья информанта *Э. В.*: «Отца сначала погнали в Чехословакию (А. Корсун подтверждает «факт отъезда части местных немцев на Запад накануне вступления советских войск осенью 1944 года на территорию Закарпатья» [Корсун, 2016]). Отец учился там в какой-то школе, после школы какими-то делами занимались, вот там их научили зубы чистить. Они жили у какого-то богатея. Отец говорил, что жили они там хорошо. Кормили хорошо. А что детям надо? Чтобы кормили, не кричали, не били. А потом, когда наши войска стали наступать, этих детей вернули домой, ну а потом уже забрали в Сибирь. А мама тоже жила у богатея, она там у него убиралась. Хозяин к ним очень хорошо относился. А когда фронт надвигался, все растерялись, не знали, что делать, и кто куда. И они вернулись домой, потому что перед войной дом новый построили. А когда вернулись, в доме жили уже другие люди. Знакомые из этого же села. Они какое-то время жили у бабушки. А потом собрание, погрузили всех... И когда они уже в Сибири были, у матери отец умер от тифа». В интонации информанта чувствовалась большая горечь. Помимо тяжелых бытовых условий, жизнь немецких семей осложнялась политической дискриминацией. Немцев часто воспринимали как фашистов. Подобное отношение вызывало у некоторых информантов чувство закомплексованности, пример тому — высказывание информанта *Э. В.*: «Было общество немецкое, а я постеснялась. Не русский по национальности, вот и жмешься. У многих немцев взяты фамилии жены. У меня советское воспитание. Иногда бывает даже стыдно, что у тебя такая национальность».

### **Мобилизация в трудовую армию**

За депортацией по национальному признаку последовала мобилизация в трудовую армию. Согласно постановлению ГКО № 2383сс от 7 октября 1942 года, мобилизовывалось практически все взрослое немецкое население: мужчины от 15 до 55 лет, женщины от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет) [Герман, 2011: 16; Чернова-Деке, 2011: 115–116; Эйхельберг, 2012: 98]. Разобщенность семей была обычным явлением для депортированных: дети, оказавшись оторванными от родителей, или попадали

в детские дома, или оставались в эвакуации на попечении бабушек. Информант М. Ф. рассказывала: «Есть ребенку три года, и все, забирали в трудовую армию. Есть, с кем ребенка оставить, нет — все равно забирали... И вот была одна старуха, за ней самой уход нужен был, а с ней ребенок остался. Вишневый такой. Он приходил, его бабушка подкармливала немного. И вот потом он умер от брюшного тифа. А потом отец этого мальчика вернулся. Плакал».

Немцы трудились более чем на 40 объектах НКВД, в т. ч. на строительстве Челябинского металлургического завода, в Богословлаге и на других [Герман, 2011: 18]. В числе трудармейцев оказались и члены семей наших информантов. Деда информанта И. Ф. забрали в Богословлаг (Богословский исправительно-трудовой лагерь НКВД) на строительство Богословского алюминиевого завода и обслуживание Североуральских бокситовых рудников: «Дед был в трудовом лагере. Дедушка — сапожник, а в лагере трактористом был». Он был мобилизован в Богословлаг весной 1942 года из Красноярского края, куда был депортирован по национальному признаку в 1941 году [Книга памяти..., ЭР]. Трудмобилизованные немцы составляли 29,3 %, из них женщин было 0,5 % [Кириллов, 2015: 31].

Информант М. Ф. вспоминала: «Маму, уже когда на Алтай приехали, взяли в трудовую армию. Вот справка. А сначала она в зверосовхозе работала фельдшером, а потом в совхозе чуть ли не на тракторе, пока в трудовую армию не взяли. И деда моего тоже забрали в трудовую армию. И он там и умер. Дедушку и маму взяли в трудовую армию, а меня с бабушкой оставили. Вот тетя моих тоже в трудовую армию забрали в Челябинск. Какого-то родственника комиссовали из лагеря из-за туберкулеза. А дядя мой на Колыванстрое работал, он горный техникум окончил» (рис. 3).

МВД — СССР  
Управление внутренних дел  
Алтайрайспозкома  
Информационный центр  
21 февраля 1944 г.  
№ Б-1463  
656025, г. Барнаул, пр. Ленина, 74.

**Архивная справка**  
Дана гражданке  Евгении Андреевне

\_\_\_\_\_ в том, что он(а) действительно был мобилизован  
в трудовую армию, где находился с ИЮЛЬ 19 43 по ФЕВРАЛЬ 19 44 год.  
Справка дана для подтверждения трудового стажа.  
Основание: ф-2 опись 35, арх.18  
Начальник отделения УВД  
Архивист  
С.Я.Поляков  
Г.Н.Куканова

Рис. 3. Справка о нахождении в трудовой армии матери информанта М. Ф. (из СА)

Условия жизни и труда на объектах трудовой армии практически совпадали с лагерными. Только в 1991 году трудовая армия стала официально признанной формой трудового вклада в борьбу с фашистской Германией, а трудармейцев стали награждать медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Герман, 2011: 20].

#### **Служба в армии во время войны**

В первые месяцы войны советские немцы сражались на фронтах, однако 8 сентября 1941 года вышел приказ Ставки Верховного главнокомандующего, согласно которому из армии были отозваны все немцы-фронтовики, за исключением немногих, за которых специально ходатайствовали их командиры и комиссары [Эйхельберг, 2012: 98]. Небольшой части немцев удалось остаться в действующей армии, например тем, кто сменил свою немецкую фамилию на русскую. Подобный пример находим в семье информанта *Е. В.*: *«Мама рассказывала, что когда дедушка Коля (мамин дядя) был еще холостым, это в двадцатых годах, его приятель (русский) попросил поменяться с ним документами, потому что не хотел платить алименты. Так дедушка стал русским Николаем Р. Мы его называли дедушкой, потому что у него и бабушкиной сестры не было детей. А родной дедушка тоже был немцем. Так получилось, что две родные сестры вышли замуж за немцев»* (рис. 4).

Николай Р. Воевал на Ленинградском фронте, имеет боевые награды (рис. 5).



**Рис. 4.** Адам К. / Николай Р. 1942 г. Ленинградский фронт (из СА)



г. Ленинград Петр. стр. Бальш. № 33 № 20

Дорогая Вера Леонтьевна

Поздравляю Вас со всенародным торжеством — великой победой над гитлеровской Германией.

В боях с немецкими захватчиками Ваш муж Михаил Николаевич высоко держал знамя Ленина—Сталина, проявил мужество и героизм, внес свою лепту в дело победы, достойную советского патриота.

Мы гордимся Вашим мужем, который все годы войны с честью выполнял свой почетный долг защиты Родины и за образцовое выполнение боевых заданий командования награжден медалю «За оборону Ленинграда» и орденом «За боевые заслуги»

31 мая 1945 г.  
Полевая почта № 120

Рис. 5. Сообщение о награждении медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги» (из СА)

Семью информанта В. А. по национальному признаку депортировали, «потому что родители отца до войны оказались в Латвии. Бабушка (немка) там еще немцев гоняла во время войны, заставляла их дрова колоть. Бабушка с характером была. ... После закрытия завода подавляющее большинство рабочих осталось без работы, и многие в поисках ее стали разъезжаться в другие места». Дед информанта работал кузнецом/слесарем на Новосельском стекольном заводе в Смоленской обл., который прекратил свое существование спустя некоторое время после Октябрьской революции 1917 года. Отец информанта свою трудовую деятельность тоже начал на этом заводе после окончания четырехклассной приходской школы.

Из мемуаров отца информанта В. А.: «Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 года, застала меня на рыбалке. Это было как раз воскресенье, мы в субботу вечером выезжали с ночевкой на Амур. О начале войны узнали уже тогда, когда вернулись домой. В течение всей войны у меня была так называемая «бронь». Не знаю, почему меня не взяли в армию, сам я не запрашивался, но если бы взяли, пошел бы с удовольствием. Таких, как я, в управлении было много, и лишь немногих призвали в армию». Отец информанта оказался на Дальнем Востоке после окончания теоретического курса Московского геологоразведочного института. Более никаких сведений о войне в его записях нет.

Судьбы советских немцев складывались по-разному. Чаще трагически. Отношение к ним связано с неадекватной перестраховкой советского руководства. Несомненно, «среди депортированных были и активные борцы против советской власти, и участники бандитских формирований», однако «страдали главным образом не те, кто сражался в “бандах”, а безвинные люди»

[Бугай, 1992: 14, 285]. Например, умер в заключении отец информанта *А. Ф.*, которого обвинили в контрреволюционной агитации, а потом полностью реабилитировали (рис. 6).

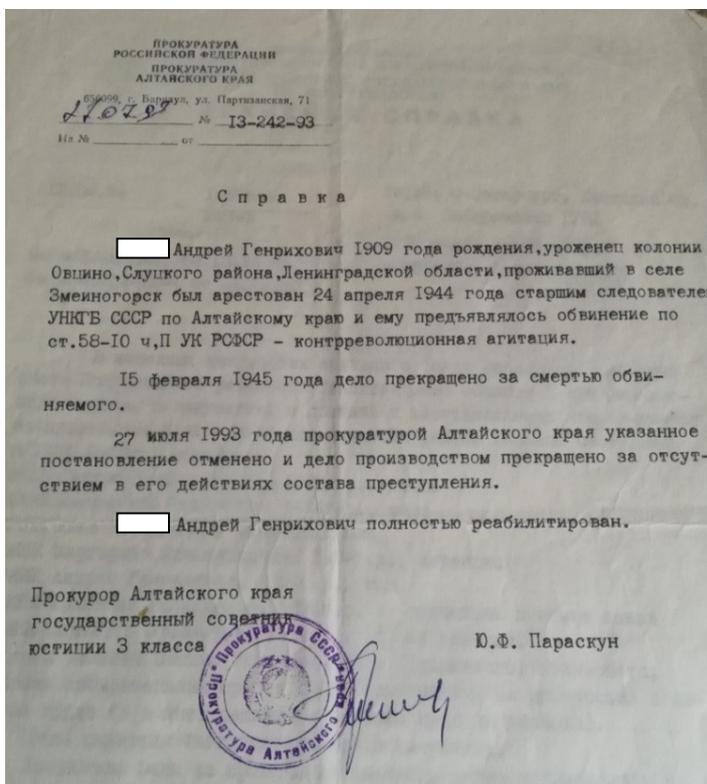


Рис. 6. Справка о реабилитации отца информанта *А. Ф.* (из СА)

После снятия ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении (указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г.), советским немцам не разрешили возвращаться на родину, так как «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возврат им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права на возвращение в места, откуда были выселены» [Корсун, 2016]. Депортация, трудовая мобилизация, спецпоселение, послевоенная дискриминация по национальному признаку актуализировали понятие «родина предков». Память о «родине предков» сохраняется и в новых поколениях. Даже после разрешения вернуться в родные места людям фактически некуда было возвращаться. А большинство немцев даже не пытались покинуть места ссылки, какими бы тяжелыми для жизни они ни были. Так, дед и бабушка информанта *Е. В.* остались в Ямало-Ненецком автономном округе, родня информанта *И. К.* — в Киргизии, тети информанта *М. Ф.* — в Челябинске, родня информанта *А. Ф.* — на Алтае. Дети, которые родились на спецпоселении до 1955 года, также оказались репрессированными [Фаузер, 2011: 157]. Характерной чертой поведения многих поколений российских немцев (как и финнов) было нежелание вспоминать о тяжелых страницах своей жизни. Это можно считать проявлением защитных

механизмов: дабы не навредить разговорами еще больше себе и своим детям. Вспоминая своих родителей, информант В. Д. сказал: *«Вот, несмотря на такую тяжелую жизнь, родители умели радоваться жизни. И я никогда не слышал от них, чтобы они роптали».*

Депортация по национальному признаку обернулась трагедией для большинства немецких семей. В 1941 году государство «наложило клеймо потенциальных предателей на сотни тысяч советских граждан немецкого происхождения, а ругательство “фашист” на бытовом уровне, обращенное к немцам, сохранялось долгие годы» [Черказьянова, 2011: 84]. Несмотря на это, советские немцы и на фронте, и в тылу в подавляющем большинстве демонстрировали патриотизм и внесли свой заметный вклад в общие усилия страны и ее народа по достижению великой Победы.

### **Список сокращений**

АССР НП — Автономная Социалистическая Советская Республика  
немцев Поволжья  
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел  
пгт — поселок городского типа  
СА — семейный архив  
СНК — Совет народных комиссаров  
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика  
ЦК ВКП (б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков

### **Сведения об информантах**

М. Ф., *ж.*, 1938 г. р., отец — русский, мать — немка, место рождения г. Кировск, образование высшее; потомок немцев из пригорода Санкт-Петербурга.

А. Ф., *м.*, 1940 г. р., из моноэтнической немецкой семьи, место рождения поселок Змеиногорск Алтайского края, образование высшее; потомок немцев из пригорода Санкт-Петербурга.

Э. В., *ж.*, 1951 г. р., из моноэтнической немецкой семьи, место рождения Ярковский район Тюменской обл., образование среднее специальное; потомок закарпатских немцев.

В. Д., *м.*, 1957 г. р., из моноэтнической немецкой семьи, уроженец г. Октябрьский Башкирской АССР, образование высшее; потомок поволжских и немцев из пригорода Санкт-Петербурга

Е. В., *ж.*, 1960 г. р., отец — русский; мать: отец — немец, мать — русская, место рождения г. Кировск, образование высшее; потомок латышских и петербургских немцев.

В. А., *м.*, 1961 г. р., отец: отец — латыш, мать — немка; мать: отец — русский, мать — карелка; место рождения г. Апатиты (Тик-Губа), образование высшее; потомок латышских немцев.

И. Ф., *ж.*, 1972 г. р., отец — немец, мать — русская, место рождения г. Кировск, образование высшее; потомок поволжских немцев.

С. Ш., *м.*, 1978 г. р., отец — немец, мать — русская, место рождения г. Апатиты, образование высшее; потомок украинских немцев.

И. К., *ж.*, 1979 г. р., отец: отец — даргинец (или лезгин), мать — немка; мать — русская, место рождения пгт Каинды Чуйской области Киргизии, образование высшее; потомок кавказских немцев.

### Список источников и литературы

*Бугай Н. Ф.* Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.

*Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* «По решению правительства Союза ССР...». Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.

*Герман А. А.* Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 13–21.

Единая база данных жертв репрессий в СССР. Список жертв политических репрессий по г. Череповцу и Череповецкому району. URL: <https://bessmertnybarak.ru> (дата обращения: 20.02.2020).

Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index5.htm> (дата обращения: 20.02.2020).

*Иванов А. С.* Спецпереселенцы-немцы на территории Северо-Западной Сибири (1942–1945 гг.): численность и правовой статус // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 127–130.

*Кахаров Н. Н.* Идеологические установки советского руководства в отношении немцев Германии и советских немцев в годы Великой Отечественной войны // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 66–76.

*Кириллов В. М.* Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 322–349.

*Кириллов В. М.* Общие закономерности и специфика содержания трудмобилизованных российских немцев в лагерях принудительного труда на Урале // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 1. С. 30–34.

Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941–1946. URL: <http://bogoslovlag.rusdeutsch.ru> (дата обращения: 21.02.2020).

*Корсун А.* Без права на возвращение // Новини Закарпаття. 2016. 13 марта.

*Ляушин В. П.* Травмы истории: предвоенные и военные годы на Севере Сибири // Дискурс-Пи. 2003. Вып. 3 (1). С. 110–113.

*Полян П.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Объед. гуманитар. изд-во, 2001. 327 с.

*Савоскул М. С.* Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения 1897–2000-е гг.) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 492–513.

*Скучаева О. Е.* К вопросу о причинах и правовых основаниях депортации немецкого населения из Поволжья // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 88–97.

*Фаузер В. В.* Немцы в Республике Коми: до и в годы Великой Отечественной войны // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 155–162.

*Черказьянова И. В.* Депортация российских немцев: психологические последствия и влияние на гражданскую идентичность и внутренний мир // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 77–87.

*Черказьянова И. В.* Трагедия войны для немцев Ленинграда и Ленинградской области. URL: <http://wolgadeutsche.net> (дата обращения: 21.02.2020).

*Чернова-Деке Т.* Депортация и судьбы кавказских немцев: трагедия 1941 года // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-Пресс, 2011. С. 98–117.

*Эйхельберг Е. А.* Депортация советских немцев: взгляд из Германии // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 96–101.

#### ***Сведения об авторе***

**Бусырева Елена Владиславовна**

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

**Elena V. Busyreva**

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of Humanities, FRC KSC RAS

## АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ POSTGRADUATE NOTEBOOKS

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.013  
УДК 94 (470.21) «1918/1919»

**Е. О. Сушко**

### **ХИБИНЫ И ИМАНДРА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СОЮЗНИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

#### **Аннотация**

Статья посвящена историческим источникам, в которых упоминаются Хибины и озеро Имандра в период и в контексте Гражданской войны и союзнической интервенции на Севере России в 1918–1920 годах. Определено состояние опубликованных российских и зарубежных источников по данной теме. Рассмотрена и проанализирована информация из множества источников различного вида: карт, фотографий, воспоминаний участников событий, официальных документов и др. Несмотря на малонаселенность и труднодоступность района Хибин и Имандры, эта территория, как и другие места Кольского полуострова, стала ареной противостояния большевиков и их противников.

#### **Ключевые слова:**

*Хибины, Имандра, интервенция на Севере России, Гражданская война.*

**Eugene O. Sushko**

### **KHIBINY AND IMANDRA DURING RUSSIAN CIVIL WAR AND ALLIED INTERVENTION: PAGES OF HISTORY**

#### **Abstract**

The paper present study of sources mentioning Khibiny and Imandra in the context of Russian Civil War and North Russia intervention during the period 1918–1920. The state of published Russian and foreign sources on this topic is determined. Sources of various types are considered: maps, photos, memories of participants of events, official documents and others. Information from many sources has been analyzed. Despite the sparsely populated and inaccessible area of Khibiny and Imandra, this area became the scene of confrontation between the Bolsheviks and their opponents, as well as other places on the Kola Peninsula.

#### **Keywords:**

*Khibiny, Imandra, North Russia intervention, Russian Civil War.*

#### **Введение**

События Гражданской войны на Севере России всегда были на прицеле у историков разного уровня, и связанная с ними тематика никогда не теряла своей актуальности. Ученые проводят исторические исследования, пишут диссертации и монографии. Включаются в научную работу и другие специалисты, рассматривая вопрос с точки зрения вовлеченности какого-либо края, губернии, уезда, волости или же иной северной территории в военно-политическое противостояние. Русский Север представляет совокупность различных местностей — в историческом, географическом и административно-правовом смысле.

Научные исследования выполнялись историками Мурманской области [Киселев, 1977], Архангельской области, Республики Карелии еще с советского времени. Продолжаются они и сейчас, открывая все новые страницы истории.

При этом пристально изучалась не столько сама Гражданская война, если понимать под этим термином только столкновения большевиков и всех белых/антибольшевистских вооруженных формирований, сколько сопутствующее ей и одновременно главное событие — союзническая интервенция. По сути, именно иностранное вмешательство определило особый статус Гражданской войны на Севере, поэтому без упоминания о нем невозможно представить любой исторический труд обо всех событиях на Севере в рассматриваемый период.

Интервенция анализируется российскими историками и иностранными специалистами. Необходимо отметить, что вопрос касается не только «общей интервенции» союзников, но и действий конкретного государства в период 1918–1920 годов. Например, А. А. Иванов привел результаты исследования основных позиций зарубежных историков и зарубежной историографии по поводу американской интервенции на Севере России, раскрыл роль и значение рассматриваемых событий, а также описал восприятие этого вмешательства в военно-политических кругах США [Иванов, 2012: 106–111]. Британский историк Н. Барон обнаружил серьезные противоречия и странности в российско-британских отношениях в период интервенции на Севере России [Барон, 2011: 90–96].

Гражданской войной и интервенцией были затронуты практически все населенные пункты, станции и места Кольского полуострова. В особенности это касалось Мурманской железной дороги, с августа 1918 года контролируемой интервентами и белогвардейскими силами. Железная дорога являлась важнейшей транспортной артерией. Именно в этот момент США посылают так называемую экспедицию «Полярный медведь» [Willet, 2003], сыгравшую значительную роль в удержании Мурманской железной дороги и управлении ею вместе с белыми и британскими войсками. Хибины и район Имандры также стали местом противостояния большевиков и их противников.

### **Характеристика опубликованных источников**

Поиск информации о Хибинах и Имандре в рассматриваемый период в открытых источниках ограничен. Отсутствие серьезной источниковой базы составляет главную трудность исследования и не позволяет детально, систематично и качественно изучить то, что происходило на этой территории в годы Гражданской войны и союзнической интервенции. Неизбежна фрагментарность, по этой же причине отсутствуют какие-либо академические труды по интересующему нас вопросу и мнения, высказанные профессиональными историками. Историческая полемика также максимально ограничена и может быть проведена лишь в виде оценки подлинности и значимости фактического материала, используемого в этой статье. Необходим поиск информации, включая работу в архивах и музеях Севера России, требуется тщательное исследование каждого цифрового материала экспедиции «Полярный медведь», в том числе работа в архивах Мичиганского университета [Ann Arbor..., ЭР], военных ведомств России, военных архивах Великобритании, США и Франции (стран — участниц интервенции) и в частных коллекциях и архивах.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом 1918–1920 годов.

Территориальные рамки определяются следующим образом. Говоря о Хибинах и Имандре, мы имеем в виду район Хибинского горного массива, станции Хибины, Имандра и Белая, озеро Большая Имандра. При упоминании

Имандры как озера и района около нее важно различать Большую Имандру у Хибинского горного массива и другие части этого озера: Экостровскую Имандру и Бабинскую Имандру. Станция Имандра и станция Хибины находятся у Большой Имандры, при этом в некоторых источниках есть упоминание Имандры (как озера или просто местности) близ Кандалакши и территории вокруг нее, однако это не относится к теме данного исследования. Ввиду скудности описаний эти районы бывает трудно различить.

Все источники можно разделить на несколько групп:

- 1) воспоминания участников Гражданской войны и интервенции на Кольском Севере;
- 2) публицистическая литература;
- 3) географические материалы, в которых названы и описаны данные местности (атласы, карты и др.);
- 4) официальные документы (приказы, сводки, сообщения);
- 5) фотографии.

При этом разные группы источников могут быть скомбинированы и составлять единое целое.

Первое упоминание о Хибинах в связи с пребыванием иностранных войск на Кольском полуострове встречается в книге, которая была издана военным министерством США в октябре 1918 года [Russia..., 1918]. Она является своего рода справочником, в котором есть сведения о ландшафте Кольского полуострова, станциях Кольской железной дороги, особенностях местности, названиях населенных пунктов, а также другая информация. В самой книге не упоминаются большевики, немцы или что-либо, относящееся к политике или интервенции, однако уже на одной из первых страниц говорится, что «если военные операции в России продолжатся, то желательно иметь всю информацию» [Там же: 1]. Эта книга географического характера активно использовалась интервентами в качестве справочника или путеводителя.

На первой же странице (карте) есть изображение Хибинских гор и озера Имандра. В издании сообщается о двух горных местностях. Первая описана под названием «Умптек Кионскъяр». Если Умптек — название саамское, то Кионскъяр (Khioinskiya) нигде более не встречается. Возможно, это ошибочная транскрипция авторами слова «Хибинская» или же написание с ошибкой каких-то других хибинских топонимов на «К»: Куэльйок, Куйвчорр, Каскаснюйок, Кальйок, Кунийок. Безусловно, речь идет о Хибинах. Указано, что «горы 25 миль в диаметре, в высоту 4000 футов, поднимаются прямо от линии железной дороги, на восток, и возвышаются над дорогой на 20–25 миль, с центром у станции Имандра» [Там же: 8]. Далее сообщается: «Меньшая горная местность, известная как Луяврурт, имеет диаметр 14 миль и высоту 3600 футов. Лежит на востоке от большего горного массива, от которого она отделена озером» [Там же], здесь речь идет о Ловозерских тундрах. В заключение указано, что «эти высокогорья образуют часть хребта Хибинских гор, простирающиеся с северо-запада и пересекающиеся железной дорогой на участке озера Имандра» [Там же].

В справочнике присутствует список станций вместе с картой, на которой каждая станция пронумерована и указано ее название на русском и английском языках. Станция Имандра значится под номером 6 [Там же: 27–29].

Описывается железнодорожная дорога у Хибин при приближении к станции Имандра: «Линия железной дороги проходит у озера Имандра, которое очень большое с множеством островов <...>. Озеро лежит у главного горного

массива Кольского полуострова, известного как Хибинские горы, которые поднимаются на востоке на 3600 футов вверх. Западные же горы ниже восточных на 1000–1500 футов <...>. Линия проходит у подножия этих гор, пересекая множество рек, которые поднимаются на ледники выше. Нижние гребни горы покрыты сосновыми деревьями, но выше они совершенно голые» [Там же: 39–40].

Станция Имандра характеризуется следующим образом: «...имеет четыре рельсовых пути и двойное водное оборудование. Водная станция находится к югу от депо. Есть казармы для сотрудников и деревянный круглый дом, с тремя специализированными стойлами, вмещающими шесть локомотивов. Там нет города и есть только одно здание вокзала. Местность заполнена песком с небольшим количеством гальки, а болот меньше, чем на юге. Железнодорожная линия продолжается у берега озера Имандра, прорезая хребты Хибинских гор. Горы описаны как “висячие” над озером, но с промежуточным пространством от 1 до 2 миль. Железная дорога пересекает их по широкому проходу на высоте 809 футов. Земля в основном песок с основанием из твердой породы. С левой стороны прекрасные еловые леса, а справа открытая местность. На версте 144 — деревянный мост на насыпи. Верста 156 — лесопилка, один разъезд на восток и один слева» [Там же].

В конце книги приводятся фотографии Хибинских гор под номерами 5 и 6, взятые из материалов финской экспедиции в Хибины Вильгельма Рамзая и других путешественников-геологов. Так, описывается местность у Хибин в географическом издании, использованном американской антибольшевистской экспедицией «Полярный Медведь» [Polar Bear..., ЭР].

Представляет интерес также американская карта времен Первой мировой войны [Abbot, 1919: 169], составленная (1918 год), чтобы показать территорию Русского Севера и ее железнодорожные пути, используемые интервентами. На этой карте указаны Имандра и Мурманская железная дорога.

Одним из источников информации о пребывании американских военных на Севере России, в том числе и в Хибинах, является сборник фотографий капеллана Железнодорожного транспортного корпуса Джо Эдварда Уилсона. Часть фотографий вошла в его альбом-книгу о событиях, происходивших в то время. Транспортный корпус являлся подразделением армии США, он был направлен в Россию в апреле 1919 года и находился там до июля того же года для контроля за Мурманской железной дорогой. Сам Джо Уилсон был добровольцем при походе в Россию, участником битвы за станцию Масельгскую в Карелии и ряда других сражений с большевиками [Wilson, 1921: 18]. Его сборник под названием «Изображения Северной России» основан на фотографиях Джо Вильяма Грайера, Фрэнка Дж. МакГрафа и Фреда Е. Минарда, а также на своих собственных. Фотографии он раздал сослуживцам или же продал новостным агентствам. Часть данного архива была дополнена уже родственниками этих людей. Всего в альбоме Уилсона в совокупности 370 фотографий, относящихся к северной интервенции [North Russia..., 1919, ЭР].

Большинство главных фотографий Хибин и мест около Хибин доступны именно в альбоме МакГрафа. Распространены, собраны или описаны они самим Уилсоном, а сделаны, как правило, другими людьми. МакГраф являлся рядовым 167-й роты американского Транспортного корпуса [The Arctic antics..., 1919, ЭР]<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Эта информация указана в альбоме-книге Д. Э. Уилсона на странице без номера в отдельном списке солдат и офицеров на английском языке под названием “167th Company”.

В его альбоме опубликованы следующие фотографии:

- «Поезд в Хибинских горах» [McGrath, 1918–1919, ЭР: 25];
  - «Хибинские горы» [Там же: 26]<sup>1</sup>. Данная фотография была сделана Фредом Е. Минардом, так как присутствует под тем же названием в его архиве личных фотографий в хорошем качестве [Minard, ЭР];
  - «Вечер на озере Имандра» [McGrath, 1918–1919, ЭР: 58]<sup>2</sup>;
  - «Вдоль озера Имандра на поезде» [Там же: 58]<sup>3</sup>. Фотография была сделана Фредом Е. Минардом, присутствует в его архиве личных фотографий в хорошем качестве под названием «Озеро Имандра»<sup>4</sup> [Minard, ЭР];
  - «Полночь из движущегося поезда» [McGrath, 1918–1919, ЭР: 59]<sup>5</sup>.
- По этому альбому данное фото невозможно атрибутировать, однако в коллекции Фреда Е. Минарда оно значится под названием «Озеро Имандра 30 июня 1919. Полуночное Солнце из поезда»<sup>6</sup> и присутствует в хорошем качестве [Minard, ЭР];
- «Озеро Имандра с гор» [McGrath, 1918–1919, ЭР: 83]<sup>7</sup>;
  - «Хибинские горы» [Там же: 83]<sup>8</sup>;
  - «Ущелье в Хибинских горах» [Там же: 83]<sup>9</sup>.

Возможно, в альбоме есть и другие фотографии, относящиеся к Хибинам и Имандре, но без подписи определить их трудно.

Уилсон в своем альбоме-книге уже использует карту Северной России, на которой показан Кольский полуостров и отмечены Хибинские горы [The Arctic antics..., 1919, ЭР]<sup>10</sup>. Он поместил в своем альбоме-книге копию фотографии со страницы 25 из альбома МакГрафа под названием «Русский поезд в Кандалакше у Хибинских гор»<sup>11</sup> [Там же], то есть сделал географическую ошибку.

Полный перечень всех материалов (фото, текст, записки, военные сводки) экспедиции «Полярный медведь» представлен в архиве исторической библиотеки Бентли, Мичиганского университета [Polar Bear..., ЭР].

В книге Дэмиена Райта «Секретная война Черчилля с Лениным: Военная интервенция Британии и Содружества во время Гражданской войны в России, 1918–1920 гг.» описан один из интересных случаев. 27 июня 1918 года британский генерал Чарльз Майнард решает двигаться на юг, чтобы провести инспектирование Кандалакши. Его вагон был остановлен у Имандры станционным смотрителем, который отказывался пропускать поезд дальше. Майнард решительным образом исправил данную ситуацию, направив револьвер на голову мужчины. Смотритель быстро изменил свою позицию, и поезд продолжил движение в Кандалакшу [Wright, 2007: 32]. Однако здесь отсутствует сколько-

---

<sup>1</sup> Оригинальное название на английском языке (здесь и ниже) “Chibinsky Mountains”.

<sup>2</sup> “Evening at Lake Imandra”.

<sup>3</sup> “Along Lake Imandra from Train”.

<sup>4</sup> “Lake Imandra”.

<sup>5</sup> “Midnight from moving train”.

<sup>6</sup> “Lake Imandra June 30 1919. Midnight Sun from Train”.

<sup>7</sup> “Lake Imandra from Mountains”.

<sup>8</sup> “Chibinsky Mountains”.

<sup>9</sup> “Gulch in Chibinsky”.

<sup>10</sup> Map of North Russia” (карта), без указания страницы.

<sup>11</sup> “A Russian train at Kandalaksha in the Chibinsky Mountains” (фото), без указания страницы.

нибудь подробное описание места остановки поезда. Это могла быть станция Имандра, но нельзя исключать некоторую вероятность того, что речь шла о станции, находившейся ближе к Кандалакше. А 30 июня на станции Имандра были разоружена группа охранников этого участка Мурманской железной дороги [Тарасов, 1958: 82].

В книге Райта присутствует также информация о боевом порядке союзнического контингента на 15 декабря 1918 года. На станции Имандра в тот момент находилась одна Йоркширская рота и одна секция<sup>1</sup> британской пехоты [Wright, 2007: 527]. Аналогичная информация приводится и в советских источниках [Из истории..., 1960: 77].

В армейском британском журнале приводится другой интересный случай, описанный участником событий: «В 100 милях вниз по железной дороге была попытка задержать поезд на станции Имандра под тем предлогом, что железнодорожная линия была очищена для поездов, двигающихся на север. Несмотря на этот угрожающий намек, командование дивизии решило подражать ирландскому водителю и считать эти 70 миль между станцией Имандра и станцией Кандалакша улицей с односторонним движением» [Abbot, 1964: 236]. Интервенты также заявили об изъятии у местного населения множества пулеметов и нескольких сотен винтовок во время рейдов на железнодорожные казармы в Имандре и Кандалакше [Там же: 239].

В справочнике под редакцией выдающегося исследователя Хибин А. Е. Ферсмана «Путеводитель по Хибинским тундрам» тоже содержится информация, связанная с Хибинами периода Гражданской войны и интервенции. В главе «Картография Хибинского района» географ Г. Д. Рихтер указывает на создание британцами во время интервенции специальных карт, описывающих Кольский полуостров, Хибинские и Ловозерские тундры. В этих картах были использованы фотографии финской экспедиции и фотографии лесов в Хибинах. Рихтер обратил внимание на недостаточную проработку их данных в области тундр [Рихтер, 1931: 49]. Сами же карты были очень редки, они переизданы в 1920 году штабом Беломорского округа.

Присутствуют Хибины и Имандра в сборнике воспоминаний «Интервенция на Советском Севере 1918–1920». Один из авторов, В. Колосов, повествует о побеге из мурманской тюрьмы, контролируемой белогвардейцами и интервентами. Описывая обстоятельства побега на юг, автор называет станцию Хибины, а также станцию и озеро Имандра [Колосов, 1939: 99].

В сборнике «Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане» опубликован документ, который содержит просьбу белогвардейского штаба к английскому интендантству выдавать информаторам белогвардейской службы военно-политического наблюдения за Мурманской железной дорогой солдатский паек через русских комендантов станций. Среди станций указана Имандра [Борьба..., 1960: 316].

Известный русский и советский писатель Алексей Николаевич Толстой во время своего пребывания на Кольском полуострове, посещая Хибины, писал о горном массиве: «Англичане во время интервенции побывали в этих тундрах, —

---

<sup>1</sup> Секция — аналог такого традиционного тактического подразделения в советской/российской армии, как отделение, существовавшее в Первую мировую войну в пехоте британской армии. В секции находилось от 6 до 12 человек.

кое-где и сейчас находят в горах их геологоразведочные отметки: треугольники с буквами. Видимо, интервенты догадывались о неизмеримой поживе, и только упрямство большевиков не позволило им наложить руку на хибинские недра» [Толстой, 1975: 60]. Слова литератора находят частичное подтверждение в попытке одного из британских предпринимателей организовать в Мурманском крае компанию, занимающуюся в том числе и добычей минералов [Борьба..., 1960: 242–245]. Тем не менее на текущий момент каких-либо материальных следов (надписи, отметки) нахождения британцев непосредственно внутри горного массива не сохранилось или же они не были зафиксированы.

Хибины и Имандра явились местом боевых действий, восстаний и диверсий. Академик А. Е. Ферсман писал о появлении (после антибольшевистского переворота и начала полномасштабной интервенции) в горах и тундрах красных партизан, поддерживаемых кольскими коми-ижемцами и саамами. Саамы «нарочно водили белые войска по самым худшим дорогам и таким образом препятствовали продвижению их отрядов через Хибины и Ловозеро» [Ферсман, 1968: 52].

В сборнике документов «Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев» приводятся воспоминания революционеров и партизан, которые противодействовали интервентам и белогвардейцам [Гражданская..., 2006]. Пospelов Иван Константинович (Ванька Каин) [Там же: 205], Казаков Тимофей Федорович — работник станции Хибины [Там же: 241], Вишневецкий Петр Станиславович [Там же: 248] говорят о важном стратегическом значении станций Хибины и Имандра для всех противоборствующих сторон. Именно там развернулась в 1918–1920 годах партизанская борьба красных против интервентов и белых сил, которая приняла достаточно серьезный характер. Возможно, именно действия партизан привели к изданию начальником Мурманского края Ермоловым приказа от 12 октября 1919 года «Об усилении ответственности в связи с деятельностью партизан на Мурманской железной дороге» [Борьба..., 1960: 357], который был направлен на противодействие партизанам и подрывам железной дороги. Кроме станций Княжая Губа и Охтоканда, в приказе значится станция Хибины. А станция Имандра была важным опорным пунктом во время восстания 1920 года [Гражданская..., 2006: 242], которое привело к утверждению большевиков на всем Кольском полуострове.

В тот момент речь шла не только о вооруженной борьбе с британцами, американцами и французами. Упомянутый выше партизан Вишневецкий говорит о сербских солдатах, которые были направлены на освобождение станции Имандра от большевистских вооруженных формирований, захвативших ее в одном из столкновений [Гражданская..., 2006: 248]. Неизвестно, находились ли сербы на самой станции, но есть точная информация о сербах на берегу озера Имандра [Britain's sea..., 1927: 201].

Столяр Михайлов, подробно описывая уход интервентов с Кольского полуострова в ноябре 1919 года, говорит о подрыве моста на реке Белая, по которому проехали охраняющие интервентов войска национального ополчения [Гражданская..., 2006: 252]. В ответ на это генерал-губернатор направил войска на станцию Хибины, однако никаких большевистских групп там не было. Белогвардейцы арестовали нескольких рабочих за диверсию, расстреляв одного

из них. Михайлов продолжал работать столяром на станции Имандра. После восстания в феврале 1920 года он своими активными действиями поддержал захват станции красными, стал членом и заместителем председателя ревкома. Революционными силами был взорван мост у станции Белой. В итоге все вооруженные отряды рабочих со станций Имандра и Хибины отправились для борьбы с белыми силами в Кандалакшу. 24 февраля 1920 года на станции Имандра был заслушан доклад комиссара Иванова и Чумбарова-Лучинского об установлении советской власти.

На станциях Имандра, Хибин и Белая установление советской власти было официально отмечено в «Сообщении Имандровского временного исполкома о восстановлении Советской власти, избрании исполкома и мероприятиях по организации отпора белогвардейцам» от 23 февраля 1920 года [Борьба за установление..., 1960: 397–398]. В документе «Из оперативной сводки о вступлении частей VI Красной армии в г. Мурманск и об освобождении станций на Мурманском направлении» от 11 марта 1920 года говорится о занятии железнодорожных станций силами красных, в том числе Имандры и Белой [Борьба за торжество..., 1967: 167–168].

## **Выводы**

Гражданская война и интервенция привели к значительному запустению Кольского полуострова: были разрушены транспортные пути, население частично мигрировало в другие районы, из-за белого (в большей степени) и красного (в меньшей степени) террора были потеряны ценные специалисты. Подобная участь постигла и Хибин, где, например, верная мысль академика В. Н. Сукачева о создании геоботанической станции не смогла реализоваться, так как в 1920-х годах «край был почти безлюден, только начал оправляться от интервенции» [Куплетский, 1935: 5].

В Хибинах и Имандре основное противостояние было между партизанскими большевистскими формированиями, включая «спящие» ячейки (те, кто вел мирную жизнь, но при случаях помогал партизанам и сам участвовал в вылазках), с одной стороны, и регулярными сухопутными войсками Великобритании и США (при эпизодической поддержке сербов и солдат других стран), а также вооруженными силами Северной области<sup>1</sup>, с другой стороны. Белым и союзникам не удалось полностью уничтожить сопротивление большевиков, поэтому партизаны успешно устраивали диверсии, однако ущерб от их действий нельзя преувеличивать.

Целью атак большевиков была Мурманская железная дорога — главный транспортный узел Кольского полуострова. Большевиков в Хибинах и у Имандры поддерживали прежде всего рабочие, а также местное коренное население (саамы и кольские коми-ижемцы).

Таким образом можем констатировать, что, несмотря на кажущуюся малонаселенность и труднодоступность для деятельности человека, территория Хибин и Имандры была такой же ареной Гражданской войны и интервенции, как и другие места на Кольском полуострове.

---

<sup>1</sup> С августа 1918 по март 1920 года автономное государственное образование на Европейском Севере России со столицей в Архангельске.

### Список источников

Борьба за торжество Советской власти на Севере: сборник документов, 1918–1920 / сост. Л. В. Владимирова. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. 179 с.

Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сборник документов и материалов // Партийн. арх. Мурман. обкома КПСС, Арх. отд. Мурман. облисполкома, Гос. арх. Мурман. обл. / сост. А. С. Мошкин (ред.) [и др.]. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. 494 с.

Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: сборник воспоминаний и документов / Архив. упр. Мурман. обл., Гос. архив Мурман. обл., Мурман. гос. пед. ун-т. Мурманск: Кн. изд-во, 2006. 339 с.

Из истории гражданской войны в СССР: сборник документов и материалов. Май 1918 — март 1919 / сост. П. А. Голуб и др. М.: Сов. Россия, 1960. Т. 1. 832 с.

*Колосов В.* По тюрьмам белоинтервентов // Интервенция на Советском Севере 1918–1920: сб. / Истпарт. Архангельского обкома ВКП(б). Архангельск: Арханг. обл. изд-во, 1939. С. 87–164.

Ann Arbor, Michigan / University of Michigan Library. 2004. URL: <http://name.umdl.umich.edu/3104788.0001.001> (accessed 04.02.2020).

Britain's sea soldiers: A record of the Royal marines during the war 1914–1919. Front Cover. Swiss & Co. History. 1927. 492 p.

*Minard F. E.* Photograph Collection, 1918–1919. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/handle/2027.42/89900> (accessed 04.02.2020).

*McGrath F. J.* Photograph album, 1918–1919. 98p. Folder 1, Item 1. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/polar/92510.0001> (accessed 04.02.2020).

North Russia pictures / taken by John E. Wilson. 1919. URL: <https://quod.lib.umich.edu/b/bhlead/umich-bhl-2010123?view=text> (accessed 05.02.2020).

Polar Bear Expedition Digital Materials / University of Michigan Library. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/polar/> (accessed 31.01.2020).

Russia, route zone A, Murman Railway and Kola Peninsula, information and route notes, Murmansk to Petrograd. Military monograph subsection M. I. 2, Military Intelligence Division, General Staff. Washington, Govt. Print. off., 1918. 118 p.

The Arctic antics of the North Russian Transportation Corps of the U. S. Army / Edited by John E. Wilson; Historical Officer. [S.l.: s.n.], 1919. URL: <https://quod.lib.umich.edu/lib/collist/> (accessed 31.01.2020).

### Список литературы

*Барон Н.* Столкновение империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России, 1918–1919 годы // Труды КарНЦ РАН. 2011. № 6. С. 90–96.

*Иванов А. А.* Американская интервенция на Русском Севере (1918–1919 годы): перекресток мнений // Вестник МГИМО. 2012. № 2. С. 106–111.

*Киселев А. А., Климов Ю. Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.

*Куплетский Б. М.* Ультраосновные породы Монче-Тундры // Материалы по петрографии и геохимии Кольского полуострова. Ч. 4. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 5–61. (Тр. СОПС и ПЕТРИН. Сер. Кольская; Вып. 7).

*Рихтер Г. Д.* Картография Хибинского района // Путеводитель по Хибинским тундрам / под ред. акад. А. Е. Ферсмана. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 166 с.

*Тарасов В. В.* Борьба с интервентами на Севере России. (1918–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1958. 312 с.

*Толстой А. Н.* Публицистика: 1923–1945. М.: Сов. Россия, 1975. 367 с.

*Ферсман А. Е.* Наш апатит. М.: Наука, 1968. 134 с.

*Abbot A. W.* Campaign by Rail: Murmansk to Lake Onega, 1918–19 // The Army Quarterly and Defence Journal. Devon: West of England Press, Publishers, Ltd., 1964. No. 2, Vol. 88, July. P. 236–239.

*Abbot W. J.* The United States in the Great War. N. Y.: Leslie Judge Company, 1919. 318 p.

*Willett R. L.* Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918–1920. Potomac Books, Inc., 2003. 352 p.

*Wilson J. E.* Russell County in the War: Being a Record of the War Activities of the County and the Part that it Played in the Struggle / Compiled and Written by Lieutenant John E. Wilson. Topeka, Kan., Capper printing co. 1921. 170 p.

*Wright D.* Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihull. UK, 2017. 576 p.

#### *Сведения об авторе*

**Сушко Евгений Олегович**

магистрант

Мурманский арктический государственный университет

**Eugene O. Sushko**

Master student of the Murmansk Arctic State University

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.014

УДК 908

**В. В. Стрельников**

## **МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КИРОВСКА<sup>1</sup>**

### **Аннотация**

Статья посвящена вопросам подготовки к Великой Отечественной войне. Эта тема недостаточно освещена в историографии Мурманской области, в особенности на материале отдельных городов региона. Приводятся данные, полученные в результате работы с архивными источниками в ГАМО в городе Кировске. Они относятся, прежде всего, к мероприятиям, связанным с мобилизационной готовностью здравоохранения, противовоздушной и противохимической обороны города. Результаты этой деятельности в предвоенный период были признаны неудовлетворительными.

### **Ключевые слова:**

*Великая Отечественная война, подготовка к войне, Мурманская область, Кировск.*

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

Vladimir V. Strelnikov

## THE PREWAR YEARS IN THE MURMANSK REGION ON THE EXAMPLE OF KIROVSK

### Abstract

The article is devoted to the preparations for the Great Patriotic War. This topic is not adequately covered in the historiography of the Murmansk region, especially on the material of individual cities in the region. In the article, the data obtained as a result of working with archival sources in State archive of the Murmansk region in the city Kirovsk is given. They are associated, first of all, with activities related to mobilization readiness of healthcare, air defense and chemical defense of the city. The results of this activity in the pre-war period were considered unsatisfactory.

### Keywords:

*Great Patriotic War, preparation for war, Murmansk region, Kirovsk.*

### Введение: война в Заполярье

В год, когда отмечается 75-летие окончания Великой Отечественной войны, усиливается внимание к различным аспектам этого события и периода истории как страны в целом, так и отдельных ее регионов. Свой вклад в победу в Великой Отечественной войне в немалой степени внесло население Мурманской области и ее городов, в том числе Кировска.

В агрессивных планах гитлеровского командования Кольский полуостров занимал одно из значимых мест. Основными задачами на данной территории был захват в кратчайшие сроки города Мурманска и его незамерзающего порта, пунктов базирования Северного флота, а также удержание Кировской железной дороги, которая соединяла область с остальной частью страны. Стратегическое значение для противника имели и природные богатства Кольского полуострова, например, месторождение никеля. Для выполнения этих задач была выбрана армия «Норвегия» в составе двух германских и одного финского корпуса, при поддержке части сил 5-го воздушного флота и ВМС Германии.

Великая Отечественная война в Заполярье началась с массированных бомбардировок городов, населенных пунктов, промышленных предприятий, пограничных застав, военно-морских баз. Первые авианалеты авиация неприятеля провела уже в ночь на 22 июня 1941 года. Активные боевые действия на Кольском Севере начались 29 июня 1941 года. Главный удар противник наносил на Мурманском направлении. В течение первой половины июля войска 14-й армии, ведя тяжелые бои, остановили врага в 20–30 км от государственной границы. Большую помощь воинам 14-й армии оказали подразделения морской пехоты Северного флота. Удары морских десантов во фланг противнику 7 и 14 июля имели огромное значение, так как помогли сорвать планы фашистского командования.

Полуостров Рыбачий, который является стратегическим пунктом, откуда контролировался вход в заливы, удалось отстоять. Он сыграл значительную роль в защите Кольского Севера. Красная армия смогла остановить противника на хребте Муста-Тунтури при поддержке кораблей Северного флота. 8 сентября 1941 года возобновилось наступление на Мурманском направлении, но войска 14-й армии заставили противника перейти к обороне, а 23 сентября нанесли контрудар и отбросили его за реку Большая Западная Лица. В этих боях впервые

участвовала сформированная в Мурманске Полярная дивизия. Ей удалось вернуть врага на прежние позиции, когда он продвинулся вперед и возникла реальная угроза захвата Мурманска. До октября 1944 года линия фронта проходила около реки Западная Лица.

Еще одной целью наступления противника была Кандалакша. Первые попытки были предприняты еще 24 июня, но они потерпели неудачу. 1 июля 1941 года началось массированное наступление, в результате которого захватчики смогли продвинуться вглубь территории только на 75 км и были остановлены действиями Красной армии.

На строительные работы в порядке трудовой повинности было мобилизовано гражданское население. Примерно 30 тысяч человек отправилось на военно-строительные работы. Кировчане, как и другие жители Мурманской области, работали на строительстве оборонительных рубежей на Мурманском, Кандалакшском и Лоухском направлениях. Создавалось несколько поясов оборонительных сооружений около Мурманска и Кандалакши, большое количество щелей, траншей, бомбоубежищ.

В конце июня началась эвакуация промышленного оборудования и населения. Она осуществлялась по железной дороге и кораблями в Архангельск. Оттуда эвакуированных развозили по всей стране.

Предприятия, которые не эвакуировали, перестроились для выпуска военной продукции. Заводы Мурманска, Кандалакши, Кировска, Мончегорска освоили выпуск автоматов, гранат, минометов. Комбинатом «Апатит» было начато производство смеси для зажигательных бомб. Судоремонтные мастерские изготавливали шлюпки, волокуши, горные сани, мебельная фабрика — лыжи. Артели промысловой кооперации производили для фронта олени упряжки, мыло, печи-буржуйки, походную утварь, шили обмундирование, чинили обувь. Оленеводческие колхозы предоставляли в распоряжение военного командования оленей и нарты, регулярно посылали мясо и рыбу.

После захвата Петрозаводска Мурманская область была отрезана от остальной страны по железной дороге. На различных предприятиях начали создавать подсобные хозяйства, а граждане возделывали огороды, собирали грибы и ягоды, лекарственные травы, когда это позволяли погодные условия. Внутренние водоемы использовались для рыбной ловли.

### **Историографические аспекты и источники**

Военный период в истории Мурманской области историки рассматривали неоднократно, затрагивая при этом разнообразные аспекты, но обобщающие работы пока отсутствуют. Размышление о подготовке к войне Мурманской области как места дислокации военно-морского флота есть в монографии П. В. Федорова «Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв.». Акцент сделан на развитии флота с начала 1930-х годов до начала Великой Отечественной войны. Отмечается, что в предвоенный период руководство страны стало интересоваться возможностью развития флота на Крайнем Севере. Для этого было запланировано увеличить структуру флота крупным корабельным составом. В 1939 году Северный флот усилился через передачу ему 10 подлодок Балтийского флота, однако даже с этими мерами к началу 1941 года он уступал остальным как по включенным в него боевым силам, так и по численности личного состава [Федоров, 2009: 273].

Основное место в историографии войны занимает рассмотрение боевых действий — на море, суше и в воздухе, в меньшей степени изучены военная повседневность и хозяйственно-бытовые аспекты жизни области и ее отдельных городов. Все же были попытки рассмотреть, как жило население области. А. А. Киселев в первых главах работы «Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941–1945 годах» уделил внимание тому, как начало войны отразилось на жителях Мурманской области. Он подчеркнул, что в предвоенное время постепенно улучшалось качество жизни: это и строительство нового жилья, и улучшение других бытовых условий. С началом войны этот процесс закономерно пошел на спад. Эвакуация сократила население области почти в три раза. Происходило ухудшение жилищных и производственных условий из-за авианалетов и пожаров. Мужчины были мобилизованы в Красную армию и Военно-морской флот, а гражданское население включилось в работу по строительству оборонных сооружений и обеспечению фронта [Киселев, 2002: 18–19].

Боевые действия на территории Мурманской области серьезно отличались от остального театра военных действий, во многом из-за климатических условий. Этому фактору в последнее время историки уделяют особое внимание. Например, в исследовании С. В. Шишова «Фронтная лыжня Заполярья» описывается, как в зимнее время использовались лыжи для выполнения боевых заданий. Погодные условия затрудняли проведение военных операций, но в то же время снег позволял специально подготовленным частям передвигаться вне дорог. Задачи, которые ставились перед лыжниками, были разнообразны: сбор разведанных, охрана определенных участков и т. д. Пополнялись такие специальные части за счет местных жителей, которые могли неплохо ориентироваться, зная местность. Для пополнения инвентарем деревообрабатывающий завод в городе Кировске организовал производство лыж [Шишов, 2019: 11].

Заметным направлением исследований является изучение сражений и подготовки к ним. Так, в работе А. А. Чапенко «Титовская оборонительная операция. 22 июня — 5 июля 1941 года» описывается, что предшествовало боевой операции, в каких условиях она проходила. Летом 1941 года основная часть войск в Заполярье состояла из двух дивизий — 14-й и 52-й. Была необходима адаптация к условиям дислокации около рыбацкого поселка Титовка-Река в устье Титовки, поскольку в этой местности поблизости не было населенных пунктов, отсутствовала сухопутная связь [Чапенко, 2014: 31].

Важнейшим материалом для изучения жизни населения в период Великой Отечественной войны в Мурманской области являются источники личного происхождения, прежде всего, опубликованные воспоминания и дневниковые записи участников событий. К ним относятся, например, публикации мемуаров и дневников партийных руководителей военного времени: книги секретаря партийной организации города Кандалакши Г. В. Елисеева «Прифронтовая Кандалакша» [Елисеев, 1985] и первого секретаря обкома ВКП (б) прифронтовой Мурманской области М. И. Старостина «Дневники войны» [Старостин, 2014].

Очень большую работу по сбору, систематизации, публикации и изучению источников по истории военного времени проводят сотрудники архивов. Благодаря их усилиям публикуются сборники документов, в том числе по интересующему нас времени [Мурманская область..., 1978]. Трудно переоценить деятельность архивистов ГАМО в городе Кировске. В частности,

они подготовили ряд работ, в которых описана жизнь людей в городах и поселках области в военное время. Все они опубликованы в региональной прессе [Подгорбунская, 2013–2015; 2017; Герчина, 2018]. Фактические данные, документы, фотографии из фондов хранения ГАМО в городе Кировске используются историками-краеведами, активно публикуются в местной печати, размещаются на интернет-сайтах [Кировская ФАШ, 2015, ЭР; Публикации, ЭР; Ржевский, ЭР; Салимова, ЭР, и др.]. Эти материалы дают возможность изучать жизнь и быт города прифронтной области.

### **Кировск в начале войны**

Кировск не являлся фронтовой территорией и не был оккупирован, но военные события наложили свой отпечаток и на развитие города, и на повседневную жизнь людей. Кировск подвергался налетам авиации противника, в городе были расположены военные госпитали, изменилась деятельность предприятий, некоторые из них стали выпускать военную продукцию для фронта.

Первое столкновение с авиацией противника произошло 28 июня, бомбили рудники, железную дорогу и жилые кварталы. Пострадали объекты апатитонелефиновой фабрики и другие предприятия города. Кировск не был столь важен в планах немцев, поэтому его бомбили не так сильно, как Мурманск, который на Кольском полуострове больше всего пострадал от авианалетов и практически был превращен в руины, или Канда拉克шу, которая являлась важнейшим железнодорожным узлом. В свете этих событий противовоздушная оборона городов области приобрела первостепенное значение. Уже в первые месяцы войны в Кировске был принят ряд решений, обеспечивающих выполнение мероприятий по подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне, по обучению правилам поведения во время воздушных налетов противника, по светомаскировке города и строительству щелей-убежищ и газоубежищ.

«С 19 июля в городе Кировске создан городской штаб МПВО, в состав которого вошли городские и объектовые команды численностью 500 человек. В городе были созданы объектовые группы МПВО, группы самозащиты при ЦВР «Колэнерго», хлебозаводе, деревообделочном заводе, Кировскторге, артелях «Заполярный артельщик» и «Промбыт», Рыбтресте, жилищных управлениях и др.» [Салимова, ЭР]. Началась постройка щелей, бомбоубежищ, подвалы использовались как бомбоубежища. За первые два месяца войны было построено 158 щелей и оборудовано 23 подвала, в которых люди могли спрятаться на время налетов немецкой авиации.

По всей области началась эвакуация детей и представителей других групп населения. Эвакуировалось и оборудование градообразующего предприятия — комбината «Апатит», большую его часть вывозили на Урал, например, из 3000 человек, работавших на комбинате «Апатит», свою деятельность в городе продолжили 226. Оставшиеся — и предприятия, и люди — стали выполнять военные заказы для фронта.

На опытном химическом заводе был налажен выпуск гранулированного и желтого фосфора для начинки зажигательных авиационных бомб, а также горючей смеси «КС», применяемой против танков. В 1942 году коллектив

механической мастерской рудника начал массовый выпуск штыков к русской винтовке. Кроме этой продукции, мехмастерская занималась производством мин. Мастерские Стройдвора обеспечивали опытный химический завод ящиками, жестяными банками под фосфор, работали над изготовлением ручных гранат. Всего на предприятии было налажено производство свыше 20 различных видов важной оборонной продукции.

### **Подготовка к войне**

Вопросы подготовки к войне в заполярных городах приграничной территории специально не изучались. Информация по этой тематике рассеяна, содержится понемногу в различных исследованиях и архивных документах.

Еще в 1938 году командир гидроавиавзена 33-го Ладожского морпогранотряда НКВД майор Матюшин отправил в адрес высшего советского руководства записку, которую назвал «Наращение угрозы военного нападения фашизма на Советский Союз и некоторые наши задачи в войне с ними на море» [Федоров, 2009: 275–276]. Получается, что военные догадывались о назревающей войне, а что же гражданское население и местные органы?..

Подготовка к военным действиям проявлялась в организации обучения населения противовоздушной и противохимической обороне. В протоколах заседаний исполкома Кировского районного совета депутатов трудящихся отмечается, что в 1940 году подготовка к ПВХО в Кировске и районе проходит неудовлетворительно. План ее выполнен на 31 % [ГАМО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 46. Л. 58]. Одной из причин столь низких результатов признавался тот факт, что районный Совет Осоавиахима и первичные осоавиахимовские организации не приняли должных мер для развертывания массовой работы, слабо привлекали инструкторов к практической работе. Указывается, что железнодорожная ветка «Апатит» и ряд других организаций не подготовили ни одного человека, как и в совхозе «Индустрия», где инструкторы ПВХО имелись. Вместе с тем на руднике имени С. М. Кирова план подготовки I квартала был перевыполнен на 15 человек, а по плану II квартала подготовлено 100 человек.

Для решения данной проблемы к концу первого полугодия 1941 года требовалось обеспечить переподготовку ранее обученных кадров ПВХО и использовать их на практической работе. В документе отмечается, что советы депутатов трудящихся должны обсудить вопрос о подготовке населения к ПВХО, принять меры к улучшению этой работы на предприятиях, в учреждениях и школах. Было принято решение о том, что необходимо ежемесячно ставить в известность районный исполнительный комитет о ходе подготовки населения к ПВХО в организациях [Там же: Л. 59].

В марте 1941 года из штаба Ленинградского округа поступила информация о том, что для обеспечения формирований военного времени высылается «неприкосновенный запас приказа НКО № 450 1940 г.», а также был передан приказ командующего войсками округа: «Высылаемый материал для обеспечения формирования военного времени хранить в тех частях, на базе которых будут создаваться новые части и учреждения». Подчеркивалось, что нужно категорически воспретить изъятие из неприкосновенного запаса приказов НКО и бланков присяги для текущей потребности [ГАМО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 25. Л. 14].

На следующем заседании исполнительного комитета Кировского районного совета депутатов трудящихся, которое было связано с подготовкой населения к ПВХО, отметили, что деятельность по городу Кировску считается неудовлетворительной. За I квартал 1941 года подготовлено 22 % значкистов ПВХО. Некоторые организации не подготовили ни одного человека с прошлого собрания. Среди них указаны контора Облстройтреста, артель «Промбыт», транспортная контора и железнодорожная ветка комбината «Апатит», ТЭЦ, ОКС и ряд других организаций. Группы самозащиты работают плохо, имеющееся оснащение хранится в «безобразном состоянии». Это объяснялось тем, что горисполком не потребовал от отдельных руководителей хозяйственных организаций выполнения утвержденного плана по подготовке к ПВХО [ГАМО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 9. Л. 94]. На заседании, посвященном выполнению плана особых (оборонных) заданий за I квартал 1941 года, также отмечено, что результаты неудовлетворительны. Крайне медленно выполняются работы по объектам, которые необходимо приспособить под госпитали. Не было произведено неприкосновенных запасов авторезины, запчастей, инструментов.

Последнее предвоенное заседание 7-го июня 1941 года подтвердило, что состояние противоздушной и химической обороны в Мурманске и районах области неудовлетворительное. Таким образом, проблемы с выполнением плана подготовки были актуальны на всей территории, а не только в Кировске. Население, подготовленное по нормам ПВХО I ступени, составило 4559 человек, или 7 % годового плана, а инструкторов подготовлено 176 человек, или 26 %. Команды и группы самозащиты не были организованы, обучены и оснащены полностью боевым имуществом. Особенно плохо дело обстояло в Кольском районе, Микояновском районе города Мурманска, где эта работа не производилась вовсе. Относительно оснащения для ПВХО отмечено, что запланированных на 1941 год 8514 штук противогазов явно недостаточно [Там же: Л. 48].

Согласно документу от 26 апреля 1941 года «О мобилизационной готовности конского состава, повозок и упряжек МО», улучшилось общее состояние конского поголовья, но одновременно имеет место безответственное отношение руководителей хозяйств к его содержанию и эксплуатации. Например, в совхозе «Индустрия» (Кировский район) молодежь содержат в овощехранилище, «сырость, грязь, темно, земляной пол» [Там же: Л. 36].

Подготовка к войне шла еще по одному направлению — оборудование эвакуационных госпиталей [Эвакогоспитали..., ЭР], которые в годы войны, согласно организационно-распорядительным документам, представляли особый тип медицинского учреждения военного времени для госпитализации и стационарного лечения раненых и больных, эвакуируемых из войск действующих армий. Они выполняют все функции стационарного военного госпиталя мирного времени, штатного транспорта для передвижения собственными средствами не имеют; в населенных пунктах, где развернуто несколько эвакуационных госпиталей, на один из них возлагаются функции сортировочного госпиталя для приема раненых и больных, прибывающих в данный пункт, и отправки эвакуируемых из него и т. д. [ГАМО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 25. Л. 88]. Согласно выписке из «перечня должностей, замещаемых военнообязанными, выделяемыми местными органами гражданских наркоматов, на укомплектования формирований», в состав эвакогоспиталей входили руководящий состав, врачи-специалисты (в том числе по лечебной физкультуре и питанию, физиотерапевт,

рентгенолог, стоматолог и др.), средний медперсонал, техники и др. [ГАМО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 25. Л. 12]. В мае 1941 года пришло сообщение о том, что для обеспечения медицинской помощью гражданского населения в период войны — как исключение, в отдельных случаях — медперсоналу эвакогоспиталей разрешается работать в гражданских лечебных учреждениях по совместительству, однако такое разрешение может дать только гарнизонный врач. При рассмотрении этого вопроса необходимо обращать внимание на степень загрузки медперсонала и на то, чтобы это работа не ухудшала обслуживание больных и раненых [Там же: Л. 33]. Мурманскому горздравотделу, Кировскому и Мончегорскому райздравотделам пришло уведомление о том, что в соответствии с решением Мурманского облисполкома от 7 июня 1941 года их обязали в двухнедельный срок определить помещения для размещения личного состава эвакогоспиталей, а также подсобные помещения — прачечные, гаражи, сарай для дров и др. Всё это нужно было подготовить до 25 июня 1941 года [Там же: Л. 73].

Задача организации госпиталей в Кировске требовала решения с первых месяцев войны. По распоряжению Мурманского облисполкома уже с июля 1941 года в школе № 1 города Кировска и в школе № 3 поселка Кукисвумчорр начали свою работу два госпиталя № 1442 и № 1445 для эвакуированных с поля боя раненых солдат и офицеров. Один из госпиталей вынужден был изменить свою специализацию с терапевтической на хирургическую, поэтому на комбинате «Апатит» было налажено изготовление недостающих хирургических приборов — скальпелей. В документах архивного фонда Кировского райисполкома за 1941 год имеются сведения о работе еще одного госпиталя № 1021, из чего можно предположить, что бои на Кольском полуострове были ожесточенными и кровопролитными.

### **Предварительный вывод**

Основными направлениями подготовки населения к войне в городе Кировске были организация обучения противовоздушной и противохимической обороне и подготовка к развертыванию эвакогоспиталей (особенно в последние предвоенные месяцы). Работа эта контролировалась органами исполнительной власти. Согласно имеющимся документам, результаты подготовки к войне, особенно в части организации противовоздушной и противохимической обороны, в 1940–1941 году были признаны неудовлетворительными. В остальных сферах также были обнаружены различные недостатки. Такое положение дел не могло не потребовать с началом военных действий дополнительных чрезвычайных усилий специалистов и всего населения по организации защиты города и сохранению человеческих ресурсов. Недостатки подготовительных мероприятий не помешали Мурманской области стать одной из немногих подвергшихся нападению частей страны, где удалось остановить немецкое наступление и предотвратить захват важных объектов.

### **Список сокращений**

- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВМС — Военно-морские силы
- ГАМО — Государственный архив Мурманской области в городе Кировске
- ОКС — отдел капитального строительства
- МПВО — местная противовоздушная оборона

НКО — Народный комиссариат обороны  
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел  
Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому  
строительству  
ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона  
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль  
ФАШ — фельшерско-акушерская школа

### Список источников и литературы

ГАМО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 9. Отчеты о наличии и состоянии автотранспорта в Кировской автотранспортной конторе на 01.01.40. Отчет оленей, саней, упряжек на 01.09.41. Планы создания упряжек для неприкосновенного запаса.

ГАМО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 46. Протоколы заседаний исполнительного комитета Кировского районного совета депутатов трудящихся.

ГАМО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 25. Документы о формировании эвакуационных госпиталей № 1442 и № 1445. Учетные карточки склада (01.06.1941–27.06.1941).

*Герчина О. С.* Народ ликова! или Как встретили День Победы жители Кировска и Апатитов // Кировский рабочий. 2018. 8 мая.

*Елисеев Г. В.* Прифронтовая Кандалакша: Воспоминания секретаря горкома партии / лит. обраб. А. И. Краснобаева. Мурманск: Кн. изд-во, 1985. 103 с.

Кировск в документах и фактах. 1920–1945 гг.: хрестоматия / Арх. упр. Мурманской обл., Гос. арх. Мурманской обл. Кировск, 2006. 265 с.

Кировская ФАШ в годы Великой Отечественной войны // Мурманский вестник. 2015. 8 мая. URL: <https://vmnews.ru/novosti/2015/05/07/kirovskaa-fas-v-gody-velikoj-otecestvennoj-vojny> (дата обращения: 25.02.2020).

*Киселев А. А.* Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941–1945 годах. Мурманск: Кн. изд-во, 2002. 512 с.

Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов. Мурманск: Кн. изд-во, 1978. 333 с.

*Подгорбунская Т. И.* Военное лихолетье // Вести Кандалакши. 2013. 20 июня.

*Подгорбунская Т. И.* Война и ловозерцы // Ловозерская правда. 2014. № 42. 17 октября.

*Подгорбунская Т. И.* Совхоз «Индустрия» в годы Великой Отечественной войны // Кировский рабочий. 2015. 2 июля, № 26.

*Подгорбунская Т. И.* Кандалакша. Первые дни войны // Нива. 2017. 22 июня.

Публикации // Государственный архив Мурманской области в г. Кировске. URL: <http://www.archive-kirovsk.ru/index.php/activity/publications> (дата обращения: 25.02.2020).

*Ржевский Б.* Вторая мировая война в Хибинах. URL: <http://www.hibiny.ru/news/ru/archive/13513/> (дата обращения: 25.02.2020).

*Салимова С. М.* 1941 год в истории города Кировска. По документам государственного архива Мурманской области в г. Кировске: докл. // Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Кольский Север в годы Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: <http://www.archive-kirovsk.ru/activity/reports-2/434-1941-god-v-istorii-goroda-kirovsk-po-dokumentam-gamo-v-g-kirovsk> (дата обращения: 25.02.2020).

*Старостин М. И.* Дневники войны. Мурманск: Опимах, 2014. 440 с.

*Федоров П. В.* Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2009. 388 с.

*Чапенко А. А.* Титовская оборонительная операция. 22 июня — 5 июля 1941 года. Мурманск: Изд-во МГГУ, 2014. 189 с.

*Шишов С. В.* Фронтная лыжня Заполярья. Барнаул, 2019. 452 с.

Эвакогоспитали в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://rgantd.ru/arh-docs/vov/evakogospitali-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 21.02.2020).

*Сведения об авторе*

**Стрельников Владимир Валерьевич**

аспирант

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

**Vladimir V. Strelnikov**

Postgraduate student,

Barents Centre of the Humanities FRC KSC RAS

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**  
**SCIENTIFIC LIFE**

DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.015

**О. А. Сулейманова**

**О ПЕРВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЕМИНАРЕ  
ПО СЦЕНАРНОМУ ПРОГНОЗИРОВАНИЮ «БУДУЩЕЕ НАРОДА СААМИ  
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ»**

**Olesya A. Suleymanova**

**ABOUT THE FIRST EDUCATIONAL SEMINAR  
ON SCENARIO FORECASTING “THE FUTURE  
OF THE SAMI PEOPLE UNDER THE GLOBAL CHANGES”**

2–3 ноября 2019 года в г. Апатиты на базе Кольского научного центра РАН прошел Первый образовательный семинар для саамской молодежи Мурманской области по сценарному прогнозированию «Будущее народа саами в условиях глобальных изменений». Мероприятие проводилось в рамках международного проекта «Традиционные знания как платформа для адаптации молодежи коренных народов к воздействию изменения климата». Организаторами выступили Институт проблем промышленной экологии Севера (ИППЭС КНЦ РАН), Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина (ИЭП КНЦ РАН), Лаборатория устойчивого развития Проектного офиса развития Арктики (ЛУР ПОРА), Фонд саамского наследия и развития в партнерстве с Центром содействия КМНС (ЦС КМНС, Москва).

В работе семинара приняли участия 52 человека из городов и поселков Мурманской области: Апатиты, Ловозеро, Мончегорск, Ёна, Оленегорск, Ковдор, Мурманск, а также из Санкт-Петербурга и Москвы (рис.). «Семинар объединил представителей коренных народов и ученых для совместного обсуждения стоящих перед регионом вызовов. Широкий диапазон участников от школьников до докторов наук, от оленеводов до представителей органов власти и НКО позволил охватить весь спектр проблем жизни саами в контексте изменяющегося мира и меняющегося климата» [Изменение климата, 2019, ЭР].

Идея мероприятия заключалась в том, чтобы в доступной форме рассказать саамскому сообществу о результатах исследований ученых об изменениях в арктических экосистемах и обществе, которые происходят под влиянием меняющегося климата, а также в результате антропогенных воздействий [Боровичёв, ЭР]. Помимо серии докладов, семинар включал сессию по сценарному прогнозированию. Она предполагала работу в малых группах с целью разработки сценариев развития Мурманской области, которые будут учитывать изменения, происходящие в жизни коренного населения региона.

С приветственной речью к участникам и гостям обратились его модераторы и организаторы Р. В. Суляндзига, В. А. Маслобоев, Е. А. Боровичёв, Е. М. Ключникова, А. Ф. Данилов, В. В. Совкина. Руководитель Центра содействия

коренным малочисленным народам Севера, кандидат социологических наук Родион Васильевич Суляндзига в приветственном слове определил главные задачи семинара: «Основная наша цель и задачи — получить новую информацию по проблеме изменения климата, работа с молодежью и разработка стратегий». Директор Кольского саамского радио Валентина Совкина пожелала всем участникам семинара плодотворного сотрудничества: «Приятной работы и благодати, чтобы мы действительно создали нашу концепцию и стратегию и помогли нашей Вселенной адаптироваться к изменению климата».



Участники Первого образовательного семинара по сценарному прогнозированию «Будущее народа саами в условиях глобальных изменений». Фото Н. Слупачик

В первый день работы семинара были заслушаны доклады об изменении климата и последствиях его влияния на животный и растительный мир, на различные отрасли промышленности и жизнь людей в Арктике. Отдельный блок докладов был посвящен традиционным знаниям коренного населения и особенностям их применения для адаптации к меняющемуся миру.

Ведущий научный сотрудник Института глобального климата и экологии им. акад. Ю. А. Израэля, кандидат географических наук О. Н. Липка (Москва) представила доклады «Изменение климата на Севере европейской части России: современные тренды и прогнозы» и «Парижское соглашение и его значение для России». Участники с большим интересом выслушали доклады, задали много вопросов и использовали полученную информацию в дальнейшей работе по сценарному прогнозированию. Живой отклик у аудитории вызвал доклад зав. отделом социальной политики на Севере ИЭП КНЦ РАН, кандидата экономических наук Л. А. Рябовой «Влияние изменений климата на жизнь людей в Арктике». Докладчик подчеркнула, что «Арктика — один из четырех наиболее уязвимых к изменениям климата регионов Земли. Здесь живет от двух до четырех

миллионов человек (в зависимости от того, как определять ее границы), большое число разных групп коренных народов и население восьми стран <...>; в отношении коренных народов Арктики необходимо исследовать социальные и климатически обусловленные риски здоровью, возможные перемены в работе инфраструктуры, транспортной доступности населенных пунктов, экономические вызовы и возможности вследствие климатических изменений, а также разработать меры по смягчению последствий и адаптации к ним на разных уровнях власти» [Чернова, 2019, ЭР].

Второй день работы семинара начался с докладов о сценарных методиках, устойчивом развитии и традиционных знаниях коренных народов Севера. Огромный интерес вызвали доклады сотрудников ЦС КМНС — кандидата социологических наук Р. В. Суляндзига «Коренные малочисленные народы Севера и устойчивое развитие» и кандидата биологических наук Н. В. Вронского «Традиционные знания и со-управление природными ресурсами». От Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН с докладом «Виртуальные саамские сообщества как новая площадка для коммуникации (на примере социальной сети “ВКонтакте”)» выступила научный сотрудник, кандидат исторических наук О. А. Сулейманова.

Большая часть второго дня была посвящена разработке сценариев развития Мурманской области до 2050 года, учитывающих изменения в жизни саамских сообществ региона. В ходе семинара участники должны, опираясь на исследовательский опыт и знания, определить основные движущие силы будущих изменений и описать видение будущего Мурманской области и коренного населения в контексте уже созданных глобальных сценариев развития. «К основным движущим силам участники отнесли права коренного народа и диалог с властью, экологическую политику, человеческий потенциал и традиционную культуру. Исходя из того, как эти драйверы проявят себя к 2050 году, разработали четыре рассказа о будущем. Все четыре сценария получились оптимистичными. <...>. Наиболее желательным сценарием признан тот, в котором губернатором Мурманской области станет представитель народа саами» [Боровичёв, ЭР].

Подводя итоги, можно отметить, что участники семинара обсудили актуальные вопросы, связанные с адаптацией коренного населения к изменениям климата и активно поработали над прогнозированием сценариев будущего народа саами в условиях глобальных изменений. С заключительной речью выступили представители и активисты саамского сообщества С. Е. Заборщикова, В. В. Совкина, Д. Скавронская, В. А. Кириллова. Динара Скавронская приехала на семинар из Мурманска вместе со своими детьми, которые также принимали активное участие в его работе, задавали лекторам вопросы. В конце она поблагодарила всех организаторов и участников семинара за интересную и плодотворную работу: «Я представитель саамского народа и общественной организации саамов Мурманской области и многодетная мама. Собственно, все мои дети здесь. Любая тема, которая касается саамов и нашей жизни на этой Земле и всех изменений, которые касаются этой территории: политических, экологических, глобальных и т. д. — все это меня очень интересует, и моих детей тоже <...>. Мне теперь интересно, что будет дальше, какой конечный результат будет у этого проекта». С заключительным словом выступили организаторы и модераторы семинара. Р. В. Суляндзига подчеркнул: «Мне кажется, что те цели и задачи, которые мы

перед собой ставили, мы их выполнили <...>. Я думаю, что та часть молодежи, которая тут присутствует, наша встреча, она стала такой, я надеюсь, своеобразной мотивацией. По крайней мере, связь поколений — она должна быть. Мы не можем говорить о будущем любого народа, если мы не обеспечим связи между старшим и младшим поколениями. И для малочисленных народов это вдвойне актуальнее, потому что на сегодняшний день тенденция такова, что разрыв между поколениями растет». А. Ф. Данилов обратил внимание на возраст участников семинара: «Меня радует состав участников. <...>. Сегодня участники у нас от мала до велика... самому младшему участнику и года нет».

В завершение работы семинара Е. М. Ключникова поблагодарила представителей саамов за активное участие в нем. Валентина Анисимовна Кириллова исполнила песню на саамском языке на стихи Октябрины Вороновой.

В 2020 году планируется провести еще два подобных семинара.

### **Список сокращений**

КМНС — коренные малочисленные народы Севера

НКО — некоммерческая организация

### **Список литературы**

*Боровичёв Е. А.* Будущее народа саами в условиях глобальных изменений [Новости науки] // Сайт ФИЦ КНЦ РАН. URL: <https://www.ksc.ru/press-sluzhba/novosti/novosti-nauki/budushchee-naroda-saami-v-usloviyakh-globalnykh-izmeneniy/> (дата обращения: 10.02.2020).

Изменение климата: информ. бюлл. 2019. URL: [http://www.meteorf.ru/upload/pdf\\_download/Izmenenie\\_klimata\\_N81\\_OctNov\\_2019.pdf](http://www.meteorf.ru/upload/pdf_download/Izmenenie_klimata_N81_OctNov_2019.pdf) (дата обращения: 10.02.2020).

*Чернова Н.* Климат меняется: чего мы ждем? // Дважды два. 2019. 8 ноября. URL: <http://gazeta2x2.ru/?p=86314> (дата обращения: 10.02.2020).

### ***Сведения об авторе***

**Сулейманова Олеся Анатольевна**

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

**Olesya A. Suleymanova**

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities FRC KSC RAS

